

ISSN 1729-4924

БЮЛЛЕТЕНЬ

**ВЛАДИКАВКАЗСКОГО
ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ**

№ 60

Владикавказ 2021

БЮЛЛЕТЕНЬ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ

Издается с 1998 г.

Учредитель – Владикавказский институт управления

Редакционный совет: В.Д. Дзгоев, З.И. Салбиева,
В.А. Тишков, К.Х. Туганов, А.В. Черджиев

Редакция: Т.Э. Кусов, А.В. Гагиева, Н.Х.
Бузарова, М.В. Цуциева,
Н.Ю. Туаева (научный редактор)

Бюллетень публикует статьи, посвященные проблемам права, экономики, образования, этнополитической и социально-экономической ситуации в России и мире, переводы статей зарубежных ученых, материалы конференций и круглых столов, проводимых Владикавказским институтом управления, научную хронику и рецензии.

Материалы Бюллетеня отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией учредителей, редакционного совета и редакции.

Электронная версия Бюллетеня выставлена на сайте института www.viu-online.ru.

При использовании ссылка на материалы Бюллетеня обязательна.

Адрес редакции:

362025, Республика Северная Осетия-Алания,
г. Владикавказ, ул. Бородинская, 14
тел: (8672) 540499, факс: (8672) 541580
E-mail: viu-online@mail.ru

ISSN 1729-4924

**Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

© Владикавказский институт управления, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Айдарова Н.Г. поэтапное становление и развитие земельной реформы в постсоветской России	5
Макиев С.А., Айдарова Н.Г., Гугкаев К.Б. становление законодательства о наследственных фондах	11
Сатцаев Э.Б. роль арабизмов в формировании лексического фонда осетинского языка тематической группы «водного» значения	15
Тотрова Дз.Б. слова терминологической функции в роли составных элементов	27

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Кесаев С.О., Дадтеева А.М. современные подходы маршрутизации транспорта	38
Накусова Ф.Б., Тедеева З.Б. анализ финансовых результатов деятельности и рентабельности ОАО «Кавдоломит»	45

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Бурнацев З. А., Гагиева А.В. правовое регулирование выпуска акции акционерными обществами	52
Гагиева В. Т., Кокоева Л.Т. регулирование вопросов образования корпоративных юридических лиц по зарубежному законодательству	59
Дзоблаева Ф.Ф., Бузарова Н.Х. особенности корпоративного управления по российскому законодательству	71
Дзугаева И.А., Лишута И.В. к вопросу о восстановлении государством корпоративного контроля	77
Кертанова Э.В. , Цаликова М.Б. развитие законодательства о корпорациях в Российской Федерации	81
Кочорова В.С., Гагиева А.В. корпоративная культура: актуальные проблемы корпоративных обычаев и корпоративных деловых обыкновений	87
Макиев С.А., Айдарова Н.Г. Бесолов Д.В. некоторые аспекты классификации и систематизации обязательств в гражданском праве	
Плиев З.О., Кокоева Л.Т. виды корпораций в англосаксонской и германской системах права	95
Хадаев Э.А., Гагиева А.В. основные новеллы законодательства о юридических лицах	

Хачирова К.М., Кокоева Л.Т. Сравнительно-правовой анализ развития антимонопольного законодательства на рынке товарных услуг в России и за рубежом	120
Хетагурова С.А., Лишута И.В. О правовой природе корпоративного договора	126
Черткоев А.А., Гагиева А.В. Юридическая ответственность единоличного исполнительного органа перед корпорацией	133

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Авсанов Д.С. Уголовные наказания, применяемые к несовершеннолетним в странах континентальной правовой системы	144
Базоатэ А.В., Рассказов М.Ю. О соотношении вины и прочих смежных с ней категорий	150
Барданова М.В., Бязров С.Е. Вопросы судебной практики по делам, сопряженным с причинением вреда при задержании лица, совершившего преступления	158
Бекоева Э.П., Качмазов О.Х. Влияние международного уголовного права на содержание и развитие уголовного законодательства России.....	168
Гуев Х.Р. Сущность и признаки проявления коррупции	173
Каркусова С.Дз., Бузарова Н.Х., Цакоев А.А. Прикосновенность к преступлению по законодательству латиноамериканских стран	179
Медоев В.И., Бузарова Н.Х., Цакоев А.А. Некоторые особенности международного преступления	185
Мильдзихов Б.Д., Бузарова Н.Х. Реализация принципа законности в уголовном процессе	191
Сайлаонов Т.И., Рассказов М.Ю. О мерах совершенствования уголовно-правовой квалификации взяточничества	195
Сурхаев Г.Р., Рассказов М.Ю. О мерах уголовно-правового характера, применяемых несовершеннолетним	206
Хамицев Р.Ю., Качмазов О.Х. Перспективы развития системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России	214
Цопбоев Х.А., Бузарова Н.Х., Цакоев А.А. Понятие и классификация преступлений в уголовном праве Англии и Франции	226

Н. Г. Айдарова

ПОЭТАПНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В статье рассматривается поэтапное развитие земельных отношений в современной России. Дается краткая характеристика земельной реформы, развитие института частной собственности на землю, подробный анализ нормативных правовых актов, земельного законодательства.

Ключевые слова: *земельная реформа, земельное законодательство, Россия, право собственности, формы собственности, гражданско-правовые сделки.*

Вопросы о земле, земельных отношениях, о путях развития сельского хозяйства важны для любого государства. Особую важность данные вопросы представляют для России, где сосредоточено большое количество земельных ресурсов. Поэтому правильный анализ земельных отношений имеет исключительное значение для современных условий.

На протяжении советского периода земля была изъята из гражданского оборота, находилась в исключительной собственности государства и не рассматривалась как недвижимое имущество. Однако, несмотря на господство государственной собственности на землю и легальное исключение ее из имущественного оборота, постепенно земля все больше втягивалась в товарный оборот и в подтверждение этого выбора можно привести положение Основ земельного законодательства СССР 1968 г., которые наделяли колхозы и совхозы правомочием самостоятельно передавать часть своих сельхозугодий во временное пользование.

Особо подчеркивается имущественная направленность данного нововведения, выражающаяся в установлении воз-

мездного характера временного пользования (Основы возлагали на временного пользователя обязанность возместить затраты сельхозпредприятию). Таким образом, полномочия по распоряжению землей частично переходили от государства – собственника земли – к первичным землепользователям. Изменяющиеся экономические условия хозяйствования диктовали необходимость легализации земельного оборота. Очередным шагом в этом направлении стали «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик от 23.11.1989 № 810-1 «Об аренде» [1] и Основы законодательства Союза ССР и союзных республик от 28.02.1990 г. «О земле» [2], разрешившие аренду земельных участков гражданам, колхозам, совхозам, а также иностранным гражданам и юридическим лицам. Эти нормативные акты стали предпосылками начала современного оборота земель сельскохозяйственного назначения. Основы законодательства об аренде 1989 г. возродили гражданско-правовой характер использования земель сельскохозяйственного назначения на условиях возмездности по договору аренды. Важное значение имело введение института земельного кадастра. Ст. 49 Основ устанавливала необходимость проведения количественной, качественной, экономической оценки земли, т. е. нормативно закреплялись требования, фактически предъявляемые при оценке имущества, которое могло находиться в свободном гражданском обороте. Однако в то время земля еще не рассматривалась как имущество [3].

Таким образом, гражданский оборот и, в частности, право собственности на земельные участки стали складываться в России с начала 1990-х годов. Появление рынка земли, субъектов этого рынка, обладающих земельными участками, способствовало разгосударствлению и становлению института права частой собственности на землю [4].

На первом этапе земельной реформы (1990-1991гг), в ноябре-декабре 1990 г., были внесены изменения в Конституцию РСФСР, в результате был принят Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях к Конституции РСФСР» [5] от 15 декабря 1990 года, вносящим изменения в ст. 12 Конституции РСФСР в части возможности предоставления земельных участков в собственность, включая использование их в целях производства сельскохозяйственной продукции. Были приняты следующие законодательные акты: Закон РСФСР от 23.11.1990. № 374-1 «О

земельной реформе» [6], Закон РСФСР от 22.11.1990. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [7] и Закон РСФСР от 22.11.1990. № 343-1 «О личном подсобном хозяйстве» [8], Закон РФ от 11.10.1991 № 1738-1 «О плате за землю», а также был принят Земельный кодекс РСФСР от 25.04.1991 № 1103-1 (утв. ВС РСФСР) [9].

Вышеназванные акты создавали возможность для приобретения земельных участков в частную собственность, а также закрепляли право пожизненно наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками, что, несомненно, являлось прогрессивным шагом для развития земельных отношений.

В то же время институт права собственности на землю нёс ограниченный характер, так как собственник земельного участка не имел право совершать такие сделки как купля-продажа, дарение, мена и др. в течение 10 лет. Данное исключение не касалось садовых, дачных и приусадебных участков.

Второй этап земельной реформы (1992-1993 гг.) связан с массовой реорганизацией колхозов и совхозов (ее предполагалось осуществить за один год) и приватизацией находившихся в их пользовании сельскохозяйственных угодий. При проведении приватизации решались следующие задачи:

1) Одной из социально-политических задач на втором этапе земельной реформы являлось создание условий для развития частной собственности на землю. Земельные участки, принадлежащие колхозам и совхозам можно было передать в общую долевую собственность работникам, проработавшим не менее 10-15 лет в данных сельскохозяйственных организациях;

2) ускорить реорганизацию колхозов и совхозов путём передачи сельскохозяйственных угодий (земельных долей) аграрным товаропроизводителям, что, несомненно, способствовало развитию частной земельной собственности.

Третий этап земельной реформы (1993-2001 гг.) связан с принятием Конституции РФ, которая в части земельных отношений:

1) подтвердила право частной собственности на землю;

2) отменила мораторий на продажу земли, что означало право совершать все гражданско-правовые сделки с земельными участками, т. е. прежде всего снятие ограничений для собственников, получивших земельные участки бесплатно (от

колхозов и совхозов), а также для граждан, получивших земельные участки на возмездной основе. В то же время граждане, имеющие земельные участки для ведения ЛПХ, ИЖС, садоводства, огородничества, дачного хозяйства имели право в соответствии с законодательством данные участки продавать.

Основным результатом трёх этапов земельной реформы следует считать формирование нового типа земельных отношений, которые выражались в следующем:

1. Произошло перераспределение земель (от крупных сельскохозяйственных предприятий к населению). Так, только за 1991-1993 гг. общая площадь ЛПХ увеличилась на 2,8 млн га, т. е. более чем на 85% в сравнении с предреформенным периодом. В последующем это расширение продолжилось, хотя и не носило столь масштабный характер (в 1994-2009 гг. их общая площадь увеличилась еще на 1,9 млн га). В основном была решена задача обеспечить граждан земельными участками для ЛПХ, ИЖС, коллективного садоводства и огородничества, что повлекло расширение круга граждан-землепользователей.

2. Развитие многообразия форм собственности на землю и равная их защита является одним из основных принципов действия земельного законодательства. Одним из положительных результатов земельной реформы является сформировавшийся класс земельных собственников – более 28 млн. человек, 12 млн. граждан имеют в собственности земельные доли. В настоящее время распределение земельных ресурсов, землепользование, извлечение прибыли стали кардинально другими, поэтому несут более рациональный и эффективный характер для граждан [10].

3. Кроме купли-продажи стали активно применяться такие гражданско-правовые сделки, как аренда, залог, мена, дарение и сервитут.

4. В России земельный рынок складывался постепенно, вначале гражданскому обороту подлежали небольшие земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения. К концу земельной реформы заключать сделки купли-продажи можно было и в отношении более крупных земельных участков, (кроме изъятых из оборота или ограниченных в обороте).

Таким образом, граждане и юридические лица, являвшиеся собственниками, могли самостоятельно совершать сделки с земельными участками.

Четвертый этап земельной реформы (2001-2004 гг.) связан с активным развитием земельного законодательства. В это время были приняты Земельный кодекс РФ и другие важные законы. Это позволило решить большую часть не урегулированных в 1990-е гг. земельно-правовых вопросов. Оставалась только не решенная по настоящее время проблема земельных долей. По сути это означало завершение активной фазы земельной реформы. Дальнейшие задачи в земельной сфере предполагали не реформирование каких-либо общественных отношений, а реализацию норм указанных федеральных законов и их детализацию в подзаконных актах.

Дальнейшее развитие земельных отношений (это уже не было земельной реформой) начался с 2004 г. После принятия Градостроительного кодекса РФ обозначилась тенденция расширить сферу действия градостроительного законодательства в ущерб земельному законодательству. Это и правила землепользования и застройки, и градостроительные регламенты, а в последнее время и стремление осуществлять межевание земельных участков по правилам не земельного, а градостроительного законодательства.

Существенным шагом в развитии земельных отношений является принятие Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ [11]. Закон регулирует отношения, возникающие в связи с осуществлением на территории Российской Федерации государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, подлежащих в соответствии с законодательством государственной регистрации, государственного кадастрового учета земельных участков. Единый государственный реестр недвижимости является сводом достоверных систематизированных сведений об учтенном в соответствии с настоящим Федеральным законом недвижимом имуществе, о зарегистрированных правах на такое недвижимое имущество, основаниях их возникновения, правообладателях,

Основным итогом более чем 30-летних преобразований в земельной сфере стало то, что, как и в других сферах экономики, были в полном объеме внедрены рыночные отношения. В качестве негативных последствий следует отметить криминализацию земельной сферы, а также то, что новые земельные собственники не стали, как это предполагалось, последова-

тельно противостоять негативным процессам природного характера (эрозии и др.) и инвестировать средства в повышение плодородия сельскохозяйственных земель.

Кроме того, до настоящего времени не решена проблема невостребованных земельных долей. Так, почти четвертую часть составляют земельные доли, собственники которых за 25 с лишним лет так и не предприняли каких-либо действий по распоряжению землей, доставшейся им в собственность. По различным оценкам, суммарная площадь невостребованных земельных долей достигает 25 млн га. С 2019 г. в целях упорядочения ситуации с невостребованными земельными долями принимаются меры, предусматривающие их передачу по решениям суда в муниципальную собственность.

Таким образом, на современном этапе развития в результате обновления гражданского и земельного законодательства особую актуальность приобретает обеспечение сочетания частноправовых интересов граждан и обеспечения публичных интересов государства.

Примечания:

1. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 25. Ст. 481.
2. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. №10. Ст. 129.
3. Липски С. А. «Еще раз о земельной реформе» // Аграрное и земельное право. 2019. С. 61.
4. Плиев Э. Г., Айдарова Н. Г. Аграрное право (общая часть). Учебное пособие. Владикавказ 2012. С. 111.
5. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990 г. № 29. Ст. 395.
6. Ведомости СНД и ВС РСФСР., 1990. № 26. Ст. 327.
7. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 26. Ст. 324.
8. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 26. Ст. 332.
9. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 285.
10. Крассов И. О. Земельное право. Учебник. 5 – изд. Изд. «Норма» 2018. С. 345.
11. СЗ РФ 2015. № 29 (часть I) Ст. 4344.

С. А. Макиев, Н. Г. Айдарова,
К. Б. Гугкаев

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАСЛЕДСТВЕННЫХ ФОНДАХ

Неэффективность доверительного управления наследственным имуществом, растрата так называемого лежачего наследства, признание нотариально удостоверенного завещания недействительным с связи с пороком воли наследодателя при его составлении – лишь малая часть проблем, с которыми сталкиваются участники наследственных правоотношений в настоящее время. Возможность их решения заложена в новых нормах, внесенных в положения Гражданского кодекса РФ, закрепляющих создание нового субъекта наследственного права – наследственного фонда, имеющего многовековую историю по собственному формированию и функционированию в юрисдикциях большинства государств.

Ключевые слова:

После перехода Российской Федерации на рыночные отношения произошли кардинальные изменения в законодательстве, в том числе в наследственном праве. В этой связи в предпринимательской среде появляется запрос на формирование инструмента, позволяющего принимать во внимание волеизъявление собственника по управлению и использованию актива, оставшегося после его смерти. Таким инструментом стал наследственный фонд, на формирование которого, безусловно, оказали влияние и соответствующие институты, активно применяющиеся в юрисдикциях других государств.

Наследственный фонд РФ является своего рода суррогатом траста, инструмента, которым пользуются владельцы больших капиталов во всем мире. В традиционном понимании траст представляет собой специальную структуру, позволяющую управлять активами. Эта структура обычно проходит регистрацию в офшорных безналоговых юрисдикциях.

Первый траст был основан в Англии в XI столетии. Но нужно отметить, что еще Аристотель приводил в своих работах описание принципов и основ формирования трастовых отношений [1]. Также трастовые отношения называет и римское право, в котором функционировал институт фидеикомисс (другая вер-

сия – фидеикомис, от латинского *fideicommissum*, что в переводе означает «доверие», и *committere*, что переводится как «вверять»). Это была разновидность завещания, в котором наследодатель распоряжался о совершении наследником установленных действий в пользу третьего лица. Фидеикомисс мог применяться и по отношению к третьим лицам, не являющимся наследниками. К примеру, наследодатель имел право возложить на своего должника обязанность по возвращению задолженности определенному лицу, которое не всегда являлось наследником [2].

Законодательство, регламентирующее трасты, стало активно развиваться в средневековой Англии в период крестовых походов. Землевладельцы, участвовавшие в них, передавали свои земельные права лицам, к которым они относились с доверием. Однако по возвращении они сталкивались с тем, что лица, которым вверена была земля, не хотели отдавать право собственности назад. «Общее право» на тот момент не закрепляло право предыдущего владельца требовать возврата ему ранее переданного имущества, так как для судебных органов в качестве единственного собственника выступал юридический обладатель титула. С целью решения данного вопроса, не урегулированного в «Общем праве», был основан Суд справедливости, в компетенцию которого вошло рассмотрение такого рода дел. Лорд-канцлер имел право объявить, что право собственности на «капитал» (по справедливости) принадлежит еще одному человеку, «если так велела совесть» [3]. Суд справедливости мог установить, что настоящим владельцем или выгодоприобретателем собственности является не тот, который владеет соответствующим юридическим титулом.

В ту же эпоху основан принцип *cestui que* – человек, который заслуживает доверия, а в английском праве выделяются понятия юридического и реального собственника. Все это и послужило основой формирования и развития трастового законодательства.

В дальнейшем практически все колонии восприняли английское право, включая прецедентную практику и нормы общего права, регулирующие трастовые правоотношения. Определенные части Британской империи активно работали над кодификацией трастового законодательства. В качестве примера можно привести Индийский Закон о Трастах 1882 г., закрепляв-

ший, что доверие – это неременное дополнение к имуществу, оно проистекает из доверия, которое было оказано держателю имущества [4].

На протяжении XX столетия трасты начали применять в разных целях за пределами их основного назначения. В частности, их использовали для того, чтобы не разделять большие семейные капиталы, в случае наследования или в целях благотворительности. К примеру, трастовое законодательство Америки – это комплекс норм права, применяемых с целью сохранения активов. В большинстве своем законы, регламентирующие формирование и администрирование трастов в Америке, на сегодняшний день регулируются государством. В августе 2004 г. была предпринята попытка кодификации общепринятых принципов общего права в рамках англо-американского права по отношению к трастам и создания единого закона о трастах, обязательного бы для каждого штата, но до сих пор в каждом штате действуют свои нормы о трастах [5]. Невзирая на это, юристами США была оптимизирована форма владения собственностью, в частности, активы являются собственностью траста, но их контролирует прежний собственник.

Как правило, за рубежом такие фонды основываются предпринимателями и богатыми людьми при жизни. Это делается не только с целью поддержания родных после своей смерти, но и в общественных целях. Так, капиталы из фонда могут направляться на удовлетворение потребностей учреждения, целого города или даже человечества в целом. Наиболее яркий пример подобной благотворительности – это фонд, основанный Нобелем.

Итак, трасты, наследственные фонды являются особым институтом права, функционирование которого насчитывает не одно столетие. Сейчас ими, как и прежде, осуществляется исторически сложившаяся функция: они смягчают суровые нормы права с целью торжества права справедливости.

П. 1 ст. 4 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» определено, что такие наследственные фонды будут создаваться во исполнение завещаний граждан – появится возможность управлять имуществом, полученным в порядке наследования.

Однако, как представляется, это далеко не последний законопроект, касающийся наследственных фондов. Мы можем определить ни один проблемный момент относительно анализируемого института, который не урегулирован на законодательном уровне. Одним из таких вопросов является, к примеру, сам момент создания наследственного фонда. Согласно внесенным изменениям в законодательство, чтобы создать наследственный фонд необходимо волеизъявление гражданина, облаченного в завещание. Завещание, предусматривающее создание наследственного фонда, должно включать в себя решение об его учреждении, устав фонда, а также условия управления фондом. Нотариус, в производстве которого находится наследственное дело, направляет в уполномоченный государственный орган заявление о государственной регистрации наследственного фонда не позднее трех рабочих дней со дня открытия наследственного дела после смерти гражданина, который предусмотрел в своем завещании создание наследственного фонда. В случае, принятия решения регистрирующим органом об отказе в регистрации в силу ошибок или недочетов учредительных документов, отсутствует конструкция по разрешению возникшего обстоятельства, как и отсутствует ответ на вопрос, кто вносит изменения в устав наследственного фонда, отраженного в завещании.

Неясным остается и вопрос о том, каков будет порядок формирования органов управления наследственным фондом в случае отказа лица, указанного в решении об учреждении фонда, войти в состав органов фонда и невозможности сформировать органы фонда.

Стало быть, нововведения о наследственных фондах не стали исключениями и поставили ряд вопросов, которые еще стоит разобрать законодателю, чтобы такой данный институт смог «прижиться» в нашей системе права. Несмотря на это актуальность возникновения в российской правовой системе наследственных фондов – неоспорима, а решение создать его – вполне обоснованное и рациональное.

Примечания:

1. Конькова С. В., Анисимов С. А. Генезис института наследования в странах романо-германской и англосаксонской пра-

вовых систем // Вестник Екатеринбургского института. – 2015. – № 4 (32). – С. 107-112.

2. Дождев Д. В. Римское архаическое наследственное право / Д. В. Дождев; Рос. Академия наук, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1993. С. 102-107.

3. Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. М., 2012. С. 69.

4. Белов В. А. Индийский Закон о договорах 1872 года (общие сведения, общий комментарий, оригинальный текст и русский перевод) // Правоведение. – 2014. С. 46. // Электронный ресурс: Режим доступа. <https://cyberleninka.ru/article/n/indiyskiy-zakon-o-dogovorah-1872-goda-obshchie-svedeniya-obshchiy-kommentariy-originalnyy-tekst-i-russkiy-perevod> (дата обращения: 01.10.2021).

5. Паничкин В. Б., Боровик О. Ю. Наследственное право США. СПб.: Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 79. // Электронный ресурс: Режим доступа. <http://lawlibrary.ru/izdanie57057.html> (дата обращения: 01.10.2021).

Э. Б. Сатцаев

РОЛЬ АРАБИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Исторические контакты осетин оставили глубокий след на словарный состав осетинского языка. В аланский период для осетинского характерны контакты с кавказскими и тюркскими языками. Первые контакты алан с арабами восходят к 8-10 векам, однако арабизмы в осетинский язык позже, через соседние кавказские и тюркские языки. В осетинском насчитывается не менее сотни лексем арабского происхождения и они не представляют собой сепаратную осетино-арабскую изоглоссу. Большинство арабизмов вошло в осетинский независимо от религиозной принадлежности осетин. Значителен вклад арабского и в осетинскую ономастику. В тюркские и кавказские языки арабизмы попали большей частью через персидский. Арабская лексика заняла прочное место в междукавказском словарном фонде. На грамматический строй осетинского языка арабский не повлиял.

Ключевые слова: аланы, осетинский, арабский, персидский, тюркские языки, кавказские языки, ономастика, ислам.

Осетинский язык тысячелетиями находился в тесном взаимодействии с другими языками. Заимствования являются наиболее простым и массовым путем развития лексического фонда осетинского языка. Процесс принятия иноязычных слов в осетинском языке наблюдается в древности и не прекращается и до сих пор [1]. Иноязычная лексика благодаря легкой проницаемости осетинского языка является важнейшим источником пополнения словарного состава. Исторические контакты осетин оставили глубокие следы на современном словарном составе [2]. Источники заимствований сменяли друг друга исходя от экстралингвистических причин.

Установить численное соотношение слов осетинского фонда и иноязычных заимствований в отличие от других иранских языков для осетинского языка сравнительно легко. Немалая часть слов осетинского языка восходит к эпохе общеиндоевропейского языкового единства. Осетинский язык сохранил также слова от эпохи до исторических контактов с другими группами индоевропейских языков. Однако, иранский фонд составляет основу всех лексико-грамматических особенностей [2]. Общеиранскими являются основные группы существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов, наречий и служебных слов и т. д. Современное состояние осетинского языка позволяет в большинстве случаев довольно точно ограничить слова исконно-иранские от заимствований [3]. Большинство иранских слов засвидетельствовано и в большинстве иранских языков.

Наличие лексем иранского фонда в иранских языках не всегда говорит об их происхождении из одного источника, хотя чаще всего развитие лексем происходило именно так.

Лексические взаимоотношения иранских языков является сложным историческим процессом. В разных иранских языках иранская лексика восходит к одной общей древнеиранской основе. Однако, развитие любого из иранских языков происходило в специфических меняющихся условиях, в тесном взаимодействии с другими языками. В результате возникла возможность лексических заимствований из одного иранского языка в другой. Кроме того, в иранских языках наблюдаются субстратные явления и диалектальные новообразования [4].

Иногда, доказать принадлежность слова к иранскому фонду сложно. Причина – значительное изменение морфемной струк-

туры в результате процессов исторических лексикализаций и искажение фонетического облика слова.

Филологам приходится распознать былую структуру, которая потеряна в результате исторического развития [4].

В осетинском языке процесс заимствований происходил путем субстратизации, то есть замены чуждых звуков фонемами своего языка. Иногда происходило полная адаптация, искажения и окрашивания заимствованных слов.

В процессе развития осетинский язык соприкасался с другими языками. Степень их влияния на осетинский язык, хронология и причины проникновения лексем из разных языков представляли собой трудную и малоизученную проблему [5].

История скифов рассказывает о длительных контактах их с греками. Однако, это не оставило следов в современном составе современной лексики.

В аланский период для осетинского языка характерными стали контакты с кавказскими и тюркскими языками. Кавказское окружение не могло не оказать значительное воздействие на фонетику, морфологию и синтаксис осетинского языка [5]. Однако не стоит преувеличивать это влияние. Кавказские языки повлияло, прежде всего, на фонетику осетинского языка. На морфологическую структуру осетинского языка кавказское влияние является спорным и нуждается в дальнейшем исследовании.

Для глоттогенеза осетинского языка необходимо привлечь материал всех иранских языков, в том числе мертвых, что даст ответы на многие вопросы формирования осетинского языка. Тюркские элементы также составляют весьма заметную и значительную группу осетинской лексики. В составе осетинского языка мы находим более трехсот лексических единиц [1].

В 8 веке арабы предприняли завоевательный поход на Кавказ, и они намеревались осуществить походы на Северный Кавказ. В это время аланы непосредственно столкнулись с исламом и арабом. Однако, арабы массами не переселялись – они оседали в крупных городах и мало общались с местным населением. Разумеется, арабский не мог оказать влияние в этой ситуации на языки местных народов. Оно произошло гораздо позже в результате принятия ислама народами Северного Кавказа. Основная масса арабизмов в осетинском языке В. И. Абаев связывал с принятием ислама в период «Золотой орды», ко-

торый доминировал в регионе Северного Кавказа [6].

В 15-18 веках осетины находились под значительным влиянием Османской Империи, что способствовало проникновению арабизмов в осетинский язык через турецкий.

Следовательно, осетины не имели непосредственных контактов с арабами, а арабизмы вошли в осетинский язык через соседние языки (преимущественно тюркский и кавказский). Как подчеркивалось ранее, первые контакты алан с арабами восходят к 8-10 векам. Эти контакты носили, прежде всего, враждебный характер, и арабы не могли существенно повлиять на аланов и их язык. В 10 веке Арабский халифат распался и знамя ислама перехватили иранцы и турки. Иранцы стали основными носителями и распространителями исламских традиций, в частности – культуры и языка [4,35-46].

Турки являлись носителями военных традиций и составляли основу армии. Государственный аппарат полностью обслуживали иранцы с своим историческим опытом. Иранцы и ранее сыграли подобную роль во времена становления халифата [4].

Из языков Ближнего и Среднего Востока, подвергшихся арабскому влиянию, персидский язык по количеству арабских лексических заимствований стоит на первом месте. По мнению многих иранских ученых персидский язык обладает двумя словарными составами – персидским и арабским [4].

В некоторых персидских текстах количество арабской лексики доходит примерно до 80%. Вместе с арабской лексикой заимствовались и многие понятия административного устройства, религии, экономики, культуры и т. д.

Арабский повлиял и на грамматику персидского языка. Однако, эти арабские грамматические формы вошедшие в персидский язык не вошли в персидский язык.

Некоторые иранские слова под влиянием арабского произношения начали произноситься на арабский лад.

Кроме многочисленных лексических пластов и застывших сочетаний персидский язык заимствовал из арабского некоторую систему словоизменительных, словообразовательных и синтаксических моделей, которые не вошли в осетинский язык.

В осетинский язык вошло не менее сотни лексем арабского происхождения. Эти лексемы широко используются в осетинском словообразовании. В результате этого в осетинском языке

ке бытует сотни арабизмов [6,56-64].

Мусульманство среди осетин распространилось в конце 16 начале 17 века под влиянием Кабарды. Первыми ислам приняли феодальные сословия, которые тесно связаны были с кабардинскими князьями. Феодалы затем начали вынуждать своих крестьян принять мусульманство. Процесс принятия мусульманства активно поддерживался Турцией, которая хотела распространить свое влияние на весь Северный Кавказ.

Периодически среди осетин использовалось и арабское письмо, но эта практика не получила широкого распространения.

Наличие арабской лексики в осетинском языке было отмечено еще в самом начале становления осетиноведения. В. Ф. Миллер отметил в своем труде «Язык осетин» 17 арабизмов.

Наиболее полная характеристика арабизмов имеется в историко-этимологическом словаре осетинского языка В. И. Абаева. По семантическому признаку в арабизме в осетинском языке можно выделить следующие группы:

1. Понятие общественного характера;
2. Административно-политические термины;
3. Понятие в области религии;
4. Лексика в области экономики;
5. Лексика в области культуры;
6. Название предметов быта и труда;
7. Термины военного дела;
8. Название стран и народов.
9. Осетинская ономастика.

Значительная часть арабизма активно используется в осетинском словообразовании. В историко-этимологическом словаре осетинского языка В. И. Абаева представлено около 300 арабизмов [3]. Большинство этих заимствований без сомнения являются по происхождению арабскими лексемами, которые попали в осетинский язык из персидского и турецкого языков через посредства соседних кавказских языков. Однако, некоторая часть арабских заимствований носит спорный характер.

Например:

aħass: aqazzag; помощь, польза

aħyāl: æwwæł; состояние, положение

ʼalaw: ala; копоть

āsim: azym; вина, провинность

iblis: fudbulyz; злой дух, беда, несчастье

badan: bædæjnag

bagr: furd

bajrām: majræmbon

balā: bællæx; беда

hila; xin; хитрость, хитрый

В арабизме в осетинском языке не представляют собой сепаратную осетино-арабскую изоглоссу. Они охватывают минимум 2-3а то и большинство языков Кавказа.

В арабизм первоначально распространились с исламом и с мусульманской культурой. Исходя из особых связей осетин с кабардинцами можно полагать, что осетинский язык заимствовал эту лексему из кабардинского. До кабардинцев осетины (аланы) тесно общались с тюрками (кипчаками, ногайцами и др.), что способствовало внедрению части арабизмов через них. Некоторые арабизмы попали в осетинский через грузинский.

С народами Дагестана и азербайджанцами осетинский этнос тесно не общался. Близкое общение осетин с ингушами не способствовало внедрению арабизма в осетинский через ингушей. Сам ингушский язык воспринял некоторую часть арабизма через осетинский. К тому же общественные функции ингушского языка были ограничены и влияние культуры и лексики ингушей особенно не наблюдается.

Большинство арабизмов вошли в осетинский язык независимо от религиозной принадлежности осетин, однако, в речи южных осетин арабизма несколько меньше, чем в речи северных осетин. Часть арабизмов, вошедших в речь южных осетин, среди северных осетин не прослеживается. До присоединения Кавказа к России Грузия входила в состав Ирана и Турции и языки этих государств значительно повлияли на грузинский, который в свою очередь значительно влиял на речь южных осетин.

Принятие ислама сопровождалось стремлением к смене также личных имен. В осетинской ономастике появились десятки имен арабского происхождения.

Арабские имена проникали в осетиноязычную среду различными путями. Многие имена вошли в осетинскую среду благодаря контактам с соседними народами Кавказа. Другие благодаря укреплению ислама и канонизацию арабских имен. Арабские собственные имена в осетинском языке адаптиро-

вались и подчинились звуковым канонам и правилам осетинского языка. Значительная часть собственных имен в осетинском языке часто являются гибридными. Один компонент – арабский, другой – тюркский. Например, *Xasanbek*, *Dunetxan*, *Xairqyŕ* и т. д. [7].

Основным путем проникновения ислама к осетинам является тюркский этнический мир, с которыми предки осетин сталкивались еще до знакомства с мусульманами.

Как указывалось выше, иранцы сыграли значительную роль в утверждении ислама Западной Азии. С 10 века инициатива укрепления ислама перешло в руки иранцев. Тюрки ислам приняли через иранцев, и становление литературных норм литературных языков происходило под непосредственным влиянием персидского языка.

Основным источником пополнения лексики тюркских языков являются иранские и арабские языки они составляют основной объем заимствованной лексики. Данный слой является одним из самых древних, формировался в результате длительных тесных экономических и культурных связей тюрков с ираноязычными народами. Среди иронизмов преобладают слова обозначающие конкретные понятия относящиеся к земледелию технике, культуре, строительству, и быту [8].

Через персидский в тюркские языки интенсивно проникали арабские элементы которые в своём большинстве выражали абстрактные понятия, связанные с нормами и правилами мусульманской религии, наукой и культурой внутренним состоянием человека и его духовными качествами и т. п.

Начиная с десятого века в регионе проживание тюрков сложились культурные центры, вокруг которых объединялись учёные, писатели, поэты, которые формировали литературные языки тюркских народов. Выборочный анализ, например, узбекских текстов показывает что количество арабо-персидской лексики в среднем составляет 40 процентов. В турецком языке количество арабо-персидский заимствований в 17-18 веках доходило до 80-90 процентов [8].

Тюрки сами во времена становления их статуса лишь sporadически контактировали с арабами, которые к 10 веку ослабились и не имели развитых государственных образований высокого статуса. В тюркской среде сформировались персоязычные поэты мирового значения, такие как Джалаладдин Руми,

Низами Ганджави и другие.

Изначально этногенез большинства тюркских народов происходило под огромным влиянием иранских народов. Иранские народы активно проникали в прародину тюрков - Саяны, Западная Монголия и Алтай. По причине численного большинства тюрков иранские народы ассимилировались и влились в состав тюркских племён. По мере продвижения тюрков на Запад иранский компонент возрастал и усиливался в этногенезе современных тюркских народов иранский элемент весьма значителен. Это - казахи, уйгуры, узбеки, тюркские племена Афганистана и Ирана, азербайджанцы, турки, башкиры, татары, ногайцы, кумыки, балкарцы, карачаевцы, и т. д. [8].

К десятому веку официальный статус арабского языка значительно снизился. Во времена Османов арабский использовался большей частью в религиозной сфере.

Арабский язык входит в семитскую группу языков, грамматика этого языка значительно отличается от грамматики иранских, тюркских и кавказских языков.

Всего в арабском языке 34 фонем. Большинство арабских фонем обычны и звучат приблизительно так же как в осетинском языке.

Специфическими фонемами считаются эмфатические т, д, с, з, к, которые произносятся с особым напряжением органов речи. Редким согласным звуком является гортанный взрыв* и гортанный придыхательный. Пять эмфатических и пары гортанных, зевных междузубных и слабых придают особый колорит звучанию арабской речи в целом [9].

Глагол в арабском языке занимает центральное место языковой системе. Будучи практически равнозначным корню он значительной мере подчинил область имени. Все глагольные формы подразделяются на два ряда концентрируясь вокруг понятия завершенности или незавершенности действия. Исключительно оригинальную черту глагола в арабском языке составляет его способность порождать ряд новых глаголов при посредстве аффиксальных элементов и повторного использование корневых согласных. Созданные глаголы таким путём сохраняют формальную и смысловую связь с первичной глагольной основой. По существу созданный глагол является модификацией первичного глагола и вообще считается особым случаем словоизменением.

Однако полученные путём преобразования глагольные формы обретают самостоятельное существование, спрягаются по полной парадигме развивают дополнительные значения и часто значительно удаляются от исходного. Подобные произвольные глагольные формы, сочетающие в себе признаки словообразования и словоизменения называются в науке породами. Таким образом глагольные породы являются лексико-грамматической категорией [9].

Всего в арабском языке насчитывается 15 пород каждая из них постоянную схему, типовое значение или несколько значений. От каждого глагола, как простого так и производного образуется большая группа отглагольных имён, которые образуются строго по определённым моделям, закреплённым за данным значениями.

Социально – коммуникативная общность, охватываемая арабским языком, включала и другие разговорные языки выполнявшие примерно тот же объем функций (иранские, тюркские, романские и другие)

В качестве литературного арабский был не единственным. Другие языки в регионе могли сохранить свои литературные языки и между ними и арабским языком были сложные взаимодействия и взаимовлияния новоперсидский язык вобрал в себя огромное количество арабской лексики и это содействовало превращению его в один из наиболее выразительных языков мира и созданием новоперсидской литературы. Новоперсидский стал теперь на ряду с арабским языком ислама.

Иран перерос свою арабскую основу и превратился в многонациональную и многоязыковую культуру и религию. Иранская цивилизация сыграла такую же роль в развитие мусульманской культуры, как греческая цивилизация в сложение христианство и его культуры.

В общем можно сделать вывод, что формирование большинства слов осетинского языка восходит к глубокой древности – к эпохе общеиндоевропейской языкового единства. Осетинский язык сохранил не только слова древнего происхождения, но и от эпохи доисторических контактов с другими группами индоевропейских языков [2].

Иранский фонд составляет основу всех лексико-грамматических группировок частей речи не только осетинского языка, но и других иранских.

Современное состояние иранского языкознания и методы этимологического, историко-фонетического, и лексико-семантического анализа позволяет в большинстве случаев довольно точно отграничить слова исконно иранские от заимствованных слов.

Наличие слов иранского фонда родственных иранских языках не всегда свидетельствует о их происхождении из одного источника, хотя чаще всего развитие лексики в иранских языках происходило именно так. Лексические взаимоотношения иранских языков -это сложный исторический процесс. Значительная часть иранского лексического элемента в иранских языках восходит к общей древнеиранской основе. Однако много лексики заимствовалась из одного иранского языка в другой [4].

Формирование лексических богатств осетинского языка, происходило тысячелетиями.

До нас дошел богатый язык, который, по мнению В. И. Абаева, является «весьма совершенным гибким и послушным орудием для выражения самых тонких и деликатных изгибов мысли и чувств».

Большинство лексики осетинского языка сформировалась при помощи словообразовательных процессов внутри языка. Происходило переосмысление, расширение, сужение и семантическая селекция лексики.

Другим путем развитие лексического фонда осетинского языка, являются заимствования.

До вхождения Осетии в Россию ориентация на кавказские языки была главным поставщиком лексики в осетинский. Наиболее частые сходжений с кавказскими языками отмечают на уровне номинативной лексики многие слова заимствовались кавказскими языками из пограничных языков и были переданы в другие соседние языки. В науке эти лексемы называются кочующими, которые объединяют осетинский язык сразу со многими языкам Кавказа. Значительное число подобных кочующих лексем представлено в «Очерки осетинского языка», автор Камболов Т. Т. [1]. Поверхностный анализ показывает, что немалое количество лексем имеют иранское происхождение или спорные

Для истории народов Кавказа и их языков необходимо глубоко исследовать период и социальные условия, и направление этих заимствований.

В современном осетинском языке характерна общая ориентация на русский. Необходимость обозначать новые понятия привело к заимствованию через русский сотен европеизмов не имеющих соответствие в осетинской терминологии.

Особое развитие получили безэквивалентные термины, охватывающие современные знания, технику, политику, культуру, международные отношения, искусство, спорт, торговлю, и т. д.

На ряду безэквивалентной лексики в осетинском языке происходит процесс создания лексики внутренних ресурсов осетинского языка.

Среди иноязычных заимствований на третьем месте в осетинском занимает тюркская лексика. В. И. Абаев выявил около тысячи двести осетинско – тюркских изоглосс. Некоторые изоглоссы носят спорный характер и нуждаются в дальнейших исследованиях. Однако наличие такого большого числа тюркских заимствований говорит о глубоких исторических связях осетин и тюрков.

Среди иноязычных заимствований в осетинском языке немало и арабских заимствований. Они попали в осетинский через тюркские и кавказские языки, а в эти языки они попали через персидский.

Среди арабизмов в осетинском языке, нет сепаратных осетинско – арабских изоглосс. Почти все они охватывают большинство языков Кавказа и входят в междукавказский лексический фонд. В осетинском арабская лексика занимает прочное место и по подсчетам ученых число арабских заимствований составляет 100-150 лексем [6].

Заимствование слов – необходимый процесс языкового развития. Лексический заимствования обогащают язык и не вредят его самобытности. Основной словарный запас сохраняется. Неизменными остаются свой грамматический строй. Внутренний закон языкового развития сохраняются. Языковые контакты народов способствуют сотрудничеству и связям.

Основная причина этого господство Арабского Халифата, исламская религия, экономические, политические и культурные связи с ириев и арабов, а так же языковая мода, многовековая ориентация на арабский язык и сильные арабоязычные тенденции до XX века.

Примечания:

1. Камболов, Т. Т. Очерк истории осетинского языка: учебное пособие для студентов, изучающих осетинский язык / Т. Т. Камболов. Владикавказ: Ир, 2006. 463 с., ISBN 5-7534-0602-5.
2. Абаев, В.И. Осетинский язык и фольклор: [Текст] / В.И. Абаев. Том 1. Акад. наук СССР. Москва; Ленинград: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949 (Ленинград). 603 с.
3. Абаев, В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: Указатель / В.И. Абаев; Сост. Е. Н. Сченснович и др.; Рос. АН, Ин-т языкознания, Гос. науч. центр Респ. Сев. Осетия-Алания, Центр культур. антропологии. М.: Б. и., 1995. 447 с.; 24 см.; ISBN (В пер.) (В пер.): Б. ц.
4. Пейсиков, Л. С. Лексикология современного персидского языка [Текст]: [Учеб. пособие для вузов по специальности «Вост. яз. и литература»]. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 206 с.; 20 см.
5. Миллер, В. Ф.. Язык осетин [Текст]: [перевод с немецкого] / Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. Северо-Осетинский науч.-исслед. ин-т при Совете министров Северо-Осетинской АССР; [ред., предисл. и примеч. В. И. Абаева]. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленинградское отд-ние], 1962. 190 с.
6. Ирано-афразийские языковые контакты: сборник статей [Текст] / отв. ред. Г. Ш. Шарбатов, Вып. 2; Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. Москва: Наука, 1991. 128 с.
7. Ирано-афразийские языковые контакты: сборник статей: [Текст] / отв. ред. Г. Ш. Шарбатов Москва: Наука, 1987. 171с.
8. Языки мира. Тюркские языки: сборник статей: [Текст] / Российская акад. наук, Ин-т языкознания; гл. редкол.: В. Н. Ярцева (пред.) и др.]. Москва: Индрик, 1997. 542 с.; 24 см.; ISBN 5-85759-061-2 (В пер.)
9. Очерки истории арабской культуры (V-XV вв.) / Отв. ред. О. Г. Большаков. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. 440 с.

**СЛОВА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
В РОЛИ СОСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ВОДНОГО» ЗНАЧЕНИЯ**

Общеизвестно, что, в силу многозначности лексики любого естественного языка, границы, существующие между специальным и стилистически нейтральным классами слов, нечеткие и размытые, вследствие чего даже многие термины могут оказаться полисемантическими лексемами. Сказанное относится к ряду членов лексико-тематической группы «водные природно-географические объекты». Целью настоящей статьи является попытка определить признаки, отделяющие терминологические лексические единицы от общепотребительного лексического пласта исследуемого тематического поля.

Ключевые слова: *лексико-тематическая группа, водные природно-географические объекты, терминологическая лексика, общепотребительная лексика, лексическая синонимичность, взаимозаменяемость лексем, этимологический дублет, синонимический ряд, стилистическая оценка, доминантное слово.*

Лексический состав любого языка насыщен терминологией, предназначенной для наименования понятий, принадлежащих определенной отрасли знания. Не обделена в этом отношении и лексико-тематическая группа «водные природно-географические объекты». Ее основной терминологический состав извлечен из «Нового французско-русского словаря» под редакцией В. Г. Гака и К. А. Ганшиной [1] (*émissaire m., baille m., bassin m., montant m., chenal m., épandage m., riviera f., ebbe, ébe m., forme f., puits m., lit m., puisard m., le plancher des vaches, sentine f.*) и дополнен теми единицами, которые регистрируются словарем «Le Petit Robert» [2], предлагающим считать терминами существительные: *fleuve m., tributaire, passe f., effluent m., bras m., canal m., defluent m., doline f., estran m., lais m., laisse f., méditerranée f., ria f., rivage m., rivière f., torrent m., anse f., jusant, mouille f., plage f., perdant m., raz m.*

«Водная» лексика терминологической отнесенности английского языка почерпнута из «Большого англо-русского словаря», который сопровождается соответствующими пометами существительные *neck, water-way* [3].

Количественные несовпадения двух лингвокультур в тер-

минологическом составе «водной» лексики становятся очевидными даже без элементарных подсчетов. Столь явные разногласия в лексикографических описаниях могут быть связаны с неоднозначным восприятием самого понятия «термин». Важно отметить, что в языкознании выдвигаются предположения, согласно которым некоторые лексемы имеют тенденцию обретать терминологический статус, попадая в научный дискурс. Иными словами, данная точка зрения подразумевает «реализацию разных типов информации в зависимости от соотношения слова с обиходным или научным понятием. Этот разряд слов относится к полифункциональной лексике, использующейся одновременно в разных функциях, в разных сферах» [4].

Достаточно ярким примером данного лингвистического явления может послужить словарная статья существительного *pond* – 1) пруд; бассейн; водоём 2) земляной отстойник *aestival* ~ пруд, промерзающий зимой до дна; *ash* ~ золоотстойник; *containment* ~ пруд-накопитель (для отведения концентрированных сточных вод); *cooling* ~ охлаждающий пруд; *dew* ~ искусственный водоем, конденсирующий атмосферную влагу; *evaporation* ~ испарительный бассейн; *fish* ~ пруд для разведения рыбы; прудок лестничного рыбохода; *gathering* ~ пруд-накопитель (системы очистных сооружений) и т. д. [3]

И в самом деле, сравнительный анализ словарного материала, связанного с «водной» тематикой, и научных текстов, объединенных географической общностью, убеждает в том, что существительные, означающие водные природно-географические объекты средствами общеупотребительной лексики, не лишены подчас и терминологического оттенка в их значении. В доказательство приведем словарные статьи нескольких существительных:

– *Méditerranée f.* «Средиземное море (между Европой, Азией и Африкой) 1» – *cour.* *La Méditerranée (entre l'Europe, l'Asie et l'Afrique) (mod., géogr. Une Méditerranée)* [2];

– «*La Méditerranée ouvre un espace liquide de 2,5 millions de kilomètres carrés, vaste comme cinq fois la France...*» [5];

– *Rivage f.* «берег, побережье» [1];

– *cour.* *Partie de la terre qui borde une mer ou un lac (dans ce cas, on dit plutôt Rive) (Cour. Géogr. et Dr. Zone soumise à l'action des vagues, et éventuellement des marées)* [2] – «... le Beau Rivage, à Lausanne, a reçu les confidences des grands de ce

monde à l'abri de ses 4 hectares de jardin au bord du Leman» [6];

– Rivière *f.* «река (впадающая в другую реку)» [1] – *Cour.* Cours d'eau naturel de moyenne importance. Rivière qui se jette dans un fleuve (*géogr.* et *cour.* Masse d'eau de ruissellement qui s'écoule dans un lit, depuis le moment où elle paraît à l'air libre jusqu'à ce qu'elle se jette dans une masse d'eau plus importante (cours d'eau ou mer) [2];

– «Un grand gaillard descend d'un talus surplombant l'Isère, avance vers la quatre-voies, charriant un énorme sac de détritiques tirés de la rivière, et les dispose en tas, bien en vue des conducteurs. Gaspard Forest n'est pas fou, il milite» [7];

– Torrent *m.* «поток, стремительное течение; бурный поток; горная река» [1];

– cours d'eau à forte pente, à rives encaissées, à débit rapide et irrégulier (*géogr.* Cours d'eau à forte déclivité qui coule sur des pentes assez fortes pour entraîner toutes les eaux de pluie) [2];

– Nappe *f.* «водная поверхность; слой воды» [1];

– *cour.* Vaste couche ou étendue plane (de fluide) (*mod., géogr., géol.* Nappe (d'eau); eau occupant une dépression fermée, toute eau stagnante (lac, étang) [2];

– Fleuve *m.* «река (впадающая в море)» [1];

– Grande rivière (remarquable par le nombre de ses affluents, l'importance de son débit, la longueur de son cours); Spécialt. lorsqu'elle aboutit à la mer (*Géogr.* Tout cours d'eau (même petit) aboutissant à la mer (on dit plutôt fleuve côtier) 2 – «Si les fortes chaleurs actuelles ont un effet direct sur l'évaporation de l'eau, et donc la baisse du niveau du fleuve, d'autres raisons sont apportées» [8].

Приведенный иллюстрированный материал ясно показывает, что лексема способна располагать одновременно двумя типами значений: общеупотребительным и терминологическим (которое, как мы в этом уже убедились, обычно бывает полнее). Отметим, что Webster's Third New International Dictionary of the English Language не содержит указания на терминологический характер существительных *песк* и *waterway* [9].

Иначе говоря, грань, отделяющая слово-термин от лексической единицы, воспринимаемой в общеупотребительном курсе, в данном случае не очерчивается.

В составе исследуемой лексико-тематической группы имеются слова, получающие в лексикографической литературе не-

однозначную стилистическую оценку, что обусловлено, вероятно, отсутствием четких границ между пластами общеупотребительной и терминологической лексики. Ср.:

– Effluent *m.* «вытекающий поток; рукав реки» [1] (*géogr.* Cours d'eau issu d'un lac ou d'un glacier. Effluent urbain, ensemble des eaux (eaux de ruissellement, eaux usées) à évacuer de la ville et des matières qu'elles sont susceptibles d'entraîner) [2];

– Passe *f.* «проход, фарватер; пролив» [1] (*géogr., mar.* Passage étroit ouvert à la navigation) [2];

– Bras *m.* «рукав реки» [1] (*géogr.* Division d'un cours d'eau que partagent des îles) [2];

– Défluent *m.* «рукав (реки) [1]» (*Géogr.* Bras formé par diffuence d'un cours d'eau. Les défluent d'un delta) [2];

– Estran *m.* «маршевый берег; шtrand» [1] (*géogr.* Portion du littoral entre les plus hautes et les plus basses mers) [2];

– Ria *f.* «длинная узкая бухта; затопленная приморская долина» [1]; (*géogr.* Sur certaines côtes, vallée fluviale noyée par la mer) [2];

– Anse *f.* «бухточка¹» (*Par anal. de forme*) *Mar.* Petite baie peu profonde)²;

– Jusant *m.* «морской отлив¹» (*mar.* Marée descendante) [2];

– Perdant *m.* «отлив¹» (*mar.* Marée descendante) [2];

– Tributaire «(de) впадающий в...; rivière ~ d'un fleuve река, впадающая в другую» [1] (*adj. géogr.* Qui se jette dans un cours d'eau plus important) [2].

Подобное несоответствие стилистического облика присуще в определенной степени и лексемам английского языка.

– Neck «*georg.* перешеек; коса; узкий пролив» [1]; 1) a narrow stretch of land (as an isthmus, cape, promontory, or mountain pass); 2) a narrow body of water between two larger bodies; 3) a narrow current flowing seaward through incoming surf) [2].

Итак, мы видим, что терминологическая лексика неотъемлемым образом связана с общеупотребительной. Приведенные лексикографические данные находят поддержку в теоретических обобщениях, которые адекватно отражают универсальные процессы, протекающие в стилистических дифференциациях языковых систем: «Научный стиль, как и любой другой из книжно письменных стилей, использует большое количество стилистически нейтральных единиц, в том числе лексических языковых средств. Причем, наблюдается одна интересная закономер-

ность: вся эта лексика при изъятии ее из контекста делается как бы абстрактной, из нее исчезают те тонкие оттеночные значения, которые придают ей даже какой-то налет терминологичности. Возможно, в этом заключается парадокс общелитературной лексики, попадающей в научный стиль, поскольку только в изолированном виде эта лексика может считаться стилистически нейтральной, а в тексте подключается к выполнению научно-информационной функции, приобретая при этом некоторую терминологизованность» [10]. С данной точкой зрения вполне возможно согласиться.

Еще одним доказательством взаимосвязи между двумя категориями лексем (то есть нейтральной (общеупотребительной, общенародной) и терминологической) является их возможная взаимозамена, позволяющая констатировать, что терминологические единицы могут иметь синонимы. Общеизвестно, что в лексикологии предлагается рассматривать в качестве критерия лексической синонимичности такое явление, как взаимозаменяемость лексем в определенных контекстах. Рассмотрим синонимические ряды, предлагаемые словарем «Le Petit Larousse» [11]:

А) Cours d'eau désigne, d'une manière générale, ce qui peut être, en particulier, un ruisseau (ou tout petit cours d'eau, dont le diminutif est ru), une rivière (ou cours d'eau de moyenne importance), un fleuve (ou grande rivière ayant beaucoup d'affluents et se jetant dans la mer), un torrent (ou cours d'eau à forte pente et à débit irrégulier); gave se dit d'un torrent pyrénéen; affluent se dit d'un cours d'eau qui se jette dans un autre [11].

Из приведенного материала выясняется, что *cours m.* является существительным общего значения, способным обозначать а) *ruisseau m.* «ручей или маленький поток воды», – сокращенно *ru m.* «ручеек», б) *une rivière* «река (впадающая в другую реку) или поток воды средней массы», в) *un fleuve* «река (впадающая в море) или большая река, имеющая много притоков и впадающая в море», г) *un torrent* «поток, стремительное течение; бурный поток; горная река или поток воды с сильным скачком и неравномерной скоростью», д) *gave m.* «горный поток (в Пиренеях)», *affluent m.* «приток (поток воды, впадающий в другой поток)» [1,2].

Свидетельством того, что в данной синонимической цепочке существительное *cours m.* является словом-доминантой, то

есть лексемой, имеющей широкое значение, которое позволяет ей взаимозаменяться с другими лексическими единицами с близкими смыслами, может явиться очевидный факт возможности доминантного слова выступить в качестве составного компонента в значении остальных членов данной микрогруппы:

– Cours *m.* – 1) écoulement continu de l'eau des fleuves, des rivières, des ruisseaux 2) cours d'eau: cours d'eau qui se jette dans un autre [2];

– Ruisseau *m.* – petit cours d'eau, affluent d'une rivière, d'un lac, d'un étang [2];

– Ru *m.* – *vx.* ou *région.* Petit ruisseau [2];

– Rivière *f.* – 1) *cour.* cours d'eau naturel de moyenne importance; rivière qui se jette dans un fleuve. – *Géogr.* et *cour.* Masse d'eau de ruissellement qui s'écoule dans un lit, depuis le moment où elle paraît à l'air libre jusqu'à ce qu'elle se jette dans une masse d'eau plus importante (cours d'eau ou mer) [2];

– Fleuve *m.* – grande rivière (remarquable par le nombre de ses affluents, l'importance de son débit, la longueur de son cours); *spécialt.* Lorsqu'elle aboutit à la mer [2];

– Torrent *m.* – cours d'eau à forte pente, à rives encaissées, à débit rapide et irrégulier [2];

– Gave *m.* – cours d'eau, torrent pyrénéen [2];

– Affluent *m.* – cours d'eau qui se jette dans un autre [2].

Дефиниции членов упомянутого синонимического ряда свидетельствуют о доминирующем положении в нем существительного *cours m.*

Рассмотрим также дефиницию лексемы *bord m.*:

– Bord *m.* – 1) terme à valeur générale, ses synonymes sont d'emploi plus restreint: bord d'un étang; périphérie, pourtour, si l'on envisage la surface en tant que telle; rive, berge, si l'on envisage qu'il s'agit d'un plan d'eau: le bord de la mer = rivage, côte, bord immédiate; rivage se dit aussi pour un lac; grève, plage, terrain de gravier ou de sable qui longe la mer; littoral, ensemble des côtes qui bordent une mer (le littoral méditerranéen); rivage: le voilier quitta rapidement le rivage (en parlant de la mer); (*didact.*) littoral; rive s'emploie pour une rivière (la rive droite de la Loire) ou pour la mer (les rives de la Méditerranée); v. bord; v. aussi côte [11].

Приведенная словарная статья является иллюстрацией к тому, что синонимы существительного широкого значения *bord m.* «берег» [1] характеризуются более узким употреблением.

Bord m. устанавливает синонимические отношения со словами *réiphérie f.* «периферия, окружность» (если речь идет о поверхности как таковой), *rive f.* «берег», *berge f.* «берег реки, канала» (если рассматривается «поверхность воды»). Сема «берег моря», вычленяемая в лексеме *bord m.*, позволяет ей встать в один ряд со словами *rivage f.* «берег, побережье» (имеет также значение «берег озера»), *côte f.* «берег, побережье», *bord immédiate* «непосредственный берег». В значении «берег моря» употребляются и лексические единицы *grève f.* «песчаный берег», *plage f.* «пляж, взморье; отлогий берег; отмель; прибрежная полоса», *terrain de gravier ou de sable qui longe la mer* «суша, покрытая гравием или песком, которая окаймляет море»; *littoral m.* «побережье, прибрежная полоса», *ensemble des côtes qui bordent une mer (le littoral méditerranéen)* «берега, лежащие вдоль моря (берега Средиземноморья)». *Rive f.* «берег» употребляется в значении «берег реки» (Левый берег Луары) или «берег моря» (берега Средиземноморья) [1,2,11].

– *Golfe*: *Le golfe du Lion est dangereux pour la navigation; une baie est un petit golfe abrité; une anse est une petite baie; de même qu'une crique (on notera cependant que crique évoque surtout un refuge naturel ou peuvent s'abriter les petits bateaux); les calanques sont des criques provençales ou corses; les fiords, des golfes profonds de Scandinavie* [11].

Существительное *golfe m.* «залив» формирует синонимические отношения со словами *baie f.* «бухта; залив» в значении (маленький защищенный залив), *anse f.* «бухточка» (маленькая бухта), *crique f.* «бухточка», напоминая главным образом естественное пристанище, в котором могут укрываться маленькие лодки, а также *calanque f.* «небольшая бухта, бухточка». В индивидуально-авторском употреблении это слово отягощено подчас каким-либо региональным значением. В частности, в Провансе и на Корсике оно формирует соответствующие прилагательные: провансальские или корсиканские бухточки. А вот «глубокие скандинавские заливы» именуется словом *fiord m.* «фиорд» [1,2,11].

– *Lit m.* – *Une partie des eaux de la Seine ont été détournées de leur lit = cours* [11].

Синонимическая взаимосвязь существительных *lit m.* и *cours m.* легко проверяется способом сравнения их словарных дефиниций: *lit m.* – «русло (реки)» (*creux naturel du sol, canal dans*

lequel coule un cours d'eau – естественное углубление в земле, канал, в котором протекает река); cours d'eau «река, водный путь» (1) écoulement continu de l'eau des fleuves, des rivières, des ruisseaux 2) cours d'eau; cours d'eau qui se jette dans un autre – постоянное протекание воды рек (впадающих в море), рек (впадающих в другую реку), ручьев) 2) река; река, которая впадает в другую реку). Мы полагаем, что, если признать данные слова синонимами, то только в соответствии с семой, определяющей «направление течения», поскольку *lit m.* обладает также и другим значением: «мор. направление», регистрируемым, например, «Новым французско-русским словарем» [1,2,11].

– Canal *m.* – 1) rivière artificielle; en ce sens, n'a pas de syn; 2) bras de mer resserré entre deux terres; très peu employé en ce sens, pour lequel on lui préfère détroit; – 3) chenal (doublet étimologique de canal) ne s'emploie qu'en parlant du canal naturel ou artificiel qui se trouve à l'entrée d'un port; – 4) chenal est parfois employé pour passe, qui désigne un lieu ouvert à la navigation entre des écueils, des bancs de sable, etc.; v. aussi cours d'eau [11].

Как явствует из лексикографической справки, значения слов из приведенного синонимического ряда достаточно различны в их информативном содержании: canal *m.* «1) канал» (а) искусственная река (впадающая в другую реку), б) узкий морской залив; пролив, сжатый между двумя берегами. В последнем значении слово canal *m.* употребляется редко, и дискурс отдает предпочтение существительному détroit *m.* «пролив». Лексема chenal *m.*, являющаяся этимологическим дублетом по отношению к canal *m.*, употребляется для обозначения «естественного или искусственного канала; пролива, который находится в устье порта, гавани». Слово chenal *m.* заменяет иногда существительное passe *f.* «проход, фарватер; пролив», которое обозначает «судоходную местность между рифами; подводными камнями, песчаной мелью, песчаными перекатами, барами и т. д.». Характерно, что в словарях синонимов английского языка мы не обнаруживаем подобных синонимических микрогрупп. Еще одним свидетельством реальной взаимосвязи между терминологической и общеупотребительной лексикой становится явление многозначности, присутствующей в семантической структуре слов терминологического регистра. Материал «водных природно-географических объектов» французского и английского языков подтверждает прежде всего наличие в их

системах второго типа многозначности: – *bassin m.* «водоем, бассейн; резервуар, приемник»; «док; внутренняя гавань, портовый бассейн»; «*геогр.* бассейн (реки, моря, океана и т. п.)» «*геол.* впадина, депрессия, котловина» [1,2,11] – «Si une édition du «Trivial Pursuit» consacrée au bassin d'Arcachon existait, cette question figurerait sans doute en bonne place¹²» [12];

– *Chenal m.* «*мор.* фарватер; канал», «русло; проток», «*геол.* ложбина (океана)»; «русло (реки)» [1];

– «Plusieurs skippers parmi les 20 qui prendront le départ du 7e Vendée Globe, samedi aux Sables d'Olonne (Vendée), se sont inquiétés vendredi matin de la profondeur d'eau dans le chenal d'accès à la mer à l'heure fixée par l'organisation pour la sortie des bateaux» [13];

– *Raz m.* – «1) бурное течение в узком проливе; быстрое завихряющее течение вблизи берегов (в результате прилива)»; «узкий пролив (в котором происходят нагоны)»; «~ de marée внезапный сильный прилив; цунами, штормовой нагон» [1,2,11].

Из состава английской терминологической лексики «водно-го» значения следует назвать, прежде всего, существительное *waterway*, которое располагает целым множеством семантических вариантов. Ср.:

– *Water-way* – «водный путь»; «судоходное русло, фарватер»; «*мор.* ватервейс; водопроток» [3].

Значения остальных многозначных слов являются в значительной степени разнородными: *émissaire m.* – «водоприемник; коллектор; водоотводный канал»; «*геогр.* река, вытекающая из озера» [1];

– *Plage f.* – 1) пляж, взморье; отлогий берег; отмель; прибрежная полоса»; «поэт. страна, край; пространство; ~ de mer морское пространство 4) *мор.*: ~ arrière ют; ~ avant бак» 1. – «Les premiers bancs ont touché les longues plages du golfe d'Ajaccio (Corse-du-Sud), essentiellement aux Sanguinaires, et préoccupent les vacanciers incommodes par cette présence indélicate¹⁴. «Des opérations de nettoyage des plages du Var polluées par des boulettes d'hydrocarbures déversées lors de la collision de deux navires au large de la Corse débuteront jeudi matin, ont annoncé mercredi la préfecture et le ministère de la Transition écologique» [15];

– *Canal m.* – «канал»; «пролив» [1] – «Il faut être juche sur un terre-plein surplombant les vertigineuses parois du canal pour que le panorama dévoile l'enjeu¹⁴, «Les essais avec des bateaux

de plus grandes dimensions viennent de commencer sur le canal de Panama élargi, dont l'inauguration officielle aura lieu le 26 juin, après neuf ans de travaux [16];

– *Lais m.* – «нанос (морской, речной)»; «часть берега, оставленная морем или рекой» [1];

– *Laisse f.* – «полоса осушки (часть берега, заливаемая во время прилива); береговая линия; ~ de haute [basse] mer линия полной [малой] воды»; «нанос, лесс» [1];

– *Rivière f.* – «река (впадающая в другую реку)»; «уст. прибрежный участок; земли вдоль реки»; «уст. см. riviera» [1] – «Renforcées par l'ouverture de la totalité des nombreux barrages du Kerala, ces rivières ont pris des proportions démesurées» [17].

Итак, изложенный материал дает возможность заключить, что терминологическая лексика, помимо имеющейся в ней суммы специально ориентированных процессов в означивании, постоянно пополняет свои ресурсы за счет включения в свое пространство значительного количества общенародной лексики, нейтральной на уровне системы.

Примечания:

1. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь: 5-е изд., испр. М.: Русский язык, 2000. 1997 с.

2. Le Petit Robert 1 / Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1992. 2173 p.

3. Большой англо-русский словарь: 2-е изд., испр. и доп. / сост. Н. В. Адамчик. М., 2000. 1168 с.

4. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: «Наука», 1977.

5. Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr/> (дата обращения: 19.06.2020)

6. Le Point. URL: https://www.lepoint.fr/voyages/royal-beau-rivage-29-08-2014-1858352_44.php (дата обращения: 18.06.2020)

7. La Croix. URL: <https://www.la-croix.com/France/Gaspard-Forest-defend-rivieres-exposant-pollue-2019-07-19-1301036338> (дата обращения: 18.06.2020)

8. Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr/planete/article/2019/07/26/la-garonne-un-fleuve-sauvage-place-sous->

surveillance-climatique-et-economique_5493884_3244. html (дата обращения: 19.06.2020)

9. Webster's Third New International Dictionary of the English Language unabridged with Seven Language Dictionary. Volume 1-3.

10. Богданова В. А. Письменная и устная формы научного стиля (на материале лексики) // Вопросы стилистики. Устная и письменная формы речи. Межвуз. науч. сб. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. Вып. 23. С. 33-39.

11. Nouveau Petit Larousse illustré. Dictionnaire Encyclopédique Publie Sous La direction de Claude Auge. Paris: Librairie Larousse, 1935. 743р.

12. Le Point. URL: <https://www.lepoint.fr/villes/l-ocean-vert-du-bassin-d-arcachon-14-07-2018-223609027.php#xtmc=bassin&xtnp=1&xtcr=5> (дата обращения: 20.06.2020)

13. Le Point. URL: https://www.lepoint.fr/sport/vendee-globe-inquietudes-desskippers-sur-la-sortie-du-chenal-samedi-09-11-2012-1527104_26.php#xtmc=chenal&xtnp=1&xtcr=1

14. Le Point. URL: https://www.lepoint.fr/societe/corse-les-meduses-a-l-assaut-des-plages-06-07-2019-2322991_23.php#xtmc=plage&xtnp=1&xtcr=3 (дата обращения: 20.06.2020)

15. Le Point. URL: https://www.lepoint.fr/environnement/du-petrole-sur-les-plages-de-saint-tropez-17-10-2018-2263672_1927.php#xtmc=plage&xtnp=2&xtcr=11 (дата обращения: 20.06.2020)

16. Le Point. URL: https://www.lepoint.fr/monde/premiers-essais-sur-le-canal-de-panama-elargi-10-06-2016-2045851_24.php#xtmc=canal&xtnp=12&xtcr=114 (дата обращения: 20.06.2020)

17. Le Point. URL: https://www.lepoint.fr/monde/kerala-le-niveau-de-lariviere-est-monte-par-endoits-de-plus-de-20-metres-21-08-2018-2244789_24.php#xtmc=riviere&xtnp=7&xtcr=69 (дата обращения: 20.06.2020)

С. О. Кесаев, А. М. Дадтева

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ МАРШРУТИЗАЦИИ ТРАНСПОРТА

В статье рассмотрена задача маршрутизации транспорта, даны вариации данной задачи, описаны алгоритмы решения задачи маршрутизации транспорта, такие как точные, эвристические и метаэвристические.

Ключевые слова: маршрутизации транспорта, точные алгоритмы, эвристические алгоритмы, метаэвристические алгоритмы, логистика, задача коммивояжёра.

Современная транспортная инфраструктура представляет собой сложную систему, которая с каждым годом характеризуется интенсификацией транспортных потоков, усложнением транспортных схем.

Совокупность процедур по выбору характеристик пути следования транспортных средств, при которых будут выполняться логистические правила доставки грузов носит название «маршрутизация транспортных потоков».

Задача маршрутизации становится особенно актуальной при использовании автомобильного транспорта ввиду того, что сеть автомобильных дорог достаточно широка и позволяет достигать пункта назначения разными путями в зависимости от условий движения.

Определение рациональных маршрутов движения транспортных средств позволяет решить три важнейшие задачи [3]:

1. Оптимизировать грузопотоки в логистических каналах и цепях.
2. Обеспечить максимальную производительность подвижного состава.
3. Обеспечить минимизацию себестоимости транспортировки грузов.

Быстро и эффективно задачи выбора способов маршрутизации в логистике можно решить лишь с помощью математических методов и вычислительной техники.

Задача маршрутизации транспорта – это комбинаторная задача оптимизации и целочисленного программирования, которая является развитием задачи коммивояжера [4]. Однако в задаче маршрутизации транспорта «коммивояжёр» заменён на «транспортное средство», «город» – на «вершину», «путь» – на «маршрут». В отдельных вариантах термин «вершина» заменяется синонимом «клиент». Кроме этого, в задаче маршрутизации транспорта появляется ещё одно вспомогательное слово – «депо». Это такая некая особенная вершина, где начинаются и заканчиваются маршруты абсолютно всех транспортных средств.

Задачи маршрутизации транспорта (**VRP**) лежат на пересечении двух хорошо изученных задач.

Задача коммивояжера (Traveling Salesman Problem, **TSP**): если грузоподъемность C каждого транспортного средства принимается бесконечной (точнее, достаточной), то задача VRP сводится к множественной задаче коммивояжера (Multiple Traveling Salesman Problem, **MTSP**) путем добавления к исходному графу $k-1$ (где k – количество маршрутов) копий нулевой вершины и ее ребер (между этими копиями ребра отсутствуют).

Задача об упаковке рюкзака (Bin Packing Problem, **BPP**): решение данной задачи, по сути, эквивалентно решению задачи VRP при условии, что все расстояния принимаются равными нулю (таким образом, эффективность всех подходящих решений будет одинакова).

Обычно, в реальных задачах оптимизации возникает множество дополнительных ограничений и вариаций, наиболее важными из которых являются [1]:

– Capacitated VRP (**CVRP**): каждое транспортное средство имеет ограниченную грузоподъемность. Это проблема маршрутизации транспортных средств, в которой парк идентичных транспортных средств с ограниченной грузоподъемностью, и расположенных на центральном складе, должен обслуживать набор клиентов с известными требованиями. Цель состоит в том, чтобы определить набор поездок транспортных средств с минимальной общей стоимостью (суммой расстояния или времени поездки), чтобы каждый автомобиль начинал и заканчивался на складе, каждый клиент посещался ровно один раз,

и общий спрос, обрабатываемый любым транспортным средством, не превышал его мощности.

– **VRP with Time Windows (VRPTW)**: каждый заказчик должен быть обслужен в определенное «временное окно». Цель состоит в том, чтобы свести к минимуму парк транспортных средств и сумму времени в пути с временем ожидания, необходимое для обслуживания всех клиентов в требуемые часы.

– **Multiple Depot VRP (MDVRP)**: используются несколько депо для обслуживания клиентов. Задачи с возможностью применения автотранспортных средств с нескольких депо. Для того, чтобы совладать с растущим числом запросов на доставку товаров, компании, производящие доставку товаров, не только приумножают парк, но и формируют несколько складов (депо). Как правило, каждый склад обладает собственным парком и самостоятельно решает задачу маршрутизации автомобильного транспорта. Однако в совокупном случае допускается рассматривать версию, когда для погрузки каждый автомобиль компании может использовать любой склад, обладающим необходимым товаром.

– **VRP with Pick-Ups and Delivering (VRPPD)**: клиенты могут возвращать некоторые товары в депо.

– **VRP with Backhauls (VRPB)**: аналогично предыдущей, но возврат начинается только после доставки всех товаров из депо. Задачи с возможностью возврата товара после завершения обслуживания всех клиентов. Эта задача является 3 модификацией предыдущей задачи. При этом подразумевается, что каждый транспорт сначала развозит все товары, а затем начинает принимать товар от клиентов.

– **Split Delivery VRP (SDVRP)**: каждый клиент может обслуживаться одновременно несколькими машинами. Для этой задачи допускается, чтобы один и тот же клиент мог обслуживаться различными транспортными средствами, при условии, что это уменьшит общие затраты.

– **Periodic VRP (PVRP)**: доставка может осуществляться в течение нескольких дней. Задачи с возможностью доставки грузов в течение длительного периода. В традиционной задаче маршрутизации транспорта обычный период планирования – один день. В задачах с периодической маршрутизацией применяется увеличенный промежуток планирования на некоторое количество суток.

– Stochastic VRP (**SVRP**): некоторые компоненты задачи (количество и запросы клиентов, длина пути) могут иметь случайное поведение. Задачи, в которых с целью описания действия покупателей или автотранспортных средств могут быть применены случайные переменные. В данном случае один либо ряд переменных (покупатели, запросы или время) имеют все шансы принимать случайное значение.

– VRP with Satellite Facilities (**VRPSF**): существует возможность дозагрузки автомобиля на маршруте.

Алгоритмы, решающие задачу маршрутизации транспорта, разделяют на точные, эвристические и метаэвристические (рис. 1)

Рисунок 1. Алгоритмы решения задачи маршрутизации транспорта

Точные алгоритмы предлагают вычислить все возможные решения, пока не будет достигнут лучший из них. Однако, точные алгоритмы могут быть применены только для задач с малым количеством входных данных.

В связи с этими ограничениями, особенно на более сложных задачах, возникает необходимость в более эффективных методах нахождения решения. Такой альтернативой точным методам являются эвристические алгоритмы, которые позволяют быстро находить решение, не гарантированно оптимальное, но как минимум близкое к нему, при правильно построенном алго-

ритме. В литературе, эвристические методы пользуются гораздо большей популярностью, нежели точные методы, и за годы исследования было предложено и рассмотрено множество разнообразных алгоритмов.

Условно, эвристические алгоритмы можно разделить на [5]:

- алгоритмы построения, которые строят решение за одну итерацию,
- алгоритмы локального поиска, находящие лучшее решение в локальной окрестности,
- алгоритмы глобального поиска, итеративно приближающие решение к оптимальному.

Последние, в свою очередь, можно разделить по используемому подходу, основными из которых являются методы поиска в большой окрестности, методы поиска с исключениями, а также генетические и популяционные методы.

В метаэвристических методах упор делается на тщательном изучении наиболее перспективных частей пространства решений. Качество получаемых решений получается выше, чем результаты, полученные классическими эвристическими методами.

Различные описания метаэвристик в литературе позволяют сформулировать некоторые фундаментальные свойства, которыми характеризуются метаэвристики [6].

- Метаэвристики – это стратегии, которые «управляют» процессом поиска решения.
- Цель метаэвристики состоит в эффективном исследовании пространства поиска для нахождения (почти) оптимальных решений.
- Метаэвристические алгоритмы варьируют от простых процедур локального поиска до сложных процессов обучения.
- Метаэвристические алгоритмы являются приближенными и, как правило, недетерминированными.
- Метаэвристические алгоритмы могут включать механизмы избегания попадания в ловушку в ограниченной области пространства поиска.
- Метаэвристики могут быть описаны на абстрактном уровне (т. е. они не предназначены для решения конкретных задач).
- Метаэвристики могут использовать предметно-ориентированное знание в виде эвристик, которые находятся под контролем стратегии верхнего уровня.

– Современные метаэвристики используют сохраненный в памяти опыт поиска решения для управления поиском.

К первой группе – методам «роевого» интеллекта – относятся метод частиц в стае, метод муравьиных колоний, метод имитации поведения бактерий, методы роя пчел и искусственных пчелиных колоний. Отметим, что методы гравитационной кинематики и поиска гармонии могут быть также отнесены к методам «роевого» интеллекта, поскольку в процессе поиска происходит обмен информацией между решениями на текущей итерации.

Ко второй группе метаэвристических методов, методов, имитирующих физические процессы, относятся метод гравитационной кинематики, адаптивный метод имитации отжига, метод поиска гармонии.

К эволюционным методам относятся генетические алгоритмы; методы, имитирующие иммунные системы организмов; методы рассеивания; методы эволюционного преобразования ковариационной матрицы; методы динамических сеток; методы дифференциальной эволюции; гибридные меметические алгоритмы.

К четвертой группе методов метаэвристических методов – к мультистартовым методам – относятся метод случайного поиска с последовательной редукцией области исследования, жадный адаптивный метод случайного поиска и метод направленного табу-поиска.

Для решения задач маршрутизации транспорта предпочтительней и чаще всего используются эвристические алгоритмы [2]. Они создают решения, приближенные к оптимальному, но за меньшее время (по сравнению с точными методами). Еще одна особенность эвристических алгоритмов проявляется в многообразии решений, которые получаются в ходе работы алгоритма по одному и тому же примеру.

Таким образом, даже при наличии большого количества уже реализованных эвристических алгоритмов, необходимо и дальше реализовывать, и улучшать данные алгоритмы для поиска наилучшего результата, т. к. применение автоматизированных систем в области транспортной логистики – один из способов экономии ресурсов.

Примечания:

1. Cordeau Jean-François, Laporte Gilbert, W. P. Savelsbergh Martin, Vigo Daniele, Vehicle Routing [Электронный ресурс] / Jean-François Cordeau, Gilbert Laporte, W. P. Savelsbergh Martin, Daniele Vigo // USA.: Handbook in OR & MS, Vol. 14, 2007. – 62с.

2. Агафонов А. А., Мясников В. В. Сравнение эффективности алгоритмов маршрутизации транспортных средств, используемых в централизованных системах управления [Электронный ресурс] // <http://repo.ssau.ru> (дата обращения 10.09.2021 г.)

3. Дышленко, С. Г. Маршрутизация в транспортных сетях [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru/article/n/marshrutizatsiya-v-transportnyh-setyah> (дата обращения 10.09.2021 г.)

4. Майника Э. Алгоритмы оптимизации на сетях и графах – М.: Мир, 1981, 324 с.

5. Пожидаев М. С., Сбалансированная эвристика для решения задачи маршрутизации транспорта с учетом грузоподъемности [Text] / Ю. Л. Костюк, М. С. Пожидаев // Вестник ТГУ. УВ-Тии. 2010. № 3

6. Щербина, О. А. Метаэвристические алгоритмы для задач комбинаторной оптимизации (обзор) [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru/article/n/metaevristicheskie-algoritmy-dlya-zadach-kombinatornoy-optimizatsii-obzor/viewer> (дата обращения 10.09.2021 г.)

Ф. Б. Накусова, З. Б. Тедеева

АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ОАО «КАВДЛОМИТ»

В статье рассматриваются основные показатели финансовых результатов ОАО «Кавдоломит» и анализируется их динамика, даются предложения по развитию фирмы и повышению ее рентабельности.

Ключевые слова: выручка, рентабельность, прибыль, коммерческие расходы, налоги, управленческие расходы, финансовый результат, ОАО «Кавдоломит».

Для оценки и прогнозирования финансового состояния компании на основе данных её бухгалтерской отчётности применяется анализ финансовых результатов и рентабельности организации. В систему показателей финансовых результатов входят абсолютные (прибыль) и относительные (рентабельность) показатели эффективности деятельности предприятия. Процесс исследования и оценки финансовых результатов включает анализ динамики следующих показателей прибыли:

- Выручки.
- Прибыли от продаж.
- Внереализационного дохода.
- Прибыли до налогообложения.
- Чистой прибыли.

Динамика показателей, формирующих конечный финансовый результат деятельности ОАО «Кавдоломит» представлена в таблице 1.

Отчет о финансовых результатах отображает основные доходы, расходы и различные финансовые результаты компании. Целью анализа финансовых результатов является определение того, насколько эффективно вкладывать средства в предприятие [2]. Более высокое значение коэффициентов рентабельности по сравнению с конкурентами будет указывать на привлекательность такой альтернативы инвестирования. По результатам анализа можно сделать вывод о том, что основные показатели финансовых результатов в отчетном периоде незначительно изменились. Так, валовая прибыль возросла на 553 тыс. руб. или на 1,343407%. Этому способствовало уменьшение статьи себестоимости продаж с 261 187 до 245 849 тыс. руб. (на 15 338 тыс. руб. или 5,8%)

Таблица 1
Анализ финансовых результатов деятельности предприятия ОАО «Кавдоломит»

Наименование показателя	Код	Абсолютные значения, тыс. руб.		Относительные значения, тыс. руб.	Изменения в абсолютных показателях	Изменения в относительных показателях	Темп роста, %
		2019 г.	2018 г.				
Выручка	2110	287566	302351	100	100	0	95,10
Себестоимость продаж	2120	245849	261187	85,49	86,39	-0,89	94,13
Валовая прибыль (убыток)	2100	41717	41164	14,51	13,61	0,89	101,34
Коммерческие расходы	2210	589	467	0,20	0,15	0,05	126,12
Управленческие расходы	2220	-	-	-	-	-	-
Прибыль (убыток) от продаж	2200	41128	40697	14,30	13,46	0,84	101,06
Доходы от участия в других организациях	2310	-	-	-	-	-	-
Проценты к получению	2320	-	-	-	-	-	-
Проценты к уплате	2330	4134	3617	1,44	1,20	0,24	114,29
Прочие доходы	2340	1416	26746	0,49	8,85	-8,35	5,29
Прочие расходы	2350	3038	6531	1,06	2,16	-1,10	46,52
Прибыль (убыток) до налогообложения	2300	35372	57295	12,30	18,95	-6,65	61,74

Текущий налог на прибыль	2410	7289	7897	2,53	2,61	-608,00	-0,08	92,30
в т. ч. постоянные налоговые обязательства (активы)	2421	223	3563	0,08	1,18	-3340,00	-1,10	6,26
Изменение отложенных налоговых обязательств	2430	23	3	0,01	0,00	20,00	0,01	766,67
Изменение отложенных налоговых активов	2450	14	5	0,00	0,00	9,00	0,00	280,00
Чистая прибыль (убыток)	2400	28074	49400	9,76	16,34	-21326,00	-6,58	56,83
Совокупный финансовый результат периода	2500	28074	49400	9,76	16,34	-21326,00	-6,58	56,83

Доля себестоимости продаж уменьшилась на 0,89%. Сокращение выручки на 14785 тыс. руб. оказало отрицательное влияние на показатель валовой прибыли. Прибыль от продаж увеличилась по сравнению с предыдущим периодом на 431 тыс. руб. или на 1,06%. Данному увеличению способствовало то, что в абсолютных показателях изменение валовой прибыли больше изменения коммерческих расходов (553 и 122 тыс. руб. соответственно). Доля коммерческих расходов снизилась на 0,050366301%.

Прибыль до налогообложения по сравнению с предыдущим годом уменьшилась на 21923 тыс. руб., а доля этой статьи сократилась на 6,65%. Данное уменьшение вызвано сокращением статьи прочие доходы. Доля прочих доходов снизилась на 8,35%, а доля прочих расходов на 1,10%. Чистая прибыль по сравнению с предыдущим годом уменьшилась на 21326 тыс. руб. или на 43,17%. Данное уменьшение вызвано сокращением прибыли до налогообложения. Текущий налог на прибыль также снизился на 7,70%. Доля изменения отложенных налоговых обязательств увеличилась на 0,01%, а доля изменения отложенных налоговых активов – на 0,003%.

Показатели прибыли не всегда способны обеспечить чёткое представление об эффективности деятельности организации, поэтому для её измерения дополнительно применяют коэффициенты рентабельности (доходности). Рентабельным считается предприятие, результаты от продажи продукции которого покрывают все издержки производства, образуя при этом сумму прибыли достаточную для нормального функционирования компании. Рентабельность (от нем. *rentabel* – доходный) в широком смысле означает эффективность, прибыльность, доходность организации или предпринимательской деятельности. В основе построения коэффициентов рентабельности лежит отношение прибыли (чаще всего чистой) или к затраченным средствам, или к выручке от реализации, или к активам организации.

Показатели рентабельности объединяются в следующие группы:

– рассчитываемые для оценки доходности предприятия; методика их расчета основана на применении показателей прибыли за отчетный год, прибыли от реализации продукции, чистой прибыли (в числителе) и показателей реализованной про-

дукции, акционерного, собственного, заемного и совокупного капитала (в знаменателе);

– рассчитываемые для оценки доходности продукции, используемых ресурсов и затрат; методика их расчета также базируется на применении показателей прибыли за отчетный год, прибыли от реализации продукции, чистой прибыли (в числителе) и показателей совокупных затрат, себестоимости, основных производственных фондов, Оборотных средств, оплаты труда, численности работников и т. д. (в знаменателе).

Таблица 2.

Показатели рентабельности ОАО «Кавдоломит»

Показатель	Коды строк	2018	2019
1. Рентабельность продукции, %	стр. 2400 Ф2/ стр. 2120 Ф2	18,91	11,42
2. Рентабельность продаж, %	стр. 2200 Ф2/ стр. 2110 Ф2	13,46	14,30
3. Рентабельность активов (капитала), %	стр. 2400 Ф2/ стр. 1600 Ф1	13,72	7,59
4. Рентабельность внеоборотных активов, %	стр. 2400 Ф2/ стр. 1100 Ф1	37,67	23,62
5. Рентабельность оборотных активов, %	стр. 2400 Ф2/ стр. 1200 Ф1	21,57	11,19
6. Рентабельность собственного капитала, %	стр. 2400 Ф2/ стр. 1300 Ф1	16,56	8,85
7. Рентабельность заемного капитала, %	стр. 2400 Ф2/ стр. 1400+ стр. 1500) Ф1	79,95	53,33
8. Рентабельность инвестированного капитала, %	стр. 2400 Ф2/ (стр. 1700- стр. 1500) Ф1	16,56	8,85

1. Рентабельность продукции – характеризует прибыльность всей товарной продукции. Динамика показателя в анализируемом периоде отрицательная.

2. Рентабельность продаж – показывает, какой процент прибыли получает предприятие с каждого рубля реализации. Ди-

динамика показателя в анализируемом периоде положительная. Данный факт обоснован тем, что темпы снижения затрат опережают темпы снижения выручки.

3. Рентабельность активов (капитала) – характеризует отдачу, которая приходится на 1 р. среднегодовой стоимости соответствующих активов. Динамика показателя в анализируемом периоде отрицательная. Темп снижения чистой прибыли выше темпа роста баланса (код 1600). Уменьшение показателя рентабельности активов свидетельствует о снижении конкурентоспособности организации и говорит о необходимости сокращения затратной части баланса /уровня запасов/, необходимости поддержания точной маркетинговой политики и показателей деловой активности.

4. Рентабельность внеоборотных активов – характеризует отдачу, которая приходится на 1 р. среднегодовой стоимости соответствующих активов. Динамика показателя в анализируемом периоде отрицательная. И чистая прибыль и внеоборотные активы за анализируемый период уменьшились.

5. Рентабельность оборотных активов – характеризует отдачу, которая приходится на 1 р. среднегодовой стоимости соответствующих активов. Динамика показателя в анализируемом периоде отрицательная. Изменения данного показателя связаны с уменьшением чистой прибыли.

6. Рентабельность собственного капитала – Характеризует прибыль, которая приходится на 1 р. собственного капитала, равного величине активов за минусом долговых обязательств. Динамика показателя в анализируемом периоде отрицательная. Изменения данного показателя связаны с уменьшением чистой прибыли. В 2018 году использование собственного капитала было эффективнее, чем в 2019 году.

7. Рентабельность заемного капитала представляет собой показатель, который характеризует эффективность (прибыльность) использования предприятием заемных средств. Динамика показателя в анализируемом периоде отрицательная. Темп снижения чистой прибыли выше темпа снижения краткосрочных обязательств, а долгосрочные обязательства незначительно увеличились. В 2018 году использование заемного капитала было эффективнее, чем в 2019 году.

8. Рентабельность инвестированного капитала – показатель деятельности предприятия, используемый при анализе фи-

нансовой отчетности, для оценки доходности и прибыльности предприятия. Динамика показателя в анализируемом периоде отрицательная. Все статьи, влияющие на данный показатель, сократились за анализируемый период, самый высокий темп сокращения и чистой прибыли.

Изучив систему показателей финансовой отчетности ООО «Кавдоломит» [3] видим, что на предприятии разработана довольно полноценная система показателей определяющих финансовое состояние предприятия. Предприятию следовало бы периодически проводить факторный анализ, который позволит учесть причины роста либо падения эффективности работы. По данным проведенного анализа можно разрабатывать планы дальнейшего развития фирмы, принимать меры по устранению выявленных недостатков и финансовых провалов.

Все это значительно улучшит и упростит систему управления предприятием в целом. Грамотное управление приводит к увеличению прибыли, что является целью всех коммерческих предприятий.

Примечания:

1. Kovanova E.S., Kolieva A.E., Mustafin R.F., Tedeeva Z.B. Strategy of highly efficient decision making in modern business systems. В книге: *The Leading Practice of Decision Making in Modern Business Systems: Innovative Technologies and Perspectives of Optimization*. Bingley, West Yorkshire, 2019. С. 123-131.

2. Тедеева, З.Б. Финансы предприятий: учебное пособие: [Текст] / З.Б. Тедеева, Владикавказ, 2016.

3. Официальный сайт ОАО «Кавдоломит». [Электронный ресурс] // <https://dolomit.ru/> (дата обращения 30. 02. 2019 г.)

З. А. Бурнацев, А. В. Гагиева

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫПУСКА АКЦИИ АКЦИОНЕРНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ

Автором рассмотрены особенности правового регулирования выпуска акции акционерного общества. В статье автор анализирует, суть акции как ценной бумаги, а также автором проводится исследование особенностей выпуска акции акционерного общества. В работе рассмотрена проблема «золотой акции», а также проблеме дробных акций и проблемах связанных с ведением и хранением реестров акционеров. Данная тема вызывает научный интерес в связи с распространенностью института акционерных обществ и акций общества как ценных бумаг, в связи с относительной молодостью института и недостаточным уровнем проработки регулирующих его правовых норм отраженных в законодательстве.

Ключевые слова: акции, акционерные общества, уставной капитал, акционерное общество, приватизация, ценные бумаги, предпринимательская деятельность, депозитарий, законодательство.

Проблемам правового регулирования выпуска акций акционерного общества, понятию акции, обороту и ее месту среди иных ценных бумаг посвящено довольно большое количество работ как отечественных, так и зарубежных правоведов.

Акция является одним из основных признаков акционерного общества и именно из акций составляется уставный капитал акционерного общества. Акция является ценной бумагой, и соответственно, объектом гражданского права согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Существует довольно большое количество теоретических взглядов и мнений относительно правовой природы ценных бумаг, их выпуска и оборота, но тем не менее вопрос о понятии ценных бумаг так и не получил однозначного разрешения ни в теории гражданского права, ни в законодательстве. Наибольшее распространение как ценные бумаги получили акции, их

целью является накопление капитала акционерного общества. Они позволяют вовлечь в предпринимательскую деятельность денежные ресурсы довольно большого количества субъектов.

Одними из основных причин столь широкого распространения акций на рынке ценных бумаг является не только произошедшая в РФ приватизация государственных и муниципальных предприятий, осуществлявшаяся путем преобразования этих предприятий в акционерные общества, но и простота формирования уставного капитала акционерного общества, возможность анонимного участия в уставном капитале акционерного общества, через институт «номинальных держателей», а также иные характеристики. Номинальный держатель ценных бумаг – это депозитарий, на лицевом счете (счете депо) которого учитываются права на ценные бумаги, принадлежащие иным лицам.

Что касается размещения акций – общество размещает обыкновенные акции и вправе размещать один или несколько типов привилегированных акций, общая доля которых в уставном капитале не должна превышать 25% [1]. Все акции общества являются бездокументарными. Акционеры вправе отчуждать принадлежащие им акции без согласия других акционеров и общества.

Обыкновенная простая акция – это ценная бумага, удостоверяющая права названного в ней лица на:

- а) участие в общем собрании акционеров с правом решающего голоса;
- б) получение информации о деятельности общества;
- в) получение дивидендов;
- г) получение остатка имущества общества при его ликвидации и др.

Привилегированные акции – это особая разновидность долевых ценных бумаг, которые, в отличие от простых акций, обладают специальными правами, но также имеют и ряд специфических ограничений.

Важно, что все держатели акций регистрируются в специальном реестре акционеров, это означает, что выпуск акций на предъявителя запрещен.

Учитывая, что «право на бумагу и право из бумаги формально имеют одну и ту же судьбу», существенным также является вопрос о моменте возникновения права на эмиссионную акцию [2].

В интересах не только государства, но и самого общества, обеспечить наличие четкого и отлаженного механизма государственного контроля как за самим процессом размещения выпуска акций, так и за обращением акций на рынке ценных бумаг.

Учитывая то, что положения законодательства о ценных бумагах противоречат в некоторых вопросах друг другу, содержат различные термины, а также имеются пробелы в законодательном регулировании эмиссии акций, на практике это приводит к различному и не всегда правильному применению законодательных норм.

В частности, обоснована необходимость законодательного установления обязательного фиксированного срока для государственной регистрации акций с момента создания акционерного общества, а также меры ответственности за его нарушение, установления требований к ведению реестра акционеров, обосновано включение в действующее законодательство требования о проведении оценки не денежного вклада в уставный капитал акционерного общества только независимым оценщиком, унификации норм действующего законодательства.

Среди проблем в сфере законодательства о ценных бумагах можно выделить проблему «золотой акции». «Золотая акция» – условное наименование корпоративного права, принадлежащего государственному или муниципальному образованию, являющемуся акционером акционерного общества. Служит для государственного контроля за приватизируемым предприятием. Далее «Золотая акция».

Следует отметить, что при принятии решения об использовании специального права («Золотой акции») на участие государства в управлении обществом в уставе акционерного общества и реестре его акционеров должна содержаться соответствующая запись [3].

Однако в действующих нормативно-правовых актах РФ отсутствуют положения о правилах, порядке и условиях закрепления регистратором такого специального права в реестре акционеров акционерного общества.

Исходя из изложенного, считаем необходимым дополнить пункт 5 статьи 41 Федерального закона от 21.12.2001 г. N 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» прописав порядок регистрации такого специального права в реестре акционеров или снять с регистратора

обязанность проводить подобную регистрацию, оставив лишь обязанность регистрировать подобное право в уставе акционерного общества [4].

Говоря о проблематике, следует упомянуть, о выявленной проблеме существования наравне с целыми акциями дробных акций, что вызывает отрицательные последствия для акционеров и самого общества, связанные с трудностями осуществления кумулятивного голосования (вид голосования при одновременном выборе группы лиц в органы управления компаний), выпуска обществом дополнительных акций, что влечет затруднения в управлении акционерным обществом.

В целях устранения проблем, вызванных существованием в гражданском обороте дробных акций, предложено исключить возможность появления дробных акций в акционерном обществе путем внесения изменений в пункт 3 статьи 25 Закона «Об акционерных обществах», закрепив возможность приобретения только целого числа акций. Если приобретение целого числа акций невозможно, необходимо выплачивать акционеру компенсацию в виде денежных средств, пропорциональных стоимости части акций [5].

Следует также отметить, что все выпуски акций и отчеты об итогах этих выпусков необходимо зарегистрировать в уполномоченных на то государственных органах. При создании акционерного общества выпуск акций необходимо регистрировать в течение месяца с даты регистрации. В других случаях дается три месяца на регистрацию выпуска акций. Не стоит забывать и о том, что акционер становится полноправным собственником принадлежащих ему акций только с момента государственной регистрации соответствующего выпуска акций. Дело в том, что акционер вправе распоряжаться своими акциями (продавать или иным образом отчуждать) лишь с момента регистрации отчета об итогах выпуска акций [6].

До государственной регистрации всех выпусков акций и отчетов об итогах их выпусков само общество не вправе изменять размер своего уставного капитала (в том числе привлекать инвестиции путем продажи дополнительно выпускаемых акций) или иным образом изменять структуру своего уставного капитала.

Законодательство об акционерных обществах, претерпело очень существенные изменения [7]. Многие акционерные общества столкнулись со следующей проблемой.

Например, акционерное общество решило увеличить размер своего уставного капитала путем увеличения номинальной стоимости акций до вступления в силу закона пятого марта тысяча девятьсот девяносто девятого года. В устав общества внесены соответствующие изменения. Согласно действовавшему на тот момент законодательству, такое увеличение уставного капитала не признавалось выпуском акций и, соответственно, не требовало специальной регистрации. На сегодняшний день такое увеличение уставного капитала признается выпуском акций большей номинальной стоимости, появившихся путем конвертации в них акций меньшей номинальной стоимости, и такой выпуск требует регистрации.

Возникает проблема: зарегистрировать можно то, что является выпуском, однако акты гражданского законодательства не имеют обратной силы во времени, и, соответственно, описанное увеличение уставного капитала выпуском признать нельзя – а значит, и регистрации оно не подлежит. Однако продать свои акции акционеру невозможно, ведь номинал продаваемой акции не соответствует зарегистрированным данным.

Другая проблема возникает как следствие несвоевременной регистрации выпусков акций или отсутствия реестра акционеров или неправильного его ведения в обществе.

Акционер приобретает право отчуждения (в том числе продажи) акций, то есть становится полноправным собственником акций с момента регистрации соответствующего выпуска акций, а новый приобретатель акций, выпуск которых зарегистрирован, становится собственником этих акций с момента совершения соответствующей записи в реестре акционеров общества.

В тоже время акционер, держатель акций, распределенных ему при учреждении акционерного общества, может заключить договор о продаже своих акций до регистрации соответствующего выпуска акций. По закону, такая сделка признается недействительной. Однако, приобретатель акций, не зная этого, участвует в собраниях акционеров, получает дивиденды и пользуется иными правами как акционер. По закону, требуется найти прежнего собственника и расторгнуть сделку. Однако вполне может оказаться, что продавца, являющегося по закону истинным владельцем акций, уже не найти – он сменил место жительства, либо умер, не оставив наследников.

Приобретатель акций собственником не является, а настоящего собственника не найти. Собственником такого бесхозного имущества могло бы стать государство, но зачастую этого не происходит.

Проблема усугубляется тем, что решения собраний акционеров, проведенных с участием таких приобретателей акций, если их окажется значительное количество, могут быть признаны недействительными. Как правило, генеральный директор общества назначается собранием, и решение о его назначении тоже может оказаться недействительным. Таким образом, общество может оказаться без руководителя.

Решение этих проблем так и не нашли разрешения в законе и подобные дела требуют индивидуального рассмотрения в суде.

В результате исследования выпуска акций акционерным обществом при создании выявлено следующая проблема, согласно пункту 2 статьи 44 Закона «Об акционерных обществах» общество обязано обеспечить ведение и хранение реестра акционеров общества в соответствии с правовыми актами Российской Федерации с момента его государственной регистрации [8].

Однако такое положение не соответствует общим нормам ведения реестра акционеров, поскольку осуществление регистрации выпуска акций возможно только после появления (регистрации) эмитента – юридического лица.

Реестр акционеров предусматривает содержание в себе таких сведений, которые могут возникнуть исключительно после регистрации выпуска акций обществом.

В целом не смотря на описанные выше проблемы законодательство в сфере регулирования выпуска акции акционерными обществами в Российской Федерации изложено в источниках профессионально и полно, однако ряд недоработок заставляет задуматься о дальнейшем изменении и улучшении норм права в этой области.

Примечания:

1. Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 27.04.2020 г.).

2. Агарков М. М. Основы банковского права [Электронный ресурс] // Курс лекций Учение о ценных бумагах науч исслед М Волтерс Клувер, 2005 С 167168 (дата обращения 16.05.2020 г.).

3. Федеральный закон от 21.12.2001 N 178-ФЗ (ред. от 31 июля 2020) «О приватизации государственного и муниципального имущества» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 08.05.2020 г.).

4. Федеральный закон от 21.12.2001 N 178-ФЗ (ред. от 31 июля 2020) «О приватизации государственного и муниципального имущества» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 08.05.2020 г.).

5. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 27.08.2020 г.).

6. Федеральный закон от 05.03.1999 N 46-ФЗ (ред. от 1 апреля 2020 г.) «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 11.05.2020 г.).

7. Федеральный закон от 07.08.2001 N 120-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 12.05.2020 г.).

1. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 27.04.2020).

В. Т. Гагиева, Л. Т. Кокоева

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ОБРАЗОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В статье раскрывается принцип регулирования вопросов образования корпоративных юридических лиц по зарубежному законодательству. Автор проводит анализ двух принципиально различных систем учреждения и регистрации корпоративных юридических лиц, представленных в зарубежных юрисдикциях.

Ключевые слова: *корпорация, физические лица, юридические лица, предпринимательская деятельность, участники правовых отношений.*

Наибольшее развитие корпоративное законодательство получило в США. В силу исторических особенностей развития капиталистических экономических отношений именно в данной стране сравнительно раньше всех появились корпоративные юридические лица и регламентирующее их деятельность законодательство, в том числе направленное на урегулирование процедуры учреждения корпораций.

Особенностью нормативного правового регулирования корпоративных правоотношений в США является то, что процедура создания корпоративных юридических лиц отнесена к ведению штатов. Федеральные власти не вмешиваются в указанный процесс. Интересно отметить, что подобное разграничение полномочий имеет многовековую историю. В те времена, когда Америка являлась колонией, то право на образование корпораций принадлежало только английскому королю. Впоследствии по мере развития колоний названное право было предоставлено ассамблеям, которые могли предоставлять специальные хартии от имени короля. Формально названные ассамблеи являлись только исполнителями королевской воли. Но на практике решения о создании корпоративных юридических лиц принимались без получения какого-либо отдельного волеизъявления английского короля с учетом сложившихся местных условий. Даже после получения североамериканскими колониями независимости органы власти штатов сохранили за собой права в части учреждения юридических лиц. Процесс исторического развития, в ходе которого произошли существенные измене-

ния в содержании корпораций, законодательных компетенциях штатов, не привел к пересмотру базового положения, согласно которому именно штаты могут принимать решения об учреждении корпораций. Конечно, в литературе и среди политических деятелей высказывались мысли о реализации федеральной инкорпорации, но на практике указанная идея не получила своего окончательного развития и разрешения [1].

Из основных преимуществ, предопределивших популярность корпоративной формы для ведения предпринимательской деятельности в XIX веке, необходимо отметить разрозненность корпорации с учредителями, то есть ее существование независимо от продолжительности жизни владельцев, ограниченная ответственность (акционеры отвечали по обязательствам корпорации лишь в рамках своих вкладов), возможность привлечения большого количества капитала путем выпуска акций, которые впоследствии могут переходить из рук в руки, меняя структуру собственности в компании. Специфика американского корпоративного законодательства обуславливается содержанием английской правовой традиции. Ведь на территории США первыми корпоративными юридическими лицами были английские колониальные акционерные общества, которые действовали на основании королевской хартии. Корпорации предпринимательского типа стали появляться в США только к началу XIX века, то есть после того, как страна обрела независимость.

На протяжении всего XIX века в США существовали две основные формы инкорпорации – «специальная» и «общая». Особенностью специальной инкорпорации является то, что она учреждалась специальным распорядительным актом уполномоченного органа власти штата. Чтобы корпорация считалась созданной, необходимо было ратифицировать ее хартию в легислатуре штата. Подобная практика была распространена на всем протяжении колониального периода истории страны и продолжалась до середины XIX века.

При общей инкорпорации принимался единый нормативный правовой акт, действовавший на территории конкретного штата. Вследствие этого уже не требовалось для создания корпоративного юридического лица оформлять отдельное согласие со стороны уполномоченного органа государственной власти. Теперь законодательный орган власти не должен был

утверждать каждую корпоративную хартию. Можно сказать, что общая инкорпорация является прообразом современной системы государственной регистрации юридических лиц, при которой заявителю нужно предоставить только документы относительно статуса созданного юридического лица и регистрирующий орган на основании представленных документов осуществляет регистрацию юридического лица посредством внесения записи о нем в соответствующий реестр и согласования учредительных документов корпорации.

Первыми американскими корпорациями стали учреждения некоммерческого характера – муниципалитеты, религиозные, образовательные, благотворительные учреждения. В колониальный период истории США в связи с небольшими масштабами деятельности для предпринимательства не требовалась особая корпоративная форма. Однако, ситуация изменилась к началу XIX века, когда предпринимательское сообщество для развития хозяйственной деятельности было вынуждено искать новые организационные формы. В частности, это было связано с появлением крупных компаний в сфере финансовых услуг и транспорта. В последующем предприниматели и из других сфер оценили преимущества корпоративной формы ведения деятельности. К середине XIX века корпорации уже стали одной из самых популярных форм оформления предпринимательской деятельности. Например, к концу XVIII века в США было зарегистрировано около 300 корпораций, то через столетие количество предпринимательских корпораций составляло около 500000 [2]. В настоящее время основными субъектами предпринимательской деятельности в США выступают именно корпорации.

Начало XX в. ознаменовалось в США повсеместным смягчением штатами законов об инкорпорации, что выражалось в следующем:

1. Упразднение ограничения на размер уставного капитала, а также на компетенцию корпоративных юридических лиц.
2. Понижение уровня ответственности менеджеров корпораций перед их участниками.
3. Ограничение права вкладчиков на получение информации о деятельности юридического лица;
4. Снижение объема полномочий государственных контрольно-надзорных органов.

Широкое распространение общей инкорпорации было вызвано рядом объективных факторов. Применение специальной инкорпорации постепенно стало затруднительным и обременительным для органов законодательной власти, особенно после того, как корпоративная форма стала широко использоваться в предпринимательской деятельности. Тем самым на органы власти была возложена огромная работа по утверждению многочисленных корпоративных хартий. Также институт специальной инкорпорации способствовал созданию неравенства и экономической неэффективности предпринимательской деятельности. Поэтому исторически оправданной была замена специальной инкорпорации общей. Более того по законодательству отдельных штатов вводился запрет на учреждение корпоративных юридических лиц законодательными актами. В настоящее время все корпорации в США, связанные с ведением предпринимательской деятельности, регистрируются в рамках процедуры общей инкорпорации в порядке, установленном законодательством конкретных штатов.

На протяжении всего существования американского государства процесс создания корпораций отражал основные политические и экономические тенденции развития страны. Совершенно очевидным и естественным было то, что в колониальный период истории страны корпоративные юридические лица могли учреждаться только колониальными властями. После получения независимости эти полномочия были сохранены за органами власти штатов. Активное развитие предпринимательские корпорации получили в середине XIX века, что было прямо обусловлено небывалым ростом экономики. Корпоративная форма использовалась для ведения деятельности в сфере железнодорожного сообщения, торговли, производства товаров и т. д. Корпорации позволяли аккумулировать в себе акционерный капитал, который был бы независим от правовой личности учредителей. Стоит отметить, что косвенным образом на распространение общей инкорпорации повлияло следование американского общества демократическим идеалам, в соответствии с которыми общая инкорпорация представлялась более доступной и справедливой.

По своему содержанию правоспособность предпринимательских корпораций в США является общей правоспособностью. Правовое регулирование деятельности корпораций в

США осуществляется нормативными правовыми актами, судебными прецедентами и актами административных органов. Правовой статус корпоративных юридических лиц устанавливается законами отдельных штатов, которые обладают законодательной компетенцией в части регулирования вопросов корпоративного и торгового права. Кроме того, в основных законах большинства штатов США имеются положения, касающиеся корпораций. При этом соответствующие нормы могут различаться в конституциях и нормативных правовых актов различных штатов. В ряде штатов предписания, касающиеся правового положения корпораций, носят общий характер и касаются всех без исключения корпоративных юридических лиц. Например, в конституции штата Нью-Йорк прописаны основы учреждения корпораций, а также содержится запрет на предоставление легислатурам штата предоставлять какие-либо привилегии или преимущества отдельным юридическим лицам. В соответствии с конституцией Невады отдельно указывается на право корпоративным юридическим лицам участвовать в судопроизводстве в качестве истца или ответчика, а также на ограниченную ответственность участников корпорации по ее обязательствам. В конституциях других штатов, например, Техаса и Калифорнии, отсутствуют нормы общего характера, касающиеся корпораций, но в них можно найти положения относительно учреждения и деятельности корпоративных юридических лиц в отдельных сферах общественной жизни [3].

Помимо конституций в каждом штате есть свой закон о корпорациях, содержащий общие нормы, применяемые ко всем корпорациям, независимо от вида их деятельности (так называемый *General Corporation Law*). Правовое регулирование специализированных корпораций (например, в банковской сфере) может осуществляться отдельным нормативным правовым актом, регламентирующим отношения в конкретной сфере. Наибольшее развитие законодательство о корпорациях получило в штатах Нью-Йорк и Делавэр, так как именно на территории данных штатов зарегистрировано значительное количество крупнейших мировых корпораций. По этой причине соответствующее корпоративное законодательство максимально приспособлено к обеспечению интересов предпринимательского сообщества и оказывает влияние на законодательство других штатов и даже государств.

При характеристике законов о корпорациях, прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что по данному вопросу в противоположность многим другим институтам торгового права, в том числе и таким, как полное или коммандитное товарищество, не существует единообразного закона, то есть отсутствует какая-либо официальная рекомендация штатам относительно конкретного содержания закона о корпорации. Поэтому можно утверждать, что штаты в части регламентирования учреждения и деятельности корпоративных юридических лиц являются довольно самостоятельны по сравнению с особенностями регулирования других институт торгового права. В этой связи стоит отметить наличие Примерного закона о предпринимательских корпорациях, который, однако, не имеет правового значения по той причине, что он был разработан общественной организацией, объединяющей юристов, и не был утвержден уполномоченными органами государственной власти. Значение названного документа определяется составом его разработчиков, в числе которых видные специалисты в области корпоративного права. Поэтому, несмотря на отсутствие официального статуса, документ имеет существенный авторитет среди законодателей и его во многих штатах США используют в качестве основы для разработки корпоративного законодательства штатов. Тем самым это позволяет в некоторой степени унифицировать акционерное законодательство различных штатов [4]. Положения примерного закона подвергаются постоянному пересмотру, актуализации и корректировке в целях удовлетворения новых потребностей и интересов корпоративных юридических лиц, учета актуальной судебной практики и современных тенденций. Кроме того, в своей деятельности корпоративные юридические лица США применяют Единообразный торговый кодекс.

Ряд вопросов, связанных с деятельностью корпораций, регулируется федеральными законами. В частности, речь идет об антимонопольном законодательстве, а также нормативных правовых актах в сфере рынка ценных бумаг, особое значение среди которых придается законам, которые устанавливают контроль со стороны государства за указанным рынком. В частности, среди основных можно назвать следующие нормативные правовые акты:

- Закон о ценных бумагах от 1933 года;
- Закон об обращении ценных бумаг от 1934 года.

На основании последнего из перечисленных нормативных правовых актов была образована Комиссия по делам ценных бумаг и фондовых операций, в полномочия которой, в частности, входило издание административных предписаний в целях исполнения указанных выше нормативных правовых актов. За все время действия перечисленных выше законов было внесено огромное количество изменений и дополнений. Закон о ценных бумагах направлен на осуществление контроля со стороны государства за выпуском и оборотом ценных бумаг американских корпораций во время их первого размещения. Второй же закон направлен на регулирование отношений, возникающих в ходе последующего оборота ценных бумаг. Причем направленность действия законов выражается в их распространении в первую очередь на акции компаний, которые котируются на американских фондовых биржах.

В области акционерного права крупные корпорации не только не заинтересованы в создании унифицированных норм, но, более того, разнообразие правовых норм, существующее в штатах, оказывается даже, с определенной точки зрения, более предпочтительным, нежели единообразие. Это можно объяснить тем, что штаты вступают друг с другом в конкуренцию за возможность привлечения на свою территорию инвестиций со стороны крупных корпораций.

Далее следует рассмотреть особенности создания корпоративных юридических лиц в соответствии с немецким законодательством. Государственная регистрация корпораций в Германии является устоявшейся и детализированной системой, которая выступает составной частью государственной регистрации юридических лиц в целом. Правовое регулирование данной процедуры осуществляется совокупностью нормативных правовых актов, как кодифицированных, так и специализированных. В частности, к кодифицированным актам относится Германское гражданское уложение, а к специализированным – Закон об акционерных обществах и т. д. Тесная корреляционная связь актов указанных типов позволяет сформировать комплексную и исчерпывающую систему регистрации корпораций. Стоит отметить, что в отличие от американской правовой системы, в регулировании процедуры учреждения юридических лиц в Германии преобладают все же публично-правовые начала.

Порядок создания коммерческого юридического лица в Германии, если разбить его на этапы, выглядит следующим образом:

1. Заключение специального договора между учредителями.
2. Формирование органов, которые будут заниматься вопросами регистрации созданной корпорации.
3. Оплата уставного капитала.
4. Подача заявления для регистрации в торговом реестре.
5. Регистрация корпорации и публикация об этом информации.

В качестве особенности нормативного регулирования процедуры учреждения корпоративных юридических лиц в Германии можно назвать следование дифференцированному подходу к различным типам организаций. В частности, это выражается, например, в том, что основу правового регулирования регистрации конкретного типа юридического лица составляет не кодифицированный или специализированный нормативный правовой акт, а подотраслевая сфера корпоративного законодательства, непосредственно связанная с регулированием вопросов хозяйственной деятельности конкретного типа корпораций. Можно сказать, что нормы, касающиеся учреждения корпораций, равномерно распределены среди положений специальных законов.

Кроме того, несмотря на определённую общность в регулировании регистрации отдельных видов хозяйствующих субъектов прослеживаются и некоторые правовые различия, обычно связанные с особенностью функционирования того или иного юридического лица. Поэтому можно утверждать, что в немецком законодательстве не прослеживается определенная единая процедура учреждения и регистрации корпоративных юридических лиц. В немецком корпоративном законодательстве реализуется идея равенства перед законом всех разновидностей корпорации с формулированием соответствующих процедурных норм, содержание которых предопределяется особенностями функционирования определенных типов юридической лиц. Законодательство Германии при помощи нормативных установлений позволяет уравновесить реально существующее экономическое неравенство субъектов предпринимательской деятельности, имеющих аналогичную организационно-правовую форму.

На основании ознакомления с немецким корпоративным законодательством можно сделать вывод, что особенности процедуры учреждения корпоративных юридических лиц в Германии связаны не с желанием законодателя следовать тем или иным теоретическим концепциям, а с необходимостью удовлетворения в первую очередь практических потребностей хозяйствующих субъектов. Существование того или иного варианта правового регулирования объясняется его способностью оказывать эффективное воздействие на корпоративные процедуры и соответствующие общественные отношения, которые входят в предмет правового регулирования. В этой связи крайне важной выглядит та особенность немецкого правового регулирования государственной регистрации, которая может быть обозначена в качестве межотраслевой. В немецком законодательстве, определяющем порядок учреждения корпораций, не ограничиваются только формальным установлением правил поведения, обязательных для субъектов правоотношений. В нем регистрирующие органы получают действенные инструменты, при помощи которых они могут стимулировать правомерное поведение субъектов права и не допускать нарушений законодательства.

В соответствии с нормами немецкого Торгового уложения за нарушения процедуры государственной регистрации корпоративных юридических лиц установлены штрафы. Кроме того, в отдельных наиболее опасных случаях за нарушение законодательства в части регистрации и учреждения юридических лиц может предусматриваться уголовная ответственность. Например, перечень подобного рода деяний, за которые лицо может быть привлечено к публичной ответственности, содержится в Законе об акционерных обществах. В частности, по немецкому законодательству предусматривается наказание для членов органов управления корпораций за совершение ими незаконных действий, направленных на учреждение организации [5].

Вместе с тем, выявленная нами «комплексность» немецкого законодателя в регулировании вопросов регистрации коммерческих юридических лиц отнюдь не означает безмерное вкрапление публичных начал в ткань гражданско-правового регулирования. Можно говорить больше о включении публичных начал в отношения в сфере частного торгового оборота. Процедура учреждения и регистрации корпоративных юридических лиц в Германии тем самым является неотъемлемой частью ее эконо-

мической системы, построенной на принципах свободы и ограничения государственного вмешательства.

В соответствии с нормами германского торгового уложения уполномоченными органами на государственную регистрацию юридических лиц являются участковые суды, а не органы государственной власти, как это имеет место, например, в России. По нашему мнению, данный вариант осуществления государственной регистрации юридических лиц имеет несомненные организационные и процессуальные достоинства. В частности, подобный порядок позволяет обеспечить лучшие стандарты законности при осуществлении процедуры.

Также для немецкого порядка государственной регистрации корпоративных юридических лиц характерно следование принципу невозможности произвольной отмены решения органа государственной власти о регистрации юридического лица. Данный принцип проявляется, например, в том, что совершенная регистрация корпорации может быть признана недействительной только при наступлении предусмотренных законодательством обстоятельств. В соответствии с нормами немецкого законодательства корпорация может быть принудительно ликвидирована только тогда, когда будут установлены грубые нарушения процедуры в ходе ее учреждения. Причем требуется, чтобы данные нарушения носили неоднократный характер или были неустранимыми. Положительной оценки заслуживает детализированность в немецком законодательстве подобного рода нарушений законодательства, которые могут являться поводом для признания совершенной государственной регистрации юридического лица недействительной. Кроме того, установлен закрытый перечень лиц, которые могут инициировать соответствующий процесс.

С учетом вышесказанного, можно сделать вывод об основных целях и задачах функционирования системы регистрации юридических лиц в Германии. Если исходить из того, что коммерческая деятельность является общепольной и в принципе в её имманентном виде не может составлять угрозы обществу, то, на наш взгляд, вполне очевидно, что учётно-контрольная функция и, тем более её разрешительный эффект, не является системообразующей в Германии. Ведь в силу длительности периода существования свободных рыночных отношений в стране в Германии новые корпорации появляются довольно редко.

Чаще всего регистрационные органы сталкиваются с реорганизациями юридических лиц. Поэтому нормативные процедуры регистрации корпоративных юридических лиц являются достаточно трудными и затратными для учредителей. В Германии, как было установлено выше, требуется прохождение судебного контроля при регистрации. В немецкой правовой доктрине, которая, однако, не отрицает учетно-контрольной функции системы регистрации юридических лиц, основной целью считается обеспечение юридической чистоты хозяйственных отношений, а также прозрачности всех производимых действий. Поэтому с точки зрения частного интереса данные торгового регистра, в котором содержится информация о зарегистрированных корпорациях, представляют собой публичное средство получения значимой информации, чему способствует закрепление на нормативном уровне свободы доступа к информации. Информация, получаемая из торгового регистра, позволяет установить общее состояние торговой сферы в стране. Вследствие вышесказанного и можно объяснить тот факт, что в Германии допускается государственная регистрация корпоративных юридических лиц в добровольном порядке.

Следует отметить, что по причине значимости для экономической жизни страны института государственной регистрации юридических лиц данной проблематике уделяется значительное внимание в научно-исследовательской литературе. Так, в частности, существенным представляется указание в немецком правоведении на то, что торговый регистр подразделяется на два отделения, один из которых содержит перечень собственно корпораций (*Kapitalgesellschaften*), а другой – прочих субъектов хозяйственного оборота [6]. С учетом вышеизложенного можно заключить, что нормативное регулирование процедуры учреждения корпоративных юридических лиц в Германии базируется, в первую очередь, на обеспечении интересов непосредственных участников гражданского оборота, причем безотносительно к интересам эфемерных третьих лиц. Это позволяет обеспечить необходимую понятность и прозрачность правового регулирования, а также не допустить излишней бюрократизированности процедуры и существования избыточных казуистических норм.

Таким образом, нами были рассмотрены две принципиально различные системы учреждения и регистрации корпоративных

юридических лиц, представленные в зарубежных юрисдикциях. Первая система характеризуется децентрализацией правового регулирования, когда источниками нормативного материала выступают акты региональных органов власти (примером является законодательство штатов США). Вторая система более централизована и функционирует на основании единых общегосударственных нормативных правовых актов (например, Германское торговое уложение, Закон об акционерных обществах в Германии). Названные различия проистекают из исторически сложившихся типов правовых систем, для которых характерны, соответственно, начала децентрализации (англо-саксонская правовая система) и централизации (романо-германская правовая система).

Российское законодательство, регулирующее учреждение корпоративных юридических лиц, в большей степени напоминает немецкий вариант.

Примечания:

1. Фомина О. Н. Правовое положение предпринимательской корпорации в США и акционерного общества в Российской Федерации: Сравнительно-правовой анализ: монография. М.: Статут, 2016. 160 с.

2. Платонова Н. О правовом положении предпринимательской корпорации в США // *Хозяйство и право*. 1997. №1. С. 133-138.

3. Тютюнник И. Г., Богачев Ю. С. Сравнительный анализ нормативно-правового обеспечения механизмов стимулирования инновационной активности субъектов экономической деятельности в России и США // *Безопасность бизнеса*. 2018. № 2. С. 7-11.

4. Кудачкин А. А. Корпорация в США и акционерное общество в России как субъекты акционерного правоотношения (сравнительно-правовой анализ): автореф... дисс. канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

5. Седгарян К. А. Система исполнительных органов управления хозяйственных обществ в российском корпоративном законодательстве: последствия влияния германского опыта // *Гражданское право*. 2019. № 3. С. 17-20.

6. Гутников О. В., Сеницын С. А. Значение и содержание уставов корпораций на современном этапе: новые подходы в условиях цифровизации // *Закон*. 2019. № 3. С. 146-157.

Ф. Ф. Дзоблаева, Н. Х. Бузарова

ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Статья посвящена анализу особенностей управления корпорацией по законодательству Российской Федерации. Исследуется понятие «управление», специфика понимания данного понятия с позиций экономической и юридической наук, а также агентская, менеджерская и теория социальной ответственности корпоративного управления, и их реализация в российском законодательстве.

Ключевые слова: корпоративное управление, объект корпоративного управления, российское законодательство, понятийный аппарат, акционерная компания, менеджеры.

Категория «управление» в течение длительного времени оставалась предметом изучения философии, экономики, психологии, кибернетики и в определенной части представителей юридической науки, преимущественно специализирующихся в области публично-правовых отраслей права (конституционно-го, административного и проч.). И только с возникновением в России корпоративного права управление стало предметом интереса специалистов в сфере частного права. В современной философской доктрине «управление – это элемент, функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, цели деятельности» [1]. Или более емко: «Управление представляет собой воздействие на управляемую систему» [2].

Управление в общем смысле, исходя из преобладающего в настоящий момент системного подхода, следует понимать как процесс организации такого целенаправленного воздействия на некоторую часть среды, называемую объектом управления, в результате которого удовлетворяются потребности субъекта, взаимодействующего с этим объектом и имеющего определенное целеполагание.

Следует заметить, что представители экономической и юридической наук подходят к определению корпоративного управления исходя из различных целей и свойственного для каждой отрасли знаний понятийного аппарата. Так, экономисты

рассматривают систему корпоративного управления как набор институциональных механизмов, ограничивающих отклонения от поведения, обеспечивающего максимизацию рыночной стоимости фирмы. Если конкуренция на рынках факторов производства и готовой продукции выступает дисциплинирующим средством последней инстанции, то механизмы корпоративного управления представляют собой систему раннего предупреждения. Система корпоративного управления позволяет обнаруживать и предупреждать случаи неэффективности на более ранних стадиях, обеспечивая тем самым ощутимую экономию ресурсов [3].

Ученые-юристы предлагают следующие подходы к определению сущности корпоративного управления. «Само по себе управление, – считает Д. В. Ломакин, – это процесс упорядочения, регламентации той или иной деятельности. Управлять организацией – значит определять основные направления ее развития, ставить перед ней цели и способствовать их достижению» [4]. В. В. Долинская понимает корпоративное управление как урегулированную нормами права систему организационных и имущественных отношений, с помощью которой корпоративная организация реализует, представляет и защищает интересы инвесторов и в первую очередь акционеров [5]. Т. В. Кашанина полагает, что поскольку хозяйственное общество есть корпорация, то корпоративное управление есть не что иное, как деятельность органов управления хозяйственных обществ [6].

Н. Н. Пахомова рассматривает управление в его функциональном значении как форму реализации отношений корпоративной собственности [7]. Аналогичной точки зрения придерживается И. Н. Ткаченко, который понимает под корпоративным управлением деятельность, связанную с функционированием корпорации, ее целями и обусловленную отношениями собственности между субъектами и интересами участников корпоративных отношений [8].

С. Д. Могилевский, опираясь на данные различных отраслей современной науки, заключает: «Осуществляемое хозяйственным обществом корпоративное управление, будучи разновидностью социального управления, представляет собой непрерывное и целенаправленное упорядочивающее воздействие на поведение людей, вовлеченных в сферу деятельности хозяйственного общества (лица, уполномоченные на то законом и уч-

редительными документами), в круг корпоративных интересов (участники, члены органов управления) или связанных трудовыми отношениями (работники и должностные лица). Это воздействие реализуется через формируемые между этими лицами управленческие отношения субъекта и объекта корпоративного управления» [9].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в «Принципах корпоративного управления» представила следующее определение корпоративного управления: это система взаимоотношений между руководством компании, ее советом директоров, акционерами и другими заинтересованными сторонами; контроля над деятельностью компании, служащая для определения целей компании и средств их достижения и для создания заинтересованности у совета директоров и руководства компании в следовании этим целям.

На основании анализа многочисленных подходов к определению этого понятия можно заключить, что корпоративное управление – это совокупность способов воздействия или процесс, с помощью которого организуется деятельность корпораций.

Корпоративное управление признают организационной моделью, призванной, с одной стороны, регулировать отношения между менеджерами компании и их владельцами, с другой – согласовывать цели различных заинтересованных сторон, обеспечивая тем самым эффективное функционирование компаний [10].

Согласно агентской теории, наемные менеджеры компании выступают в качестве агентов по отношению к собственникам бизнеса (принципалам). У агентов и принципалов различные интересы, разное знание компании и отношение к риску. Цель принципалов – устойчивость бизнеса, минимизация издержек на управление, увеличение стоимости компании. Цель агентов – увеличение своего материального вознаграждения, сохранение должности, повышение репутации. Для достижения своих целей агенты могут действовать в ущерб интересам принципалов и компании, поэтому для каждой компании остро стоит вопрос о построении такой системы корпоративного управления, которая в максимальной степени сближала бы интересы агентов и принципалов.

В соответствии с менеджерской теорией (или теорией жизненного цикла корпорации) директора выступают в роли руко-

водителей с делегированными полномочиями (т. е. их статус повышается); к ним предъявляются требования как к любому порядочному человеку, который честно по закону действует во благо других. Ключевыми параметрами управления корпорацией выступают гибкость и контролируемость (управляемость). С ростом компании контролируемость растет, а гибкость уменьшается. Согласно данной теории, конечная цель процесса корпоративного управления – сделать организацию результативной и эффективной как в ближайшей, так и в долгосрочной перспективе.

Теория социальной ответственности расширяет границы понятия «акционерная компания», в которое включаются иные заинтересованные лица. Объем последнего понятия варьируется от работников до совокупности работников, кредиторов, поставщиков, потребителей и даже местного сообщества. Согласно данной теории, компания должна соблюдать такую политику, принимать такие решения и следовать таким линиям поведения, которые являются наиболее желательными с точки зрения целей и ценностей всего общества.

Современная российская бизнес-практика свидетельствует о стремлении отдельных российских компаний разделять принципы социальной ответственности. Такие компании, следуя лучшей практике и стандартам корпоративного управления, признают корпоративное управление необходимым условием успешности своей финансово-хозяйственной деятельности, повышения инвестиционной привлекательности. Для обеспечения эффективного управления они утверждают кодексы корпоративной социальной ответственности, кодексы деловой этики, содержащие ключевые общекорпоративные профессионально-этические принципы, а также нормы, определяющие действия корпорации по предупреждению и разрешению корпоративных конфликтов. Корпоративная стратегия высокой социальной ответственности выражается в содействии региональному развитию, работе над повышением качества производимой продукции (предоставляемых услуг), осуществлении в полном объеме государственных социальных программ. Частью политики высокой социальной ответственности является политика социальной поддержки работников и привлечения членов трудового коллектива к решению вопросов корпоративного управления.

Заметим, что в ряде случаев стремление компаний к разделению принципов высокой социальной ответственности пока носит декларативный характер. Исследуя участие трудовых коллективов в корпоративном управлении, сравнивая российский и зарубежный опыт, А.Е. Молотников констатирует, что «отечественное законодательство не может похвастаться проработанной системой участия трудовых коллективов в корпоративном управлении. Имеющиеся случаи нормативного закрепления отдельных прав работников носят схематичный характер, находя ограниченное применение на практике» [11].

Заметим, что в условиях мирового финансово-экономического кризиса, разразившегося в конце первого десятилетия XXI в., все изъяны в системе корпоративного управления в российских компаниях стали очевидными: формальный характер многих корпоративных процедур, недостаточный уровень качества работы советов директоров, слабое раскрытие информации, невнимание к интересам трудовых коллективов и нарушение законодательства в отношении работников. По оценке специалистов, в сфере корпоративного управления обострилась «агентская проблема» – традиционное противоречие между преимущественно ближнесрочными интересами менеджеров и долгосрочными интересами собственников. Считается, что причиной этого была сложившаяся система стимулирования менеджеров, ориентированная на сугубо краткосрочные результаты и исключавшая из рассмотрения иные ориентиры, кроме роста капитализации корпорации.

Вместе с тем в оценке провалов в сфере корпоративного управления пока доминирует следующая позиция: сформировавшиеся в последние годы и кодифицированные в документах ОЭСР принципы корпоративного управления не нуждаются в изменении. Необходимо лишь надлежащее применение этих принципов. Общая направленность мер по совершенствованию корпоративного управления сводится к регламентации действий и ужесточению контроля за менеджерами (агентами) со стороны регуляторов, действующих в интересах акционеров (принципалов) [12].

Сегодня деловое сообщество делает очередную попытку переосмысления самой сути бизнеса: зачем он существует, каковы его стратегические горизонты, как нужно взаимодействовать с государством и обществом, чтобы обеспечить устойчи-

вое развитие? Безусловно, эти поиски отразятся и на системе корпоративного управления: очевидно, что она должна обеспечивать большую транспарентность, учет интересов ключевых участников, а не только контролирующего акционера, социальную ответственность бизнеса.

Подводя итоги рассмотрению понятия «корпоративное управление», заметим, что корпоративное управление в узком смысле, как управление акциями (долями участия), т. е. капиталом, следует отличать от управления производством, организации производства и от непосредственной производственной деятельности (технологии производства). Управление производственно-хозяйственной деятельностью корпораций, включая инвестиционную, технологическую, кадровую, сбытовую, получило наименование «менеджмент» (management).

Примечания:

1. Философский энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] // <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical> (дата обращения 15. 10. 2019 г.)

2. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1968. С. 68.

3. Капелюшников Р. Крупнейшие и доминирующие собственники в российской промышленности. [Электронный ресурс] // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21659988> (дата обращения 15. 10. 2019 г.)

4. Ломакин Д. В. Акционерное правоотношение. [Электронный ресурс] // <http://lawlibrary.ru/izdanie18364.htm> (дата обращения 15. 10. 2019 г.)

5. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М., 2006. С. 420-421.

6. Кашанина Т. В. Корпоративное право: право хозяйственных товариществ и обществ: Учебник. М., 1999. С. 82.

7. Пахомова Н. Н. Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект). Екатеринбург, 2004. С. 68.

8. Ткаченко И. Н. Корпоративное управление: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2001. С. 9.

9. Могилевский С. Д. Органы управления хозяйственными обществами. Правовой аспект. М., 2001. С. 166.

10. Совет директоров в системе корпоративного управления компании. М., 2002. С. 48.

11. Молотников А. Е. Участие трудовых коллективов в корпоративном управлении: российский и иностранный опыт // Предпринимательское право. 2010. № 2. С. 5.

12. Яковлев А., Данилов Ю., Симачев Ю. Корпоративное управление после кризиса: в поисках новой модели // Ведомости. 2010. № 113.

И. А. Дзугаева, И. В. Лишута

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВОМ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ

Статья посвящена проблеме восстановления государством корпоративного контроля. Авторами рассматривается понятие корпоративного контроля, анализируется его правовая природа, как одного из специальных способов защиты.

Ключевые слова: государство, корпоративное право, корпоративный контроль, государственный контроль.

Для того чтобы рассмотреть природу восстановления корпоративного контроля, в том числе государственного корпоративного контроля над имуществом, необходимо понять, что собой представляет корпоративный контроль. В нормативно-правовых актах понятие корпоративного контроля не закреплено. В юридической науке под ним понимают возможность владельца акции или доли участия в обществе принимать экономические решения по управлению деятельностью обществом.

В правовой доктрине неоднозначно понимают правовую природу способа защиты – восстановление корпоративного контроля.

Согласно первому подходу, представителем которого является С. В. Сарбаш, восстановление корпоративного контроля представляет собой универсальный способ защиты, который включает в себя несколько способов защиты: виндикацию доли на участие обществом, признание корпоративного права, признание недействительным решений собраний [3]. Использо-

вание рассматриваемого способа защиты позволяет оптимизировать процесс восстановления корпоративных прав истца, поскольку ему уже не нужно обращаться в суд с несколькими исками, а также разгрузить судебные органы.

Согласно второй позиции, представителем которого является И. А. Назимов, сущность восстановления корпоративного контроля не заключается в его универсальности; применять рассматриваемый способ защиты необходимо только в том случае, если другие способы защиты невозможно использовать [1]. То есть представители данного подхода подчеркивает исключительную природу восстановления корпоративного контроля.

Можно выделить следующие условия применения государством восстановления корпоративного контроля в тех или иных хозяйствующих структурах:

1) утрата лицом не доли участия в обществе, а именно корпоративного контроля;

2) невозможность применения иных способов защиты для эффективной защиты корпоративных прав;

3) недобросовестность поведения приобретателя.

Восстановление в корпоративных правах потерпевшего ведет к ущемлению прав приобретателя акции или доля участия, поэтому обязательным условием является недобросовестность действий приобретателя. На практике, это зачастую довольно сложно доказать.

По нашему мнению, восстановление корпоративного контроля является специальным способом защиты, который не может быть сведен к общему способу – восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Его применение возможно в тех случаях, когда применение иных способов защиты для восстановления в полном объеме корпоративных прав истца недостаточно.

Указанное утверждение подтверждает следующий пример адвокатской деятельности в судебном разбирательстве. Так, Федеральный арбитражный суд (в настоящее время – Арбитражный суд) Центрального округа рассмотрел дело № А54-906/2009С14, по которому из владения истца была продана доли участия в обществе в размере 5%, затем эта доля была продана другому лицу – добросовестному приобретателю. В связи с тем, что в общество вступил новый участник, который внёс

крупную денежную сумму в уставной капитал общества, уставной капитал был увеличен, доля нового участника составила 99,43%, а доля добросовестного приобретателя сократилась с 5% до 0,57%.

Использование адвокатом способа защиты реституции не обеспечила бы эффективную защиту прав его доверителя. В связи с этим суд пояснил, что истцу не нужно оспаривать сделку о купле-продаже принадлежащей ему доли новому лицу, ему следует требовать виндицировать его долю участия в обществе и признать недействительными записи в ЕГРЮЛ в целях восстановления корпоративного контроля [2].

В связи с тем, что данный способ защиты, как было выше сказано, первоначально появился в правоприменительной практике, на данный момент существует ряд проблем.

Так, согласно п. 3 ст. 65.2 ГК РФ участник коммерческой корпорации, утративший помимо своей воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц права участия в ней, вправе требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам, с выплатой им справедливой компенсации, определяемой судом, а также возмещения убытков за счет лиц, виновных в утрате доли. Суд может отказать в возвращении доли участия, если это приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом.

Исходя из анализа указанной нормы остаются неясными следующие моменты: каким образом определять справедливую компенсацию, что представляют собой «негативные социальные и другие значимые последствия». Отсутствуют разъяснения на данный счет и со стороны высших судебных инстанций.

Статья 65.2 АПК РФ в качестве отказа для восстановления корпоративного контроля указывает «несправедливое лишение иных лиц прав участия», тем самым предоставляет слишком широкий диапазон для усмотрения судебных органов, что может привести отказу в защите корпоративных прав потерпевшего лица.

Подводя итог, можно сказать, что еще одним шагом на пути защиты и восстановления государственных корпоративных прав является закрепление в нормативно-правовых актах и применение на практике нового способа защиты – восстановление корпоративного контроля. В связи с тем, что рассматриваемый способ появился относительно недавно, существуют некоторые проблемы в его реализации на практике, которые могут быть решены совместными усилиями законодателя и правоприменительных органов.

На сегодняшний момент законодатель и правоприменительная практика все большее внимание уделяют защите прав государства в различных хозяйственных обществах. Вместе с тем, существующие способы защиты обладают рядом недостатков, которые препятствуют эффективной защите прав. Законодательство не предусматривает единую систему способов защиты и критерии выбора наиболее целесообразного в каждом конкретном случае для восстановления нарушенных корпоративных прав.

Примечания:

1. Назимов И. А. Восстановление положения, существовавшего до нарушения прав участников юридических лиц корпоративного типа: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 15.

2. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 10 марта 2010 года по делу №А54-906/2009С14 [Электронный ресурс] // URL: [http:// fasco. arbitr. ru/www/about/](http://fasco.arbitr.ru/www/about/) (дата обращения 08.02.2020).

3. Сарбаш С. В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 35.

М. Б. Цаликова, Э. В. Кертанова

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОРПОРАЦИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается поэтапное становление и развитие корпораций в Российской Федерации

Ключевые слова: корпоративное законодательство, корпоративное право, предпринимательское право, акционерное общество

Корпоративное право является ядром предпринимательского права, которое, как показывает опыт зарубежных стран, в свою очередь, выступает двигателем экономики.

На процесс становления современной системы корпоративного права оказали влияние многие факторы:

1. Тяжелые и многочисленные внутренние и внешние войны, которые пережила страна в 20 веке;
2. Неоднородность национального состава, а, следовательно, различия в национальных и религиозных традициях;
3. Большая территория с различными климатическими условиями;
4. Смена общественно-экономических формаций в 1917, 1991 гг.;
5. Вмешательство органов государственной власти в экономику.

Вследствие перечисленных факторов в России не было условий для развития стабильной и непротиворечивой системы корпоративного законодательства. Российское корпоративное право в прямом смысле создается заново. Возникновение и развитие корпоративного права занимает в российской истории небольшой отрезок времени по сравнению с опытом других стран. В развитии российского корпоративного права выделяют 3 периода: дореволюционный, советский и современный.

Важные изменения корпоративное право претерпело в 1994 г., когда приняли и ввели в действие четвертую главу ГК РФ, где в ст. 121 указываются две формы объединения юридических лиц: ассоциации, союзы. С этого момента корпорация не рассматривается как форма объединения юридических лиц. В 1999 г. согласно ФЗ «О внесении изменений и дополнений в ФЗ

«О некоммерческих организациях» добавлена еще одна форма некоммерческих организаций – государственная корпорация. Таким образом, термин «корпорация» в разное время использовался в нормативных актах в разных вариантах: объединение предприятий, унитарное предприятие, акционерное общество, некоммерческая организация [2].

К началу 2005 г., сложилась современная система корпоративного права, в ГК РФ было проведено упорядочивание видов организационно – правовых форм юридических лиц. Предприятие по общему правилу было объявлено не субъектом, а объектом гражданских прав. Большое количество организационно – правовых форм, представленных в новом законодательстве, явилось толчком к формированию правовой базы и необходимости их детального регулирования. В связи с чем, в середине 90-х гг. были приняты основные акты – федеральные законы «О производственных кооперативах», «Об обществах с ограниченной ответственностью», «Об акционерных обществах» и др.

Но самые основательные изменения начались в апреле 2012 года, когда тогдашним президентом РФ – Дмитрием Медведевым – было внесено решение об изменении фундаментальных вопросов гражданского права, а вместе с ним и корпоративного.

Законопроект был направлен на упорядочение и сокращение организационно-правовых форм юридических лиц, в том числе выказывалось намерение отказаться от закрытых акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. Привычное ООО и ЗАО будет заменено на публичные и непубличные акционерные общества. Также было предусмотрено закрепление общих прав участников любой корпорации, права на участие в управлении делами корпорации, на получение информации о ее имущественном положении, права оспаривать исключение из корпорации. Помимо этого рассматривалось восстановление бывшими участниками корпорации утраченных помимо их воли прав участия в ней. Примером здесь может служить необоснованное «списание» акций и долей участия при не редкостных «корпоративных захватах». Новшеством должно было стать участие третьих лиц в корпоративном договоре, в том числе кредиторов общества, для обеспечения своих интересов.

Следующим серьезным шагом было принятие 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского ко-

декса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Проследив последовательно существующие и принятые в советский период законы, поняв, что некоторые в условиях современной экономики, нецелесообразны, – было принято решение перевести их в разряд архаизмов и дать место новым, прогрессивным и концептуально правильным.

В целом, федеральные законы, иные нормативно-правовые акты касательно вопросов корпоративного права с завидной периодичностью появляются на «правовом небосводе» и это свидетельствует о том, что тема эта отличается чрезвычайной живостью, требующей постоянного внимания и ухода.

На сегодняшний день идет речь о корпоратизации юридических лиц, как о неизбежном правовом и экономическом явлении. Корпоративные отношения строятся на началах самоуправления и строго фиксированного членства участников. Само право изменило характер и структуру. Ранее право выражало волю государства, теперь же организации имеют право самостоятельно определять направление своей деятельности и разрабатывать корпоративные нормы, которые имеют правовой характер. Это означает, что в праве появилась структура, которой в советском законодательстве не было, а именно корпоративное право, которое активно формирует новые подходы к регламентации деятельности корпораций [1]. Идет постепенное размежевание между гражданским и предпринимательским правом. На современном этапе возникла необходимость преобразований в корпоративном праве. Заложённая в ГК РФ система корпоративного законодательства несовершенна: между ГК РФ и специальными законами, а так же между самими специальными законами существует много противоречий, пробелов и дублирующих положений. Однако уже можно в развитии корпоративного законодательства отметить определённые тенденции:

- Становление рыночных отношений в экономике диктует необходимость формирования ее организационно – правовых основ, при этом роль государства остается значительной, но развитие частного регулирования является приоритетным.
- Государство усиливает интерес к хозяйственной активности участников рыночных отношений (процессы приватизации государственных и муниципальных предприятий), что ведет к

расширению корпоративного сектора и усилению роли частного элемента в экономике. На фоне увеличения корпоративного сектора и усиления значимости частного элемента в экономике наблюдается тенденция к повышению роли корпоративного регулирования.

- Участие государства, как собственника, активно проявляется в компаниях акционерного типа, в уставном капитале которых заметное, а часто преобладающее влияние имеет доля публичного имущества. На современном этапе государство выступает не только регулятором экономических процессов, но и их участником, и принимает непосредственное участие в корпоративном правотворчестве.

В целом, зарождение корпоративных организационно-правовых форм предпринимательской деятельности в России можно проследить в 17 веке. Из исторических источников известно о товариществе в Нижнем Новгороде, купеческо – торговом товариществе в Архангельске, многочисленных товариществах по совместной ловле рыбы и т. п. Широкое внедрение товариществ в России началось с Указов Петра Первого в начале 18 века, когда начинается стремление к унификации российского законодательства с европейским правом. Например, купцам предписывалось торговать через совместную компанию по западноевропейскому образцу. Под компанией рассматривалось предпринимательское объединение с различными признаками юридического лица и акционерных обществ. Ответственность и прибыль распределялась пропорционально вкладам участников [3]. Такое правовое положение просуществовало до конца 18 века.

В 18 веке государственная власть выступала инициатором создания компаний, часто – в принудительном порядке и среди купцов компании популярностью не пользовались. Созданные в 18 веке компании в основном были торговыми. Так, в 1794 году была создана Российско – Американская компания по сбору ценных мехов русскими купцами на Курильских и Алеутских островах.

Дальнейшее развитие корпораций связано с промышленным переворотом на рубеже 18-19 веков. В самом начале 19 века царское правительство принимает ряд постановлений о компаниях. Манифест от 6 сентября 1805 г. «Об ответственности акционерных компаний в случае взыскания одним скла-

дочным капиталом» рекомендовал купечеству «производить свой торг путем создания товариществ». Следующим шагом к привлечению частного капитала в компании явился Манифест от 1 января 1807 года «О дарованных купечеству новых выгод, отличиях, преимуществах и новых способах к расширению торговых предприятий».

В 1836 г. принят акционерный закон «Положение о компаниях на акциях», положивший начало активной и разнообразной деятельности акционерных компаний. Первые акционерные общества в России появились после утверждения Николаем Первым положения комитета министров от 10 июля 1830 г. «Об учреждении в Малороссии компании для добывания сахара из свекловицы». В 1836 г. создается товарищество пивоваренного завода «Иван Дурдинъ», товарищество «Эйнемъ» по производству шоколада (1851г), товарищество С-Петербургского механического производства обуви «Скорород» (1882г), первая в Терской области фабрика строительных, паркетных и мебельных изделий А. Ф. Крейчи (1881г). Система таких банков, сложившаяся к 1870 г. просуществовала до начала 20 века. К началу первой мировой войны в России действовало 50 АКБ [4].

Усиление концентрации и централизации капитала на рубеже 19-20 вв. вело к образованию монополий. Развитие строительства, торговли, мануфактур давало предпринимателям ценный опыт корпоративных объединений. Меняются корпоративные формы, возникают новые типы предпринимательских объединений и новый характер их взаимоотношений с государством. Появляются акционерные общества, концерны, синдикаты, тресты, картели, предпринимательские союзы, которые могли охватывать вышеперечисленные объединения. Наибольшее распространение в России получили синдикаты – различного рода союзы, создающие между их участниками общность материальных интересов. Правовой основой их создания являлся предпринимательский договор. Соглашения могли быть по форме и содержанию самыми разнообразными, могли быть опубликованы в печати, а могли быть и устными.

С Октябрьской революцией 1917 г. начинается второй – советский период развития корпоративного права. Как отмечалось ранее, корпоративное право зависит от политического режима, поэтому на указанном этапе происходит снижение темпов развития корпоративного права. Последующая национали-

зация коммерческих организаций, в том числе и акционерных обществ, исключила из гражданского оборота корпоративные формы объединений. Однако переход к Новой экономической политике (НЭП) вновь сделал актуальным вопрос о правовой форме различных юридических лиц и их объединений. Встала задача определения четких правовых границ деятельности частных предприятий в условиях плановой экономики, установление правовых форм взаимодействия государственного, кооперативного и частного секторов промышленности, необходимо было выявить такие формы организации и деятельности государственных предприятий, которые давали бы возможность последним действовать наиболее эффективно в переходных условиях. [5].

В ГК РСФСР 1922 г. вводился новый тип юридического лица – трест, как форма объединения исключительно государственных предприятий с правами юридического лица. Трест представлял единое предприятие, в которое могли входить заводы, фабрики, магазины, промыслы и т. д. В 1923 г. принят декрет о трестах. Тресты действовали на хозрасчетных началах. С 1927 г. тресты рассматривались, прежде всего, как хозяйственные органы государства, выполняющие плановые задания, что объяснялось усилением плановых и регулирующих начал. Практически вся промышленность была трестирована. Далее было принято положение об акционерных обществах, согласно которому акционерные общества, по сути, стали государственными образованиями. На акционерные общества распространялись все нормативные акты и правила, регулирующие деятельность государственных предприятий. Эта концепция позволяла гибко сочетать элементы централизованного руководства с автономией хозяйственных объединений [6].

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- обществу, основанному на рыночных, товарно – денежных отношениях невозможно функционировать без корпоративного права;
- в эпоху застоя появилась возможность принятия корпоративных норм в форме санкционирования или делегирования правотворческих полномочий коллективам предприятий. В настоящее время предприятия могут самостоятельно решать вопросы даже те, которые не отражены в законодательных

нормах. Следовательно, отношения законодательных и корпоративных норм стало характеризоваться не подчиненностью, а соподчиненностью. Законодатель устанавливает пределы корпоративного регулирования.

- в стране начало создаваться единое экономическое пространство, в котором основными хозяйствующими субъектами становятся корпорации и их альянсы.

- по своему содержанию корпоративные нормы не могут противоречить общегосударственным нормам.

- корпоративное регулирование согласно современному законодательству выполняет довольно важную социальную функцию – гармонизация интересов общества и коллектива.

Примечания:

1. Рыдыгин А. Д. Корпоративное управление в России: ограничения и перспективы. – В: Вопросы экономики, 2002, № 1, с. 101-112. 54 с.

2. Корпоративное право: конспект лекций. Мелькумянц А. В. (2007, 285 с.). 203 с.

3. Кашанина Т. В. Корпоративное право. (краткий курс лекций). М.: Издательство Юрайт, 2010. 57-61 с.

4. Кирилловых А. А. Корпоративное право. Курс лекций. М.: «Юстицинформ», 2009 г. 192 с. 10 с.

5. Гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1998. С. 29, 103; 17 с.

6. Корпоративное право. (Учебник) Под ред. Шиткиной И. С. (2008, 648с.) 113с.

В. С. Кочорова, А. В. Гагиева

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНЫХ ОБЫЧАЕВ И КОРПОРАТИВНЫХ ДЕЛОВЫХ ОБЫКНОВЕНИЙ

Статья посвящена анализу научных работ, законов, изучению актуальных проблем и современной практики корпоративной культуры. Рассмотрены понятия обычая и обыкновения в правовой сфере жизни, проанализированы их достоинства и недостатки. Сделаны сравнения между правовым обычаем и корпоративным обычаем.

Приведены примеры использования таких обычаев на практике, на их основе выделены его полезные свойства. Вывод сделан относительно недостаточного внимания к этому явлению со стороны законодателя и как следствие, дефицита его в различных нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: корпоративные обычаи, корпоративные деловые обыкновения, нормативно-правовые нормы, корпоративная культура.

С момента возникновения права, проблемы источников его образования, форм его организации и существования постоянно привлекали всё большее внимание исследователей-теоретиков и отчасти практиков. Интересен также исторический аспект процесса их становления и развития. Принято считать, что некоторые из источников права, претерпевшие значительные изменения с древних времен, сохранились в правовых системах до наших дней. К ним относится, в частности, и правовой обычай. Как справедливо полагает Н. Н. Разумович, «хотим мы этого или нет, обычное право действует. Оно существует, и будет существовать столько, сколько просуществует право, оказывая влияние на правовое развитие, восполняя пробелы в зонах правового общения, а также там, где закон предписания нежизнеспособны» [14].

С момента образования самого первого общества начали формироваться обычаи и традиции, затем постепенно совершенствуясь продолжают свое развитие и по настоящее время. В современном законодательстве они являются источником и способом закрепления правовых актов наравне с законом и указами. В нормативных документах так же присутствуют обычаи, например в статье 99 Конституции РФ говорится, что «первое заседание Государственной Думы открывает старейший по возрасту депутат» хотя само слово «обычай» в этой статье не употребляется) и законодатель с каждым годом все активнее воздействует на них. Но продвижение и развитие такого института как правовой обычай происходит достаточно медленно и неравномерно [8].

Обычай сохраняет свое значение в качестве источника права прежде всего в тех областях, где нет достаточного материала для законодательных обобщений. Правила обычая выступают как «предвосхищение установленного законом права» [13]. Обычай претендует на то, чтобы быть источником права в

связи с тем, что достигает регулятивной роли благодаря тому, что люди эмоционально, на основе духовно-психологического порыва, совершают действия и поступки, становящиеся привычными, естественными, жизненно необходимыми. Формой реализации преемственности правового обычая является санкционирование. Источником возникновения обычая признается общество, а государство выполняет по отношению к нему оценочно-иерархические действия. С одной стороны, органы государственной власти оценивают содержание обычных норм на предмет их соответствия требованиям закона. С другой – положительная оценка включает обычай в иерархическую систему форм права, первенство в которой принадлежит законодательству [4]. Происходит это путем санкционирования обычая государством. Оно, по мнению С. С. Алексеева, не только одобряет обычаи, но и считает «своими», вкладывает в них свою государственную волю» [2].

В зависимости от органа, осуществляющего санкционирование, можно выделить несколько путей преемственности обычая:

1) законодательным органом путем закрепления в бланкетной норме отсылки к правовому обычаю и связи с конкретными отношениями;

2) судебными органами путем использования в качестве основания обычая без разрешения законодателя (молчаливое санкционирование);

3) судебными органами определенного порядка разрешения дел, сложившегося в обыкновение судебной практики.

Судебная практика является устоявшимся направлением правоприменительной деятельности, и в этом смысле она создает правовой обычай в форме обыкновения. По своей природе судебные обыкновения носят устный характер, поскольку ни законодатель, ни судебные органы прямо нигде не прописывали право судов создавать и санкционировать обыкновения своей деятельности. Сам же порядок возникновения судебных обыкновений схож с происхождением обычных норм. А результаты этого процесса могут закрепляться в письменной форме (например, постановления пленумов высших судебных инстанций), но могут существовать как совокупность поступков. Суды могут выполнять роль фиксатора обыкновений. В конце 30 – начале 50-х гг. XX в. в научной литературе происходил спор

о том, можно ли считать молчание законодателя разрешением на использование обычаев. Решение участников дискуссии было отрицательным. Правоприменительная практика Советского государства полностью отвергла идею молчаливого санкционирования. Современная юриспруденция и судебная практика, утверждает С. В. Бошно, также не дает оснований видеть перспективы молчаливого согласия в виде отсутствия запрета [6]. Игнорирование мнения государства, и утверждение того, что обычаи действуют сами по себе в силу того, что они есть, автору представляется крайностью. Развитие этого тезиса неизбежно ведет к абсолютизации дерагоционных возможностей обычая, самодостаточности обычаев [6].

Представляется, что такая позиция не совсем корректна. Она приемлема для современных правовых систем, но в период становления государства и права, в средневековый период она была реальной. В этот период санкционирование обычаев не носило характера целенаправленного действия (издание королевского указа), а происходило в форме молчаливого согласия и признания. Это было связано с тем, что до ХП в. на Западе фактически отсутствовали централизованные государства в современном понимании. Власть королей и иных крупных сюзеренов не распространялась далее наследственных доменов, и в принципе любой землевладелец мог установить на своей территории собственные порядки.

Корпоративная культура оказывает непосредственное влияние на все производственные показатели деятельности компании. Она выступает одним из основных факторов, определяющих процесс деятельности организации и поведения ее сотрудников, может оказывать как позитивное влияние на развитие организации, так и тормозить его. Хотя корпоративная культура и не единственная составляющая успеха в бизнесе, но она, несомненно, важный шаг на пути к процветанию и успеху, и ее практическое значение в этом смысле трудно переоценить.

Корпоративный обычай, с точки зрения права несет в себе много положительных черт:

- истоки его основываются в коллективе и несут в себе волю работников, обычай зарождается не «сверху», а «снизу»;
- обычай отражает особенности условий работы в коллективе, он более объективен, и лучше «приживается» у работников. Например: традиция после окончания рабочего дня до-

ждаться напарника в течение 15 мин, и при его отсутствии извещать об этом руководителя.

- обычай передается в устной форме, что легче и доступнее письменного нормативно-правового акта для коллектива;

- обычай выполняется добровольно, чем обеспечивает его исполнение среди работников;

- обычай несет в себе совокупность многолетнего коллективного опыта, облегчает взаимопонимание работников.

Но наряду с положительными чертами корпоративного обычая, имеются и отрицательные черты:

- 1) укоренившийся в сознании людей обычай характеризуются неподвижностью, и меняется очень медленно.

- 2) обычай часто несет в себе условия неравенства, как пережиток прошлого;

- 3) обычай не имеет четкой определенности, содержание обычая субъективно и во многом зависит от личности человека;

- 4) обычай письменно не подтвержден.

Корпоративные обычаи рассматривают с двух позиций: первая – обычаи являются источником корпоративных норм, вторая – руководство корпорации вправе реагировать на корпоративные обычаи, утверждая их своим правовым актом. В гражданском праве применяется два вида обычаев:

- правовой или деловой обычай. Согласно статье 5 ГК РФ, правовой обычай – «сложившееся и широко применяемое в какой-либо области правоприменительной деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано оно в каком-либо документе» [1]. В случае если работодатель узаконит обычай, он становится корпоративной нормой.

- общегражданский обычай являет собой укоренившиеся привычки и традиции, заимствованные из культурного наследия народа. Руководители организаций и сообществ, относятся к неправовым обычаям нейтрально или считает их нежелательными.

Правовой обычай имеет отличие от корпоративного – его действие распространяется на одну корпорацию и влияет на устои и привычки одной корпорации. Данное отличие помогает различать правовой обычай от корпоративного [12].

Белкин А. А. в своей работе подчеркивает, что корпоративный обычай имеет две стороны: с одной – он является источ-

ником, из которого заимствуются разные знания о корпоративных нормах, с другой стороны – руководство корпорации имеет возможность оказывать влияние на поведение работников в данной организации, делая выбор, поощрить данного субъекта или наказать [3].

Доктор юридических наук, профессор Московской государственной юридической академии Кашанина Т.В. в своих научных трудах выделяет, что «в корпоративном праве обычай и традиции делового оборота необходимо отличать от обычая, который представляет собой моральную норму, то есть от общегражданских обычаев». Как разъяснение она приводит формулировку корпоративного обычая – «это обычай, применение которого обеспечивается мерами воздействия со стороны корпорации, а именно либо мерами поощрения, либо санкциями» [11].

Наряду с корпоративным обычаем, в гражданском праве используется термин корпоративные деловые обыкновения. Это определенные правила поведения, которые складываются в процессе производственной деятельности организаций и предприятий. В противном случае, деловые обыкновения можно рассматривать, как обычную практику в данной корпорации, которая не является источником гражданского права. Например, в японских трудовых коллективах рабочий день начинается с физической зарядки. Иногда руководство документирует корпоративные деловые обыкновения в письменной форме, например, в Правилах учебного распорядка многих обучающих заведений прописана обязанность учащихся приветствовать преподавателя стоя. В Японии принято приподнимать рабочее место руководителя, в России у начальника есть свой кабинет.

Многие ученые связывают деловую обыкновенность и обычай. Например, С. И. Вильнянский называет деловое обыкновение «обычаем оборота», который восполняет проблемы между обычаями и локальными нормативными актами [7]. Д. Г. Грязнов, в свою очередь, считает, что обыкновение является тем, из чего впоследствии различных общественных отношений путем многократного применения в сходных ситуациях создается обычай [9].

Для того чтобы понять, с чем это связано, необходимо выделить недостатки этого явления. Во-первых, в основе обычая и делового обыкновения всегда лежат образцы одного конкрет-

ного поведения, либо же практической деятельности, из-за чего они становятся трудно отделимыми от иных общественных взаимоотношений. Во-вторых, обычаи не имеют письменного подтверждения и не регистрируются. И в-третьих, невозможность полного запрета привычных обычаев. Законодатель, в целях бережного отношения к исторической культуре разнообразных народов старается снисходительно обращаться к подобным рода обычаем. Например, выкуп и похищение невесты. Это действие считается правонарушением, но оно является важной составляющей культуры определенного народа, в связи с этим, он не вытесняется, а редактируется (выкуп и похищение невесты проходит непосредственно с ее согласия) [5].

Обычаи рассматривают в качестве диспозитивной нормы права, поэтому стороны могут от него отступить, в отличие от нормативно-правовых норм. Наиболее часто обычаи применяются в ситуациях, где в этой области в законодательстве имеется пробел, не согласованный сторонами. [10]. Существуют негласный порядок применения обычаев:

- правила обычая должны быть постоянными,
- должны быть узконаправленными и определенными,
- применяться на практике длительное время,
- использоваться часто и в большом диапазоне.

Однако, корпоративные обычаи по своей юридической силе, уступают нормативным актам. Значительное количество корпораций в своих уставах устанавливают их в качестве источника права наравне с обычаями, хотя они не считаются источниками. Связанно это с тем, что обыкновения диктуются не национальными традициями, а административной рациональностью, которая различна для каждого предприятия. Еще одно отличие обыкновения от обычая – в необходимости их письменного закрепления в качестве соглашений или отчета.

В заключение следует отметить, что в большинстве корпораций на практике применяется огромное количество деловых обычаев и обыкновений. Участники корпоративных отношений, настолько к ним привыкли, что редко замечают их в своей деятельности. Однако органам управления необходимо замечать эти мелкие детали для того, чтобы предприятия и корпорации имели возможность создавать сильный и продуктивный коллектив.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». (дата обращения 11.12.2020 г.).

2. Алексеев С. С. Проблемы теории права [Электронный ресурс]: курс лекций: В 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 49. Режим доступа: <https://perviydoc.ru/>

3. Белкин А.А. Обычаи и обыкновения в государственном праве. [Электронный ресурс]: научное издание. М.: Правоведение 1998. №1. 38 с. Режим дост.: <https://www.elibrary.ru/item.asp>

4. Бошно С.В. Санкционирование обычаев государством: содержание и классификация. [Электронный ресурс]: научное издание Сборник статей. М.: Юрист, 2004. № 3. Режим дост.: <https://www.elibrary.ru/item.asp>

5. Бушев А.Ю. Корпоративное право: проблемы науки и практики// А. Ю. Бушев, В. Ф. Попандопуло / [Электронный ресурс]: научное издание. М.: Арбитражные споры № 3, 2005. Режим дост.: <http://www.law-students.net/modules.php>

6. Бошно С.В. Теория государства и права. [Электронный ресурс]: учебное пособие. М.: РУДН, 2010-11-13 с. Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-svetlana-boshno/127294-teoriya-gosudarstva-i-prava-svetlana>

7. Вильнянский С.И. Обычай и правила социалистического общежития. [Электронный ресурс] М.: Статут, 1954. 13 с. Режим доступа: <https://naukaprava.ru/catalog>.

8. Вильнянский С.И. / [Электронный ресурс]: научное издание. М.: Ученые записки Харьковского юридического института. Харьков, 1954. Вып. 5. 3-24с. Режим дост.: <http://lawlibrary.ru/izdanie2595.html>

9. Грязнов Д.Г. Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке. / [Электронный ресурс]: научное издание. М.: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2003. 72 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=8816304>

10. Зыкин И. С. Обычай в правовой доктрине / [Электронный ресурс]: научное издание. М.: Государство и право. 2004. №3. 127-131 с. Режим дост.: <https://www.elibrary.ru/contents.asp>

11. Кашанина Т. В. Корпоративное право [Электронный ресурс]: учебное пособие для студентов вузов. М.: НОРМА ИНФРА · М, 1999. 233 с. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/431765>
12. Кирилловых А. А. Корпоративное право. Курс лекций. [Электронный ресурс]: учебное пособие для студентов вузов. М.: Юстицинформ, 2009. 192 с. Режим доступа: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kirillovykh_aa_korporativnoe_pravo/
13. Кулагин М. И. Предпринимательство и право: опыт Запада. [Электронный ресурс]: научное издание. М.: ДЕЛО, 1992. 29 с. Режим дост.: <https://naukaprava.ru/catalog/435/708/708062/53409>
14. Разумович Н. Н. Источники права и форма права [Электронный ресурс]: монография. М.; Советское государство и право. 1988. № 3. 25 с. Режим доступа: <https://tigr.wordpress.com>
15. Суханов Е. А., Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО/ [Электронный ресурс]: учебное пособие для студентов вузов. М.: Статут 2019-462с.
16. Осипенко О. В. Актуальные проблемы системного применения институтов корпоративного управления и акционерного права. [Электронный ресурс]: научное издание М.; Статут, 2018. 448с. Режим дост.: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34876815>

С. А. Макиев, Н. Г. Айдарова, Д. В. Бесолов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются некоторые классификационные подходы к систематизации гражданско-правовых обязательств. В целях определения наиболее удачного классифицирующего критерия обязательств автором анализируются различные мнения ученых-цивилистов, а также приводится собственная позиция относительно данного вопроса.

Ключевые слова: обязательства в гражданском праве, обязательные правоотношения, классификация обязательств, систематизация обязательств.

Под обязательством в широком смысле следует понимать обязанность, возникающую у субъекта правоотношения. Такая обязанность всегда имеет определенные условия ее выполнения, а в случае ее невыполнения предусматривает риск наступления санкции. Указанные условия должны быть определены договором, соглашением, контрактом, а также законом.

Реалии современного мира образуют сложную структурную взаимосвязь всех сфер жизнедеятельности общества. В таких условиях, в рамках правового государства, обязательственные правоотношения призваны играть значительную роль. Важным аспектом является также надлежащая систематизация обязательств. Процесс систематизации, как известно, характеризуется собой упорядочение чего-либо, объединенного единими признаками, но, вместе с тем, имеющего различия. Выявление указанных различий происходит посредством установления определенного классифицирующего критерия. В случае с обязательствами таким критерием могут быть те свойства обязательств, которые оказывают наиболее заметное влияние на характер их правового регулирования. Полагаем, что для выявления актуальных проблем систематизации гражданско-правовых обязательств, следует указать основные позиции ученых-цивилистов относительно поиска наиболее удачной классификации обязательств.

В научной юридической литературе существует множество подходов к определению классификации обязательств. О. А. Красавчиков в качестве классификационного критерия выделяет направленность гражданско-правового обязательства и делит гражданско-правовые обязательства исходя из блага, к достижению которого направлено исполнение обязательства. [5]. Так, С. И. Аскназий проводит классификацию обязательств с учетом главным образом их экономических особенностей [4]. В свою очередь, Д. В. Ломакин определяя классификацию обязательств использует межотраслевой – юридико-экономический подход. По мнению последнего, в зависимости от экономических особенностей обязательства можно также разделить на те, содержанием которых является выполнение тех или иных работ (подрядные обязательства), и на те, содержанием которых является выполнение работ, соответственно, не является. Ядром указанного подхода всегда является договор, заключаемый между сторонами обязательственных правоотношений и это,

как считает Д. В. Ломакин, характеризует юридическую направленность обязательств [6].

Как уже было отмечено ранее, процесс систематизации всегда обусловлен объединением чего-либо на основании общих признаков в отдельный институт. Тем не менее, несмотря на общеродовое сходство внутренняя структура объектов всегда предполагает градацию на отдельные группы по классифицирующим признакам. Отдельные виды обязательств могут выступать в разной форме или подразделяться на различные подвиды. Классификация обязательств по отдельным формам имеет место тогда, когда в рамках одного и того же вида обязательственных правоотношений специфические особенности приобретает форма их выражения. Например, розничная купля-продажа может выступать в форме купли-продажи в кредит, по образцам, по предварительным заказам, в порядке самообслуживания, посылочной купли-продажи и т. д.

Конкретный вид обязательства может быть представлен и различными подвидами, если в пределах данного вида специфические особенности приобретают содержание обязательственных правоотношений. Так, внутри одного и того же вида обязательства-обязательства аренды транспортных средств – различают два ее подвида: аренду транспортного средства с экипажем и аренду транспортного средства без экипажа.

Обязательства различаются также по своим юридическим особенностям – содержанию и соотношению прав и обязанностей, определенности или характеру предмета исполнения, количеству участвующих субъектов или участию иных лиц и т. п. Такие различия не составляют основы единой классификации всех обязательств, но позволяют выявить и учесть их конкретную юридическую специфику.

Вопрос о классификации обязательств носит в литературе дискуссионный характер. Нередко классификация обязательств осуществляется путем произвольного вычленения отдельных видов обязательственных правоотношений вне их связи с другими обязательствами. Например, выделяются договорные и внедоговорные, односторонние и взаимные, простые и сложные, альтернативные и факультативные, главные и дополнительные обязательства и т. д.» [3].

По мнению автора, представленные классификации способны решать лишь частные вопросы, связанные с ограничением

одних обязательств от других по произвольно избранному признаку, и не создают единой системы обязательств, которую можно было бы использовать при систематизации законодательства. Поэтому большинство исследователей стремятся охватить единой классификацией всю систему обязательств в целом.

Наиболее распространенным способом систематизации обязательств является их деление на две основные группы: договорные и внедоговорные. Значение разграничения всех обязательств на два указанных типа, по мнению В. В. Витрянского, состоит в том, что «содержание договорных обязательств определяется не только законом, но и соглашением лиц, участвующих в обязательстве. Содержание же внедоговорных обязательств зависит только от закона или воли одной из сторон в обязательстве. В совокупности эти правовые нормы образуют общую часть института договорного права в гражданском праве» [1].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что основой возникновения договорных обязательств в большинстве случаев является договор (соглашение), а внедоговорных обязательств – иные возникающие на практике юридические факты.

Как справедливо отмечает В. А. Белов деление обязательств на договорные и внедоговорные не является исчерпывающим по своему классифицирующему признаку. Так, указанные группы обязательств, ввиду широкого спектра из действия можно также подвергнуть внутрисистемной градации. Договорные обязательства следует делить на следующие группы:

- 1) обязательства по реализации имущества;
- 2) обязательства по предоставлению имущества в пользование;
- 3) обязательства по выполнению работ;
- 4) обязательства по перевозкам;
- 5) обязательства по оказанию услуг;
- 6) обязательства по расчетам и кредитованию;
- 7) обязательства по страхованию;
- 8) обязательства по совместной деятельности, смешанные обязательства.

В свою очередь внедоговорные обязательства включают в себя:

- 1) обязательства вследствие причинения вреда (деликтные обязательства);

2) обязательства вследствие неосновательного обогащения, т. е. приобретения или сбережения имущества одним лицом за счет другого без необходимых юридических оснований [2].

При всем различии изложенных выше позиций все они, на наш взгляд, страдают одним общим недостатком: выделенные на основе предлагаемых критериев виды обязательств не обладают необходимой правовой общностью. Это и не удивительно, поскольку достаточная многочисленность и значительное разнообразие обязательственных правоотношений не позволят их расположить в одном классификационном ряду. Поэтому более предпочтительной представляется приведенная выше система обязательств, основанная на их двойственной (договорные и внедоговорные) и затем многоступенчатой градации по каждому из направлений.

Подводя итоги, необходимо отметить, что данная классификация, и прежде всего вытекающее из нее различие договорных и внедоговорных обязательств, имеет большое практическое значение. Если содержание первых в основном определяется волей сторон либо диспозитивными правилами законодательства, то вторые формируются главным образом на основе императивных предписаний закона.

Примечания:

1. Витрянский В. В. Общие положения об обязательствах // Кодификация российского частного права (под ред. П. В. Крашенинникова). М., 2017 г.

2. Белов В. А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / В. А. Белов. М., Юрайт, 2019.

3. Гражданское право: учебник: В 3 т. / Том 1. Отв. ред. А. П. Сергеев. М.: «ТК Велби», 2016.

4. Аскназий С. И. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями // Ученые записки Ленинградского юридического института. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947.

5. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966.

6. Ломакин Д. В. Корпоративные отношения и предмет гражданско-правового регулирования // Законодательство. 2004.

ВИДЫ КОРПОРАЦИЙ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ СИСТЕМАХ ПРАВА

В статье рассматриваются виды корпораций в англосаксонской и германской системах права. Автор раскрывает основные признаки корпораций и их законодательное регулирование. Также в статье рассматривается правовой статус: цели и задачи, виды деятельности, структуру органов управления, порядок отчетности, разрешения споров, реорганизации и ликвидации и др.

Ключевые слова: корпорация, правительственные функции, обязательства, акционерные общества, организация.

Термин «корпорация» в англосаксонской системе права или в системе общего права используется весьма широко. Им пользуются всякий раз, когда хотят подчеркнуть, что организация, называемая «корпорацией», рассматривается как единое целое и может выступать участником в гражданском обороте [1].

В США все корпорации делятся на четыре группы [2].

Первая группа – публичные корпорации (public corporation), создаваемые для осуществления отдельных правительственных функций (например, корпорации по комплексному использованию природных ресурсов, муниципальные корпорации в области местного самоуправления), которые включают государственные и муниципальные органы [3].

. Эти корпорации относятся к системе государственного аппарата, наделены соответствующими полномочиями и реализуют свои функции в пределах определенной территории.

Публичная (государственная) корпорация создается на основе акта государственного органа (парламента, министерства), определяющего ее правовой статус: цели и задачи, виды деятельности, структуру органов управления, порядок отчетности, разрешения споров, реорганизации и ликвидации и др.

Правоспособность публичной корпорации является специальной (исключительной), а сделки, выходящие за ее пределы, считаются ничтожными.

Классическая государственная корпорация унитарна, ибо ее имущество образовано за счет государства, хотя не исключено формирование имущества из взносов государственных образований различного уровня либо иных субъектов публич-

ного права. Обособленное имущество корпорации, которым она отвечает по своим обязательствам, остается в государственной собственности.

Как правило, государство по долгам корпорации не отвечает. Публичные корпорации могут функционировать на принципах самоокупаемости, быть прибыльными или заведомо убыточными. Чаще всего эти корпорации финансируются из бюджета, хотя нормативные акты и уставы некоторых корпораций дают им возможность получать доходы от использования имущества, выпуска ценных бумаг, оказания услуг, иных видов деятельности. Поэтому возможен различный порядок налогообложения: уплата налогов по правилам, установленным для коммерческих юридических лиц; предоставление налоговых льгот; полное освобождение от уплаты налогов. Финансовая отчетность публичной корпорации ежегодно представляется на рассмотрение и утверждение органа власти, ответственного за исполнение бюджета, и в соответствующее государственное ведомство [4].

Вторая группа – полупубличные корпорации (*quasi-public corporation*), служащие общим нуждам населения, например корпорации в области снабжения населения газом, водой, электричеством, железнодорожные корпорации и др. В число полупубличных корпораций включают также предприятия, относящиеся к государственной форме собственности (предприятия оборонного, космического комплекса и др.), акции которых также принадлежат государству [5].

Третья группа – предпринимательские корпорации (*business corporation*), создаваемые с целью получения прибыли. Фактически предпринимательские корпорации представляют собой коммерческие организации в форме акционерных обществ. Среди предпринимательских корпораций судебной практикой легализована так называемая закрытая корпорация (*close corporation*). Особенности ее статуса заключаются в следующем: ограничена численность акционеров; запрещена публичная подписка на акции; ограничена свобода передачи акций. При наличии указанных признаков корпорация может вести дела в упрощенном порядке, пользоваться иными привилегиями [6].

Нетрудно заметить, что закрытая корпорация американского права напоминает известное российскому праву закрытое акционерное общество.

Четвертая группа – непредпринимательские корпорации (non-profit corporation), основной целью которых не является извлечение прибыли. К ним относятся: религиозные организации, корпорации в области образования, благотворительные организации и др.

Как мы видим, в США понятием «корпорация» охватываются практически все виды юридических лиц. Т. В. Кашанина отмечает, что если взять за основу характеристики форму имущественной обособленности организаций, то оказывается, что к числу корпораций относятся только те, которые основаны на акционерном капитале и по своему правовому положению напоминают акционерные общества стран континентального права [7].

Подтверждением такого вывода может, в частности, служить Модельный закон о предпринимательских корпорациях (1984 г.) [8], в котором под корпорацией подразумевается именно акционерное общество.

У. Е. Батлер – современный английский правовед – соглашается с таким подходом. Рассматривая понятие корпорации в США, он признает, что в России нет концепции, идентичной понятию «американская корпорация», и отмечает, что «американская правовая доктрина в целом не принимает определение корпорации, которое допускает предельно широкую трактовку этого понятия как любой группы отдельных лиц, объединившихся для достижения общей цели и действующих под общим названием. Это определение в равной мере подходило бы для обозначения таких форм, как партнерство, профсоюзы и даже государство» [9].

У. Е. Батлер определяет американскую корпорацию как самостоятельное инкорпорированное предпринимательское образование, выпускающее акции для формирования своего уставного капитала [10].

Правоведы Англии «корпорацией» называют само юридическое лицо, поскольку все они делятся на единоличные корпорации (corporation sole – монарх; епископ Кентерберийский; отдельные должностные лица государства, например, министр почт, солиситор казначейства, публичный доверительный собственник и пр.) и объединения лиц (corporation aggregate) [11].

Торговые корпорации Англии именуются «компаниями» (company) и подразделяются на публичные (аналог открытого

акционерного общества континентального права) и частные (аналог закрытого акционерного общества). Поэтому ни одночленные корпорации английского права, ни публичные корпорации американского права не являются корпорациями как таковыми, а имеют с ними только общее название [12].

В Англии только корпорации наделены правосубъектностью, т. е. обладают правами юридического лица. Остальные организации, например трасты, рассматриваются с точки зрения права как простая совокупность лиц.

Ни в Англии, ни в США, согласно законодательству, «товарищества» как организационно-правовая форма осуществления предпринимательской деятельности не относятся к числу корпораций. Это связано с тем, что корпорация является юридическим лицом, а товарищество – по сути, объединение лиц и законодательством этих стран юридическим лицом не признается.

В странах системы континентального права ситуация с пониманием и использованием термина «корпорация» еще более сложная.

С одной стороны, организационно-правовые формы корпораций в системе континентального права отличаются большим разнообразием, нежели в системе общего права. По мнению Т.В. Кашаниной, если «поставить знак равенства между публичными корпорациями в системе общего права и государственными органами в праве континентальном, то можно сделать вывод, что понятие корпорации в континентальной Европе гораздо шире, нежели в Англии и в США. В него включаются помимо акционерных обществ масса других юридических лиц: различные виды товариществ (полные, коммандитные), хозяйственных обществ (с ограниченной и дополнительной ответственностью), хозяйственные объединения (концерны, ассоциации, холдинги и т. п.), производственные и потребительские кооперативы» [13].

С другой стороны, не во всех странах континентальной системы права термин «корпорация» имеет законодательное закрепление. Например, во Франции термин «корпорация» вообще не используется, а юридические лица подразделяются на товарищества и ассоциации [14].

В законодательстве Германии юридические лица частного права делятся на союзы и учреждения. Союзы, в свою очередь,

подразделяются на хозяйственные, основная цель которых – предпринимательская деятельность для получения прибыли, и нехозяйственные.

К хозяйственным союзам относятся торговые товарищества, признаваемые субъектами права, деятельность которых регулируются специальным законодательством. Нехозяйственные союзы – это объединения лиц, преследующих так называемые идеальные цели: политические, научные, социальные, благотворительные. Германское право, как и право других европейских стран, подразделяет торговые товарищества на полные и коммандитные. Положения, регулирующие деятельность торговых товариществ, содержатся в немецком Торговом кодексе.

Юридические лица во Франции подразделяются на товарищества и ассоциации. В общих чертах деление юридических лиц в этой стране такое же, как в Германии – на хозяйственные и нехозяйственные союзы. Ассоциации – объединения лиц, деятельность которых направлена на достижение социальных, культурных, научных и благотворительных целей. Общность целей делает ассоциации похожими на немецкие учреждения. Товарищество представляет собой объединение двух или более лиц с целью осуществления совместной предпринимательской деятельности. Оно считается торговым, если предметом его деятельности является совершение торговых сделок. Среди торговых товариществ ведущая роль принадлежит акционерным обществам и товариществам с ограниченной ответственностью, формы которых используются для организации компании не только частного, но и государственного капитала.

Формы существования юридических лиц в Великобритании и США в целом имеют общие черты, что определяется сходством законодательств обеих стран.

В США различают два вида объединений: партнерства (Partnership) и корпорации (Corporation). Партнерства – это объединения лиц, сходные с полным и коммандитным товариществами европейского континентального законодательства. Корпорации – объединения капиталов, что, очевидно, близко к акционерному обществу и обществу с ограниченной ответственностью в Европе. По законодательству США партнерство может быть общим и ограниченным.

В соответствии с гражданским законодательством юридические лица в России подразделяются на коммерческие и некоммерческие организации. Основой для деятельности первых является извлечение прибыли. Вторые не ставят перед собой такой цели. Деятельность их в основном преследует благотворительные цели, не связанные с извлечением прибыли. К коммерческим организациям относятся хозяйственные общества и товарищества, государственные и муниципальные унитарные предприятия, производственные кооперативы. Некоммерческие организации – это фонды, учреждения, потребительские кооперативы, ассоциации.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что пути формирования национальных законодательств совпадают во многих странах. Однако, несмотря на общее сходство видов и характеристик организационно-правовых форм предприятий, в каждой стране имеется своя специфика, обусловленная различиями в методах правового воздействия на деятельность зарубежных компаний, а также особенностями национальных законодательств. Вместе с тем общим моментом практически для всех стран является преимущественное использование разнообразных форм организации юридического лица.

Примечания:

1. Кашанина Т. В. Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ. М., 1999. С. 129.

2. Сыродоева О. Н. Акционерное право США и России (сравнительный анализ). М., 1996. С. 17; Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 129-131

3. Мозолин В. П. Корпорации, монополии и право в США. М., 1966; Нарышкина Р. Л. Правовое положение государственно-капиталистических предприятий / Гражданское и торговое право капиталистических государств / Отв. ред. Е. А. Васильев. М., 1993. С. 171-176.

4. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. М., 2003. С. 206

5. Кашанина Т. В. Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ. М., 1999. С. 130.

6. Сыродоева О. Н. Акционерное право США и России (срав-

нительный анализ). М., 1996. С. 17; Кашанина Т. В. Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ. М., 1999. С. 129-131.

7. Кашанина Т. В. Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ. М., 1999. С. 131.

8. США: Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 382-400.

9. Батлер У. Е., Гаши-Батлер М. Е. Корпорации и ценные бумаги в России и США. М., 1997. С. 16.

0. Батлер У. Е., Гаши-Батлер М. Е. Корпорации и ценные бумаги в России и США. М., 1997.

11. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. М., 2003. С. 210.

12. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. М., 2003. С. 210. Кашанина Т. В. Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ. М., 1999. С. 140.

13. Зайцева В. В. Общество с ограниченной ответственностью // Гражданское и торговое право капиталистических государств / Под ред. Е. А. Васильева. М., 1993. С. 80-82; Богатых Е. А. Гражданское и торговое право. М., 1996. С. 40-44;

14. Сыродоева О. Н. Акционерное право США и России (сравнительный анализ). М., 1996. С. 17.

Э. А. Хадаев, А. В. Гагиева

ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ

В статье рассматриваются основные новеллы законодательства о юридических лицах, как следствие проводимой реформы гражданского законодательства в целом и корпоративного законодательства в частности.

Ключевые слова: Гражданский кодекс РФ, корпоративные отношения, корпоративные организации, юридические лица, корпоративные права, корпоративное законодательство.

Анализ принятых за последние несколько лет (начиная с 2012 г.) изменений в Гражданский кодекс РФ (далее по тексту – ГК РФ), касающихся юридических лиц, позволяет выделить целый ряд важных новелл, споры о которых продолжаются до настоящего времени. Наиболее крупные из них будут рассмотрены в настоящей работе, так как вызывают самые острые дискуссии. В частности, к ним относятся следующие нововведения:

- установление закрытого перечня организационно-правовых форм юридических лиц непосредственно Гражданским кодексом РФ;
- введение деления юридических лиц на корпоративные и унитарные и формулирование общих норм о корпоративных организациях и управлении в них;
- введение общих положений о решениях собраний;
- введение нотариального удостоверения решений собраний и других корпоративных актов;
- необходимость формирования минимального обособленного имущества у некоммерческих организаций, осуществляющих приносящую доходы деятельность (аналог уставного капитала);
- введение новых положений о государственной регистрации юридических лиц, направленных на придание единому государственному реестру юридических лиц свойства публичной достоверности, а также вводящих обязанность проверки регистрирующим органом достоверности данных, включаемых в реестр, и уведомления о предстоящем внесении изменений в реестр;

- установление возможности представлять на регистрацию учредительные документы, соответствующие унифицированным типовым уставам различных видов юридических лиц [3];
- введение в ГК РФ общего понятия аффилированности;
- введение норм о восстановлении утраченного корпоративного контроля;
- введение в ГК РФ общих норм об ответственности членом органов управления юридических лиц, а также иных лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица;
- введение норм о корпоративных договорах;
- установление широких возможностей для «смешанных» реорганизаций различных видов юридических лиц и различных форм реорганизации, введение норм о признании реорганизации недействительной и несостоявшейся;
- введение норм о недействующих юридических лицах и др.

Изначально в ходе реформы предлагалось по-иному строить систему законодательства о юридических лицах. Предполагалось объединить Федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» в единый закон о хозяйственных обществах, однако в результате система законодательства не претерпела изменений. В отношении коммерческих организаций осталась двухуровневая система законодательства: ГК РФ и специальные законы. В отношении некоммерческих организаций сохранилась трехуровневая система: помимо ГК РФ и специальных законов продолжает действовать еще один «промежуточный» уровень в виде Федерального закона «О некоммерческих организациях» (далее по тексту – Закон об НКО) [2].

Количество организационно-правовых форм юридических лиц предполагалось существенно сократить. Однако в результате их перечень в ГК РФ оказался, наоборот, расширен по сравнению с тем, что было раньше. Перечень коммерческих организаций является закрытым и предусмотрен непосредственно ГК РФ. Организационно-правовые формы коммерческих организаций в целом остаются прежними (хозяйственные общества и товарищества, производственные кооперативы, унитарные предприятия). К ним добавлены хозяйственные партнерства и крестьянские (фермерские) хозяйства. Пере-

чень некоммерческих организаций теперь является закрытым. Однако количество организационно-правовых форм некоммерческих организаций в ГК РФ резко увеличилось по сравнению с прежней редакцией Кодекса.

Помимо традиционного деления юридических лиц на виды в зависимости от организационно-правовой формы (акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью и т. д.), а также целей деятельности (коммерческие и некоммерческие), предусмотрена новая классификация юридических лиц: корпоративные (основанные на членстве или участии) и унитарные. В этой связи предпринята попытка сформулировать общие положения о корпоративных организациях, в то время как об унитарных организациях такие положения отсутствуют.

В ГК РФ введена новая гл. 9.1 «Решения собраний», в которой сформулированы общие правила принятия и оспаривания решений различных собраний, включая общие собрания участников юридического лица, собственников, кредиторов при банкротстве и т. п. [1].

Из Кодекса исключен п. 2 ст. 48, предусматривавший деление юридических лиц в зависимости от вида прав учредителей (участников) на три категории, в которых учредители имеют вещные права на имущество юридического лица, обязательственные права в отношении юридического лица либо не имеют никаких имущественных прав в отношении юридического лица или его имущества. В новой редакции п. 3 ст. 48 ГК РФ вместо этого все юридические лица делятся на две категории:

1) когда учредители имеют вещные права на имущество юридического лица (государственные и муниципальные предприятия, а также учреждения);

2) когда участники имеют корпоративные права в отношении юридических лиц [1].

Это связано с введением в ГК РФ понятия корпоративных отношений и признанием того, что в корпоративных организациях участники обладают в отношении юридического лица не обязательственными, а корпоративными правами. Кроме того, с введением корпоративных прав больше не может существовать юридических лиц, в отношении которых их участники не имеют никаких прав.

ГК РФ сохранил деление организаций на коммерческие и

некоммерческие. Однако некоммерческие организации по новой редакции ГК в отличие от прежней редакции лишены права осуществлять предпринимательскую деятельность. Вместо предпринимательской им предоставлено право осуществлять «приносящую доход деятельность», если это предусмотрено их уставами, и лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям (п. 4 ст. 50 ГК РФ). Такая деятельность не является предпринимательской, а представляет собой особый вид деятельности, понятие которого, однако, ГК РФ не раскрывает. Между тем совершенно неясно, чем отличается «приносящая доход» деятельность от «предпринимательской». Например, остается загадкой, как будут применяться положения ГК, требующие, чтобы автономная некоммерческая организация (далее по тексту – АНО) осуществляла предпринимательскую деятельность, необходимую для достижения целей, ради которых она создана, и соответствующую этим целям только через создаваемые ею для этого хозяйственные общества или участвуя в них (п. 5 ст. 123.24). Возникает вопрос, как будет разграничиваться «предпринимательская» деятельность, которую АНО может осуществлять только через хозяйственные общества, от «приносящей доход» деятельности, которую АНО может осуществлять самостоятельно.

Следует отметить, что Верховный Суд РФ в своих разъяснениях по применению части первой ГК РФ по сути отождествил приносящую доход деятельность некоммерческих организаций с предпринимательской деятельностью, указав, что «на некоммерческую организацию в части осуществления приносящей доход деятельности распространяются положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность (пункт 1 статьи 2, пункт 1 статьи 6 ГК РФ)» [6]. Такой подход в отсутствие четких законодательных норм вполне оправдан.

В ГК РФ существенно обновлены нормы об ответственности управляющих за причиненные их действиями убытки. Ранее в законодательстве (например, в ст. 71 Федерального закона от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах») такая ответственность уже была установлена, однако ст. 53.1 ГК РФ распространяет соответствующие положения на любые юридические лица, а также вносит некоторые существенные

уточнения. В частности, соответствующая ответственность вводится не только в отношении лиц, занимающих какие-либо должности в органах управления юридического лица, но и лиц, отношения которых с юридическими лицами никак не формализованы, однако которые имеют фактическую возможность определять действия юридического лица. Также установлен запрет на включение в соглашения между юридическим лицом и лицами, несущими перед ним ответственность за убытки, условий об устранении или уменьшении обязанности возместить убытки. Такие условия являются ничтожными.

Весьма спорной является новелла абз. 2 п. 5 ст. 58 ГК РФ, исключающая применение к реорганизации в форме преобразования норм о гарантиях прав кредиторов, предусмотренных в ст. 60 ГК (уведомлять их о реорганизации, досрочно исполнять обязательства и отвечать за убытки, причиненные при реорганизации). Это объясняется тем, что при преобразовании никаких дополнительных рисков для кредиторов якобы не возникает, поскольку субъект по существу остается тем же (юридическое лицо меняет только вид организационно-правовой формы) с тем же объемом имущественных прав и обязанностей. Права и обязанности реорганизованного юридического лица в отношении других лиц (кредиторов) не изменяются, за исключением прав и обязанностей в отношении учредителей (участников), изменение которых вызвано реорганизацией (п. 5 ст. 58 ГК РФ). Вместе с тем такой подход в корне неверен, поскольку при реорганизации в форме преобразования в целом ряде случаев может быть исключена дополнительная ответственность перед кредиторами участников (учредителей) юридического лица (например, при преобразовании производственного кооператива в общество с ограниченной ответственностью «отпадает» субсидиарная ответственность участника по обязательствам юридического лица), что самым непосредственным образом затрагивает интересы кредиторов. Для других форм реорганизации необходимость соблюдения гарантий прав кредиторов остается, однако в более ограниченном виде. Допускаются соглашения реорганизуемого общества с кредиторами об устранении соответствующих гарантий (п. 2 ст. 60 ГК РФ). Кредиторы не могут воспользоваться гарантиями ст. 60 ГК РФ и в случае, если им с их согласия предоставлено достаточное обеспечение в виде независимой безотзывной банковской гарантии.

С другой стороны, в ГК РФ введена солидарная ответственность перед кредиторами юридических лиц, образовавшихся в результате реорганизации, а также иных лиц, если они своими действиями (бездействием) способствовали тому, что кредиторам не предоставлено досрочное исполнение обязательства и (или) не возмещены убытки. Также установлена солидарная ответственность реорганизованного юридического лица и вновь созданных юридических лиц по обязательству, если передаточный акт не позволяет определить правопреемника по этому обязательству юридического лица, а также, если из передаточного акта и иных обстоятельств следует, что при реорганизации недобросовестно распределены активы и обязательства реорганизуемых юридических лиц, что привело к существенному нарушению интересов кредиторов (п. 5 ст. 60 ГК).

Кодекс дополнен ст. 50.1 «Решение об учреждении юридического лица», в которой уточняются порядок принятия и содержание решения о создании любого юридического лица. В частности, в случае учреждения юридического лица одним лицом решение о его учреждении принимается учредителем единолично. В случае учреждения юридического лица двумя и более учредителями указанное решение принимается всеми учредителями единогласно. При этом в решении об учреждении указываются сведения об учреждении юридического лица и утверждении его устава, о порядке, размере, способах и сроках образования имущества юридического лица, об избрании (назначении) органов, о результатах голосования учредителей по вопросам учреждения юридического лица, о порядке совместной деятельности учредителей по созданию юридического лица (для корпоративных организаций), иные сведения, предусмотренные законом.

В ст. ст. 51 и 54 ГК РФ вводятся новые положения о государственной регистрации юридических лиц, направленные на придание единому государственному реестру юридических лиц свойства публичной достоверности, а также вводящие возможность проверки регистрирующим органом достоверности данных, включаемых в реестр [1].

Изначально в процессе реформы планировалось наделить регистрирующий орган обязанностью проверять также законность содержания устава и иных документов, представляемых

на регистрацию. Однако в окончательную редакцию поправок в ГК РФ данные нормы не вошли, и регистрирующий орган может проверять лишь достоверность данных, включаемых в реестр.

Важными новеллами ГК РФ являются также нормы о признании недействительным решения о реорганизации юридического лица (ст. 60.1), а также о признании реорганизации корпорации несостоявшейся (ст. 60.2) [1].

Последствием признания решения о реорганизации недействительным является солидарная обязанность юридических лиц, созданных в результате реорганизации, а также лиц, недобросовестно способствовавших принятию такого решения, возместить убытки участнику реорганизованного юридического лица, голосовавшему против решения или не принимавшему участия в голосовании, а также кредиторам реорганизованного юридического лица. При этом образовавшиеся в результате реорганизации юридические лица не ликвидируются, а совершенные ими сделки сохраняют силу.

Также вводится легальная возможность признания судом недействительности государственной регистрации юридического лица в связи с допущенными при его создании грубыми нарушениями закона, если эти нарушения носят неустранимый характер. Предусматривается возможность оспаривания в суде включения в реестр данных, если они недостоверны или включены в реестр с нарушением закона.

Важным нововведением представляется возложение на казну Российской Федерации обязанности возмещать убытки, причиненные незаконным отказом в государственной регистрации юридического лица, уклонением от государственной регистрации, включением в Единый государственный реестр юридических лиц недостоверных данных о юридическом лице либо нарушением порядка государственной регистрации.

Ряд нововведений касается правил о прекращении юридических лиц. В частности, добавляется новое основание прекращения юридического лица – в связи с фактическим прекращением его деятельности (ст. 64.2 ГК РФ) [1]. Также новыми основаниями ликвидации являются признание недействительной государственной регистрации юридического лица, а также осуществление деятельности при отсутствии обязательного членства в саморегулируемой организации

или необходимого в силу закона свидетельства о допуске к определенному виду работ, выданного саморегулируемой организацией. Возможна также ликвидация юридического лица по иску его участника в случае невозможности достижения целей, ради которых юридическое лицо создано, в том числе в случае, если осуществление деятельности юридического лица становится невозможным или существенно затрудняется.

Также вводится обязанность учредителей (участников) юридического лица осуществлять ликвидацию юридического лица и солидарно нести расходы, связанные с ликвидацией юридического лица, в случае недостаточности для этих целей имущества самого юридического лица. Такая обязанность установлена независимо от оснований, по которым принято решение о ликвидации, в том числе в случае фактического прекращения деятельности юридического лица (п. 2 ст. 62 ГК РФ).

Кодекс вводит дополнительные гарантии прав кредиторов ликвидируемого юридического лица. В частности, п. 2 ст. 64.1 ГК РФ возлагает на членов ликвидационной комиссии обязанность возместить убытки, причиненные ими учредителям (участникам) ликвидированного юридического лица или его кредиторам, в порядке и по основаниям, которые установлены применительно к ответственности органов управления юридического лица [1]. Также установлена возможность кредиторов предъявлять иски к юридическому лицу в суд в любое время до утверждения ликвидационного баланса в случае отказа ликвидационной комиссии удовлетворить их требования либо уклонения от их рассмотрения.

Целый ряд новелл установлен в гл. 4 ГК РФ в связи с упомянутым выше введением деления юридических лиц на корпоративные и унитарные.

Корпорация согласно ГК РФ – это юридическое лицо, участники (акционеры) которого обладают правом участия (членства) в них и формируют высший орган в виде общего собрания участников (п. 1 ст. 65.1) [7]. В связи с участием в корпоративной организации ее участники приобретают корпоративные (членские) права и обязанности в отношении созданного ими юридического лица (п. 2 ст. 65.1 ГК РФ). В то же время в отношении унитарных организаций их учредители не приобретают в них прав членства, а вопрос о том, имеют ли

учредители унитарных организаций какие-либо права в отношении созданных ими юридических лиц, в ГК РФ остается неурегулированным.

Участники любой корпорации имеют право участвовать в управлении делами корпорации (кроме вкладчиков в командитном товариществе); получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией; обжаловать решения органов управления корпорации, влекущие гражданско-правовые последствия, в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом; требовать, действуя от имени корпорации, возмещения причиненных корпорации убытков (ст. 53.1 ГК РФ); оспаривать совершенные корпорацией сделки по основаниям, предусмотренным ст. 174 ГК РФ или законами о корпорациях, и требовать применения последствий их недействительности, а также применения последствий недействительности ничтожных сделок корпорации. Следует признать, что и до внесения соответствующих изменений в ГК РФ в случаях, предусмотренных в законе, такие права уже были предоставлены участникам юридических лиц и без упоминания об этих правах непосредственно в ГК РФ.

В то же время в ГК РФ (п. 3 ст. 65.2) вводится принципиально новое право участника корпорации на восстановление корпоративного контроля: требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к другим лицам помимо его воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц, с выплатой этим лицам справедливой компенсации, определяемой судом, а также возмещения убытков за счет лиц, виновных в утрате доли. Суд может отказать в возвращении доли участия, если это приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и иные публично значимые последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, за счет лиц, виновных в утрате доли, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом.

Также вводится для любых хозяйственных обществ и товариществ (за исключением публичного акционерного общества) право участника требовать исключения из корпорации в судебном порядке другого участника с выплатой ему действительной стоимости доли участия, если такой участник

своими действиями (бездействием) причинил существенный вред товариществу или обществу либо иным образом существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе грубо нарушая свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами товарищества или общества. Такое право предоставляется и участникам непубличного акционерного общества, что раньше в законодательстве не предусматривалось.

В ст. 65.2 ГК РФ прямо устанавливается принципиально важная новая обязанность участника любых корпораций участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность в соответствии с законом, если его участие необходимо для принятия таких решений. Это по существу означает, что участники юридического лица (акционеры, участники ООО и т. д.) не только вправе, но и обязаны принимать участие в общих собраниях, в повестку дня которых входят важнейшие вопросы деятельности юридического лица. Также вводятся обязанности участников любой корпорации не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации; не совершать действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация; не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности корпорации. Сохраняется также обязанность участвовать в образовании имущества корпорации, которая ранее уже содержалась в законодательстве применительно к отдельным видам юридических лиц.

Кодекс предусматривает для любой корпорации существование высшего органа управления – общего собрания участников (п. 1 ст. 65.3). В качестве высшего органа управления некоммерческой корпорации или производственного кооператива, в которых число участников более ста, может быть также съезд, конференция или иной представительный (коллегиальный) орган. Важно обратить внимание, что к исключительной компетенции общего собрания корпорации отнесены вопросы определения приоритетных направлений деятельности корпорации, принципов образования и использования ее имущества, утверждение и изменение устава корпорации и другие вопросы, определенные в ГК РФ (п. 2 ст. 65.3), которые

не могут быть переданы для решения другим органам корпорации.

В корпорации может быть также создан коллегиальный орган управления, контролирующей деятельность исполнительных органов корпорации (наблюдательный совет и т. п.). Члены этого коллегиального органа наделяются некоторыми правами, которые имеют и участники корпорации, в частности правом получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с бухгалтерской документацией, требовать возмещения причиненных корпорации убытков, оспаривать совершенные ею сделки.

Принципиально важным нововведением ГК РФ является обязательность подтверждения решений общего собрания участников хозяйственных обществ нотариусом или иным лицом способом, определяемым законом, учредительным документом или решением общего собрания по правилам, предусмотренным в п. 3 ст. 67.1 ГК РФ [4].

Неоднозначно воспринимается новелла ГК РФ, касающаяся возможности предоставления полномочий единоличного исполнительного органа корпорации сразу нескольким лицам, действующим совместно, или образование нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга (п. 3 ст. 65.3).

Общие положения о хозяйственных товариществах и обществах ГК РФ дополнил рядом новых положений. Большинство новелл направлены на усиление диспозитивных начал в регулировании правового положения хозяйственных обществ, максимальное распространение на корпоративные отношения принципа свободы договора.

Так, традиционный для коммерческих корпораций принцип пропорциональности объема корпоративных прав (правомочий) участников размеру их долей в уставном капитале в новых нормах ГК РФ не является обязательным для непубличных хозяйственных обществ. От него можно как угодно отступать в уставе, а также в корпоративном договоре при условии внесения сведений о таком договоре в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ).

Система внутренних документов, регулирующих деятельность юридического лица, существенно усложняется. Помимо устава, являющегося учредительным документом, в юридиче-

ском лице могут быть внутренний регламент и иные внутренние документы, а также корпоративный договор. При этом и в уставе, и в корпоративном договоре многие вопросы, ранее императивно определяемые законом, могут теперь регулироваться иным образом.

В новой редакции гл. 4 ГК РФ из Кодекса исключаются специальные положения об управлении акционерным обществом и обществом с ограниченной ответственностью (о составе и компетенции органов управления), поскольку регулирование этих вопросов содержится либо в общих положениях ГК РФ об управлении корпоративными организациями и хозяйственными обществами, либо в специальных законах о хозяйственных обществах.

Внутренние «управленческие» отношения в коммерческих организациях призван также регулировать Кодекс корпоративного управления, одобренный Банком России и Правительством РФ [5]. Данный акт носит рекомендательный характер для применения акционерными обществами, ценные бумаги которых допущены к организованным торгам. Но он может использоваться и иными коммерческими корпорациями, а также унитарными организациями (государственными корпорациями и компаниями), до сведения которых он также доведен Банком России.

Проведенный выше общий обзор проводимых законодательных реформ позволяет заключить, что определенся основной вектор в развитии гражданского законодательства о юридических лицах – выделение общих для всех юридических лиц положений, ранее «разбросанных» по различным нормативным актам и видам юридических лиц, и их закрепление непосредственно в ГК РФ. Сюда относятся установление правил о корпоративных и унитарных организациях и попытки формулирования общих положений для тех и других, правила об аффилированных лицах, минимальном имуществе, гарантирующем интересы кредиторов не только в коммерческих, но и в некоммерческих организациях, о корпоративных договорах, об ответственности членов органов управления, решениях собраний в любых юридических лицах и т. д. Тем самым идет усиление пандектных начал в регулировании гражданско-правового положения любых юридических лиц и закрепление соответствующих общих норм непосредственно в ГК РФ [8]. Дан-

ная тенденция в целом является, на наш взгляд, правильной.

Однако данный процесс пока является далеко не завершенным, а обновленные нормы ГК РФ о юридических лицах не в полной мере, как нам представляется, учитывают специфику отношений, регулируемых законодательством о юридических лицах. Реформа корпоративного законодательства, получившая воплощение в масштабных изменениях норм Гражданского кодекса РФ о юридических лицах, должна найти свое продолжение в действующих федеральных законах об отдельных видах юридических лиц (об акционерных обществах, об обществах с ограниченной ответственностью, о некоммерческих организациях и т. д.). Однако, эта реформа, явившаяся результатом компромисса конкурирующих центров принятия решений (рабочей группы Совета по кодификации гражданского законодательства, Министерства экономического развития РФ, рабочей группы по созданию международного финансового центра, Государственно-правового управления Администрации Президента РФ), не создает систему понятного, последовательного и непротиворечивого правового регулирования корпоративных отношений и правового положения различных видов юридических лиц.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».

2. Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».

3. Приказ Минэкономразвития России от 01.08.2018 №411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью», вступающий в силу с 24.06.2019 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

4. Пособие по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии, утв. письмом Федеральной нотариальной палаты от

01.09.2014 №2405/03-16-3 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».

5. Письмо Банка России от 10.04.2014 №06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» [Текст] // Вестник Банка России. 2014. №40.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. №8

7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: [Текст] // Постатейный комментарий к главе 4 / Под ред. П. В. Крашенинникова. С. 164.

8. Гутников О. В. Концепция развития корпоративного законодательства [Текст] // Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т. Я. Хабриевой, М. Ю. Тихомирова. М., 2010. С. 241-270

К. М. Хачирова, Л. Т. Кокоева

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА РЫНКЕ ТОВАРНЫХ УСЛУГ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В статье раскрывается сравнительно-правовой анализ развития антимонопольного законодательства на рынке товарных услуг в России и за рубежом. Автор указывает на специфику формирования правовой модели российского рынка товарных услуг.

Ключевые слова: рынок финансовых услуг, рынок товарных услуг, антимонопольное регулирование, законодательство, российский рынок.

Специфика формирования правовой модели российского рынка товарных услуг заключается в том, что в 1991 году произошла смена экономических систем, а именно от плановой экономики к рыночной. Законодательные и исполнительные органы Российской Федерации были вынуждены формировать рынок и воссоздавать систему договоров, его регулирующих, практически заново. Как мы отмечали, система планового регулирования предполагала плановое распределение финансовых ресурсов, по существу исключавшее использование

рыночных механизмов, что соответственно сказывалось и на методах регулирования правоотношений, носивших преимущественно публичный, административно-правовой характер. Переход к рыночному распределению финансовых ресурсов, т. е. к отношениям, основанным на принципе равенства участников (профессиональных участников рынка ценных бумаг, страховых организаций и других), потребовал разработки неизвестных ранее норм, регулирующих отношения на отечественном рынке финансовых услуг. В условиях проводимой экономической реформы при разработке норм отечественного законодательства, регулирующего рыночные механизмы, в качестве основы принимались правовые решения, принимавшиеся в иностранных государствах. В отличие от российского законодательства в зарубежных странах институты рынка проходили путь плавного эволюционного развития, имея своим источником нормы римского права. В этой связи для оценки и совершенствования отечественного законодательства важно проанализировать развитие антимонопольного регулирования за рубежом.

Что касается России, то в настоящее время важнейшей частью проводимых в России преобразований являются правовая защита конкуренции и обеспечение разумной открытости финансовых рынков Российской Федерации. Основной составляющей правовой защиты добросовестной конкуренции и открытости рынка финансовых услуг является государственное регулирование и его «инструмент» в решении указанных вопросов – антимонопольное законодательство.

Существует две основные системы антимонопольного законодательства: американская, в качестве основного принципа провозглашающая запрещение монополий, и европейская, ограничивающая только их злоупотребления.

Несмотря на существующие особенности антимонопольного законодательства каждой страны, нельзя не отметить и общие черты антимонопольного права. Как отмечает А. Биндельс, «...конкретное оформление законодательства о конкуренции всегда является реакцией на соответствующую обстановку на рынке. Исключая некоторые фундаментальные положения, можно сказать, что статичного антимонопольного права, имеющего одинаковую силу для всех времен и всех рынков, не существует».

Очевидно, что российское антимонопольное законодательство, воплощая в себе общемировые тенденции, обладает и специфическими свойствами. Чтобы выявить их, обратим внимание на условия формирования российского антимонопольного законодательства.

Новая хозяйственная система в России в общих чертах сформировалась к 1922 году. Основным хозяйствующим субъектом с правами юридического лица признавался трест, осуществлявший свою деятельность на основе хозрасчета. В области снабжения и реализации продукции тресты первоначально зависели от государства: применялись централизованное снабжение, организованный товарооборот.

В целом, несмотря на отмеченную прогрессивность и принципиальное значение принятия первого в США Федерального антитрестовского закона, последующий опыт более чем двух десятилетий его применения показал, что Закон Шермана, конечно, не мог приостановить тенденции монополизации экономики и ограничительной деловой практики монополий. Причина состоит не только в том, что нормы этого закона были не совсем конкретными и носили общий характер, что затрудняло его применение судами. Основная причина заключалась в необходимости более четких механизмов его реализации.

Дальнейшему развитию антитрестовского законодательства в США способствовало принятие в 1914 году Закона Клейтона, который по сути можно охарактеризовать как своеобразное дополнение к Закону Шермана. Он дал четкое понятие незаконных сделок, нечестных методов конкуренции, ввел меры против слияния советов директоров трестов, запретил ценовую дискриминацию, создал межштатную торговую комиссию как орган, отвечающий за исполнение и применение антитрестовских законов.

Между тем некоторые исследователи отмечают, что антимонопольный Закон Шермана не является первой в истории попыткой развития регулируемой конкуренции. Впервые регулирование конкурентных отношений возникло в середине XIX века в рамках законодательства о пресечении недобросовестной конкуренции. И если защита от недобросовестной конкуренции – это защита против нечестных действий предпринимателей на рынке в отношении их конкретных конкурентов, то

антимонопольное законодательство направлено против ограничений конкуренции [1].

В тех странах, где специальные антимонопольные законы не разрабатывались, антимонопольное регулирование осуществлялось с помощью других отраслей права: гражданского, уголовного, административного. Наряду с этим развивалось и законодательство о защите прав потребителей, направленное на упорядочение конкурентных отношений между производителями, продавцами и потребителями продукции.

Заметим, что в целом антитрестовское (антимонопольное) законодательство развитых капиталистических стран достаточно разнообразно, поскольку, как отмечалось выше, оно произошло из тех экономических доктрин, которые, наряду с политическими и социальными условиями, являлись фундаментом национального хозяйства той или иной страны.

Значение опыта развитых стран и применение его в российских условиях с учетом экономических и правовых реалий имеет практический интерес, может обеспечить успешное развитие производительных сил общества, защитить его от негативных монополистических проявлений. Поучительным представляется и опыт постстабилизационной политики в развивающихся странах, которые к концу 90-х годов сумели восстановить экономический рост и благосостояние своего населения после длительного периода спада.

Развитие внешнеторговой деятельности и выход промышленных предприятий на мировой рынок обусловлен заключением контрактов, нормы которых могут быть подчинены положениям иностранного права, в том числе антимонопольного [2].

Кроме того, параллельно с развитием национальных законодательств в область регулирования конкуренции и монополистической деятельности все более активно стали включаться международное право и различные международные институты, что обуславливало потребность выработки единых стандартов поведения. Известные немецкие компаративисты К. Цвайгерт и Х. Кётц отмечают, что материалы, получаемые от систематических исследований или специальных экспертиз в области сравнительного права, служат в наши дни незаменимым инструментом для законодателя во многих странах, обеспечивая высокое качество его правотворческой деятельности, и являются базой для подготовки проектов международной унификации права,

для устранения или сглаживания различий в национальных правовых системах на основе общепризнанных принципов права.

Все это вызывает необходимость выявить точки соприкосновения и антимонопольных идей, и систем защиты конкуренции различных государств, найти их соотношения и различия.

Традиционно проводится сравнение американского и европейского антимонопольного законодательства. Это деление обусловлено возникновением в XIX веке антитрестовского законодательства США, направленного на запрет организации трестов как инструмента подавления конкуренции, и принятием в 50-х годах XX столетия антикартельного (антимонопольного) законодательства стран «Общего рынка» как юридического средства борьбы с ограничениями хозяйственной деятельности (по большей части – с различного рода соглашениями, направленными на ограничение конкуренции), и подписанием 25 марта 1957 года Римского договора об организации Европейского экономического сообщества.

В общем виде антитрестовское законодательство воплотило в себе основанную на идеях свободной конкуренции, саморегулирования экономики и невмешательства в нее государства политику экономического либерализма в его современной интерпретации – неоклассицизма, и в большей степени – течения монетаризма.

Антикартельное законодательство основано на экономической теории кейнсианства, теоретическую базу которого составляла доктрина государственного регулирования экономики.

Однако сейчас такое деление все больше принимает условный характер, скорее имеющий, по нашему мнению, силу традиций. Это связано со сближением правовых систем, построением модели смешанной экономики, основанной на экономической теории синтеза. Американская система антитрестовского законодательства строится на принципе запрещения монополий и предполагает в основном судебную форму правоприменительного процесса. В отличие от нее европейская система делает упор на принцип контроля за злоупотреблениями, что влечет за собой необходимость создания специальной системы административных органов, призванных постоянно анализировать и контролировать состояние конкуренции на различных рынках товаров и услуг, а также использовать корректирую-

щие, регулирующие и запретительные меры преимущественно административного характера. По мнению О.А. Жидкова, на современном этапе различия между обеими правовыми моделями нивелировались [3].

За более чем столетний путь антимонопольное законодательство качественно изменилось, став более гибким и целенаправленным, приобретая системный характер. В большинстве государств антимонопольное законодательство представляет собой совокупность нормативно-правовых актов, принятых в целях осуществления антимонопольной (конкурентной) политики.

На наш взгляд, по своему содержанию, характеру действия и целевому назначению нормы антимонопольного законодательства можно условно подразделить на три направления: ограничение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, предупреждение монополистической деятельности, пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции на рынке финансовых услуг.

Примечания:

1. Фигурнова, Н. А. Правовое регулирование экономической деятельности в империалистических и развивающихся странах / Н.А. Фигурнова // Институт государства и права: сб. науч. тр. М., 1973. С. 49.

2. Еременко, В. И. Антимонопольное законодательство зарубежных стран / В. И. Еременко // Государство и право. – 1995. №9. С. 102.

3. Тотьев, К. Ю. Конкуренция и монополии. Правовые аспекты регулирования / К. Ю. Тотьев; предисл. О.А. Жидкова. М.: Изд-во «Юристъ», 1996. С. 5.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА

В работе анализируется правовая природа корпоративного договора, проводится сравнение его особенностей в разных странах и правовых системах, предлагаются меры по усовершенствованию законодательства, касающегося корпоративных правоотношений.

Ключевые слова: правовая природа, корпоративный договор, правовые системы, хозяйственные общества, свобода договора

В доктрине права под термином «правовая природа» обычно понимают «юридическую характеристику правового явления, выражающую его индивидуальность, место и функциональную принадлежность в корреспонденции с его общей природой [1]. При определении правовой природы определенного вида соглашений в науке гражданского права обычно производится его согласование с выработанными классификационными критериями, такими как: «деление прямых обязанностей между сторонами», «существование встречного удовлетворения», а равным образом «момент возникновения соглашения». На базе этих критериев создаются такие дихотомии: односторонние и двусторонние, возмездные и безвозмездные, реальные и консенсуальные договоры [2]. Таким образом, прежде чем мы подойдем к аналогичному разбору в отношении корпоративных договоров, очень важно определиться на начальном этапе, в какой степени корпоративная сущность обозначенного договора оказывает воздействие на их юридическую природу.

По нашему мнению, общую гипотезу выше обозначенного направления можно выразить следующим образом: корпоративные договоры есть правовые явления, которые являются договорными по своей форме, но корпоративными по содержанию.

Исторически корпоративные договоры рассматривались как соглашение «*sui generis*», в основе которых лежит принцип договорной свободы. Свобода договора, которая, по мнению проф. К. Осаке, обоснованно считается «ключевым принципом англо-американского договорного права, ключевым началом рыночной экономики и базисным положением англо-американской политической философии» являлась долгое

время в США и Великобритании вплоть до нормативной институционализации одним лишь юридическим объяснением корпоративных договоров [3].

В некоторых странах предусматриваются достаточно своеобразные подходы и условия заключения корпоративных договоров. В частности, во Франции, как констатирует профессор F. Belot, корпоративные договоры по причине их непоименованности являются правомерными и несут в себе силу закона для лиц, их заключивших, как это определено ст. 1134 ФГК [4]. Этот подход, главным образом, исходит из принципа свободы договора.

В числе императивных требований, ограничивающих свободу заключения корпоративных договоров во Франции, нашли отражение следующие положения. Во-первых, договор, например, соглашение акционеров о согласовании, не имеет возможности предусматривать в качестве встречного удовлетворения денежное вознаграждение по той причине, что в соответствии с п. 3 ст. L. 249-9 Коммерческого Кодекса Франции, как принятие выгод от реализации права голоса на общем собрании, так и обеспечение подобных выгод, несомненно, являются уголовно наказуемыми деяниями. Во-вторых, договор не должен предполагать в качестве цели общего собрания нанесение вреда интересам организации. В-третьих, договор в силу ст. 1165 ФГК налагает обязанности только на заключивших его лиц, но не на общество в целом. Следовательно, условия корпоративных договоров не оказывают воздействие на структуру управления хозяйственным обществом, оставаясь лишь внутренним договором его участников. В-четвертых, как подметил в решении 2007 года Кассационный суд Франции, корпоративный договор, заключенный на неопределенный срок, имеет возможность быть расторгнутым по инициативе любой из сторон.

Следует отметить тот факт, что предмет корпоративного договора законодательно не определен, и в отсутствие закрепленной возможности расширить действие договора на хозяйственные общества корпоративные договоры заключаются только в отношении прав собственности на акции либо прав голоса из акций.

Как предполагает проф. Р. Мюллер, корпоративные договоры по праву Швейцарии в зависимости от «постановки цели, необходимо подводить под один из имеющихся в законода-

тельных актах договорных видов», при всем этом условия подобных соглашений имеют все шансы открыто устанавливаться в пределах, установленных ст. 19 Обязательственного закона Швейцарии. Следует упомянуть и тот факт, что корпоративные договоры не могут противоречить добрым нравам и справедливости.

По праву Швейцарии в силу концепции о невозможности распространения условий корпоративного договора на общество, получившей свое воплощение вследствие применения в судебной практике по решению Коммерческого суда кантона Цюрих от 26.03.1970, акционеры имеют возможность заключать только соглашения о согласовании и распоряжении правами на акции, то есть обязательно-правовые соглашения. В отношении корпоративных договоров в Швейцарии также активно применяются положения о договоре простого товарищества, которые сформулированы в ст. 557 Обязательственного закона [5].

В Германии, в соответствии с позицией проф. М. Roth, возможность заключения корпоративных договоров равным образом обусловлена принципом свободы договора, который доктринально выводится из §331 ГГУ, а равным образом из ст. 2 Основного закона ФРГ, закрепившей «общую свободу действий» [6].

Как и в Швейцарии, в немецкой судебной практике корпоративные договоры называют «внутренними», «негласными» товариществами гражданского права. Деление в немецком праве на товарищества гражданского права и товарищества торгового права обладает важным значением, как как последние считаются частично правосубъектными. Товарищества гражданского права стали наделяться общегражданской, а равным образом процессуальной правосубъектностью только с решения Верховного суда Германии по делу Weibes-Ross.

Свобода заключения корпоративных договоров в Германии ограничена некоторыми специфическими положениями. Во-первых, §136 AktG запрещает подписание соглашений акционеров, заставляющих голосовать участников заранее определенным по наставлению правления или наблюдательного совета образом, а также за соответствующие предложения последних на всеобщем собрании [7]. Во-вторых, в §405 указан запрет на продажу или отчуждение иным образом права голоса

по акциям отдельно от права собственности на акции, а равным образом запрет на обещание или предложение встречного удовлетворения акционеру в обмен на согласие последнего голосовать определенным образом. Смежные корпоративные договоры также признаются ничтожными в силу §134 ГГУ. В дополнении к этому, корпоративные договоры не должны противоречить интересам компании и добрым нравам. К примеру, Верховный суд Германии в решении 1994 года признал корпоративный договор недействительным в части определения цены отчуждаемых акций при реализации предусмотренного договором права преимущественной покупки, так как методика расчёта стоимости привела к установлению чрезмерно низкой, нерыночной цены акций.

По праву Германии корпоративные договоры являются обычными гражданско-правовыми соглашениями, не связывающими ни общество, ни его органы правления.

В Италии в процессе реформирования гражданского законодательства корпоративные договоры приобрели нормативную институционализацию в ст. 2341-bis и 2341-ter ГКИ. В частности, п. 1 ст. 2341-bis ГКИ однозначно определяет предмет корпоративных договоров как права голоса из акций в форме установления порядка реализации этих прав, а равным образом права собственности на акции в форме ограничений трансферта акций.

Основная цель корпоративных договоров квалифицирована как общее управление хозяйственным обществом и оберегание структуры корпоративной собственности. Гражданский кодекс Италии не допускает бессрочных корпоративных договоров. Стороны имеют право заключить корпоративный договор на срок не более 5 лет. В случае если стороны заключили бессрочный договор, то он, во-первых, функционирует все равно в течение 5 лет, а во-вторых, каждая из сторон имеет все основания в одностороннем порядке аннулировать его, уведомив остальных участников договора за 180 дней.

Бельгийское законодательство, в частности ст. 551 Кодекса о компаниях, предусматривает, что корпоративные договоры не должны нарушать положения Кодекса или быть в противоречии с интересами общества. Расширяя положения германского законодательства, п. 2 ст. 551 Кодекса уточняет запрет на введение в корпоративные договоры условий, заставляющих

акционеров, сторон соглашений, голосовать согласно предписаниям общества, его органов управления, в том числе за выдвинутые ими предложения об этом. Несмотря на тот факт, что предельный срок для корпоративных договоров в 5 лет был отменен Законом от 13.04.1995, корпоративный договор не может быть заключен на бессрочных условиях, так как на практике подобное соглашение будет признано недействительным.

Статья 551 Кодекса о компаниях Бельгии дает определение корпоративному договору, поясняя, что корпоративные договоры представляют собой обычные договорные конструкции, предметом регулирования которых считаются права голоса из акций и имущественные права на акции [8].

ГК Литвы закрепляет 2 статьи, посвященные корпоративным договорам, – это ст. 2.88 и ст. 2.89. Так, в соответствии с п. 1 ст. 2.88 ГК Литвы корпоративный договор считается ничтожным с момента его заключения в том случае, если он заставляет стороны или третьих лиц, реализовывающих право голоса по акциям от имени сторон, подавать свой голос в соответствии с указаниями органа управления эмитента либо за любые предложения, представленные последним. По правовой модели Германии, по праву Литвы корпоративные договоры, которые предусматривают вознаграждение за голосование определенным образом или предусматривающие отказ от голосования, являются ничтожными. Несмотря на то, что общий срок для корпоративных договоров в ГК Литвы не определен, п. 4 ст. 2.89 ГК Литвы ограничивает максимальный срок действия договора о передаче права голоса по акциям на 10 лет.

Корпоративный договор, по убеждению проф. P Miliauskas, – обыкновенное соглашение акционеров общества, на которое распространяются в полной мере основные положения договорного права.

Дебаты об обязательственной или корпоративной юридической природе изучаемых договоров, по мнению проф. Е. А. Суханова, не имеют под собой основания. Во-первых, корпоративный договор может быть заключен только лишь участниками определенного хозяйственного общества. Это положение следует как из ст. 2341-bis ГКИ, ст. 551 Кодекса о компаниях Бельгии, ст. 2.88 ГК Литвы, так и из §7.32 МВСА. П. 1 ст. 67.2 ГК РФ равным образом поддерживает данный вывод: корпоративный договор, то есть договор об исполнении своих корпоративных

прав, заключается участниками хозяйственного общества.

Категория корпоративной правоспособности дает возможность науке гражданского права ограничить предмет корпоративного договора, в частности, от предмета договора участников хозяйственного общества с третьими лицами, закрепленно в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ. С помощью этого решается проблема тождественности данных договоров в пользу их дифференцированного гражданско-правового регулирования.

Вопрос причисления корпоративного договора в дихотомии возмездных и безвозмездных договоров к одной из этих групп является весьма сложным. В частности, в отечественном правопорядке его регулирование было предложено в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации» и Федерального закона «об акционерных обществах» (в части урегулирования акционерных соглашений).

Согласно п. 1 ст. 32.1, подлежащей введению в закон «Об акционерных обществах», устанавливалось общее правило безвозмездности акционерных договоров, которое могло быть скорректировано самими сторонами [9]. Однако в принятом Федеральном законе «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» не была отражена вышеупомянутая статья. В отсутствие особого правила, как полагает В.В. Долинская, необходимо опираться на общую презумпцию п. 3 ст. 431 ГК РФ, в соответствии с которой возмездность договора предполагается, если иное не установлено законом или не следует из сущности самого договора.

В дихотомии реальных и консенсуальных договоров корпоративные договоры, естественно, имеют отношение к последней категории, поскольку признаются заключенными с момента достижения соглашения сторонами по всем существенным условиям.

Фидуциарный характер правоотношений из корпоративных договоров в немецком, австрийском и швейцарском праве очевиден из анализа и сущности корпоративного договора. Но ничего похожего нет во Франции, Бельгии, Италии, Испании, а также России, где в процессе реформирования гражданского права в 2014 году в п. 8 ст. 67.2 ГК РФ было зафиксировано, что прекращение корпоративной правосубъектности одной стороны соглашения не влечет остановки договора в целом, если

стороны не предусмотрели иное. Стало быть, фидуциарность считается квалифицирующим элементом лишь для очень узкого круга корпоративных договоров.

Таким образом, правовая природа корпоративного договора не является однозначной. В целом, на основе анализа разных правовых подходов можно констатировать тот факт, что сущность корпоративного договора выводится из сформулированных в законе положений или же базируется на принципе свободы договора. Более этого, само содержание и вытекающие из корпоративного договора права порой существенно разнятся. В целом, это лишний раз подчеркивает либо «искусственность» правовой концепции, которая не отражает существующие потребности общества и является лишь попыткой создать новый описательный инструмент регулирования общественных отношений либо отсутствие достаточного количества практики, которая бы позволила более определенно подойти к сущности и особенностям корпоративных договоров.

Исходя из этого, в целях создания законодательной определенности в РФ в вопросах регулирования корпоративных отношений видится необходимость в следующих изменениях:

- дополнить ст. 67.2 ГК РФ следующим содержанием: «нарушение условий корпоративного договора, в соответствии с которым стороны будут обязаны голосовать определенным образом на общем собрании участников, может рассматриваться как основание для приведения итогов голосования на общем собрании участников общества в соответствии с условиями договора по иску стороны этого договора, голосовавшей в соответствии с условиями корпоративного договора»;

- дополнить ст. 67.2 ГК РФ следующими содержанием: «при неисполнении условий корпоративного договора сторона, участник хозяйственного общества, имеет право требовать исполнения корпоративного договора в судебном порядке, например, воздержаться от права голоса на общем собрании»;

- изложить в пункте 5.2 ст. 32.1 ФЗ «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ следующее положение: «Акционерные соглашения, заключенные участниками акционерных обществ, в случае, если информация об этих обществах не была раскрыта в соответствии с пунктом 5 настоящей статьи, ничтожны».

Примечания:

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. С. 277
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2001. С. 385
3. Осаке К. Свобода в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. 2006. №7. С. 85
4. Belot F. Shareholder Agreements and firm Value: Evidence from French Listed Firms (September 1, 2010) // URL: Social Science Research Network: сайт. URL: <http://ssrn.com/abstract=1282144> (дата обращения: 25.02.2020).
5. Инеджан Н., де Монмолин Ж., Пенцов Д. Договоры акционеров по Швейцарскому праву // корпоративный юрист. 2007. №10 С. 14
6. Шапп Я. Система германского гражданского права. М.: Международные отношения, 2006. с. 94
7. Закон об акционерных обществах Германии. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 164
8. Code des Societes // Ejustice: URL: <http://just.fgov.be> (дата обращения 25.02.2020).
9. Из практики совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации (редакционный материал) // Вестник гражданского права. 2008. № 1. С. 79

А. А. Чертков, А. В. Гагиева

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЕДИНОЛИЧНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ПЕРЕД КОРПОРАЦИЕЙ**

Статья посвящена проблеме юридической ответственности единоличного исполнительного органа перед корпорацией. В течение последних лет, эта проблема остро обсуждается в теории корпоративного права. Часто встречаемым в судебно-арбитражной практике является вопрос ответственности единоличного исполнительного органа юридического лица за причиненные ему убытки. Наибольшую сложность вызывает процесс установления состава правонарушения. Возможность переноса ответственности за публично-правовые

нарушения с корпорации на её единоличного исполнительного органа в виде убытков противоречит ряду принципов публичного права. Не смотря на это, усложняющийся имущественный оборот заставляет юристов разбираться в этом вопросе.

Ключевые слова: *корпоративное право, ответственность единоличного исполнительного органа, гражданско-правовое нарушение, ответственность за публично-правовые нарушения корпорации.*

Проблема ответственности единоличного исполнительного органа юридического лица не нова. Впервые такая ответственность была закреплена в ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах» и ст. 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2], [3]. Первоначально такие иски предъявлялись нечасто, так как не было достаточной правовой базы и опыта рассмотрения и разрешения таких споров. В гражданско-процессуальном законодательстве не было необходимых процедур рассмотрения таких споров. А общие правила рассмотрения дел в исковом производстве не подходили. С течением времени в Арбитражный процессуальный кодекс РФ была включена глава, регулирующая особенности рассмотрения корпоративных споров. Вместе с тем необходимость привлечения к ответственности директоров и членов коллегиальных исполнительных органов на практике возникала не только в акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью, но и в юридических лицах других организационно-правовых форм.

На сегодняшний день стремительно развивающимся видом корпоративной ответственности, как уже было сказано, является ответственность лиц, входящих в состав органов юридического лица, по-другому именуемая как ответственность лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица.

Имеется формула «лицо, которое в силу закона выступает от имени юридического лица, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно», установленная п. 3 ст. 53 Гражданского кодекса РФ [1]. Несмотря на кажущуюся, на первый взгляд простоту, эта формула вызывает большие споры в судебной практике, рассматривающей каждый год десятки тысяч исков о взыскании убытков с единоличного исполнительного органа корпорации.

Данная норма задает определенные рамки поведения, нарушая которые лицо будет обязано возместить убытки. Таким образом, ответственность лица, входящего в состав органов

юридического лица – это обязанность лица возместить по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, убытки, причиненные по его вине юридическому лицу, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно.

Особенности состава рассматриваемого правонарушения. Отсутствие систематизированного, полного комплекса норм о корпоративной ответственности породило правоприменителей самостоятельно, опираясь лишь на цивилистическую науку, разрабатывать состав данного вида корпоративного правонарушения.

Суды при рассмотрении корпоративных споров по привлечению к ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, определили необходимости установления трех элементов состава правонарушения [5]:

1. Имело ли место нарушение со стороны ответчика (единоличного исполнительного органа) вмененных ему обязанностей, в чем конкретно оно выразилось в конкретном деле;
2. Какова сумма имущественного ущерба для корпорации;
3. Имеется ли причинно-следственная связь между указанными нарушениями и наступившими невыгодными для корпорации последствиями.

Следовательно, отсутствие хотя бы одного из вышеназванных элементов ведет к отказу в удовлетворении иска о привлечении лица к ответственности.

Переломным моментом в правоприменительной практике стало издание в Постановлением Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее Постановление № 62). Пленум определил конкретный перечень случаев, когда действия лица могут быть признаны неразумными или недобросовестными, а также границы привлечения данного лица к ответственности [4].

Обязанность единоличного исполнительного органа действовать в интересах корпорации добросовестно и разумно в науке зачастую называют фидуциарной обязанностью. Под самими фидуциарными отношениями, известными еще в архаическом периоде римского права, понимаются отношения, основанные на личном доверии, в которых одна сторона доверяет

другой стороне действовать в своих интересах и наделяет её определённым объёмом прав, а другая сторона реализует эти права в интересах первой стороны.

Для более детального анализа разберем предъявляемые к директору уровни разумности и добросовестности, а также определить стандарт поведения данных оценочных категорий.

Обязанность единоличного исполнительного органа действовать разумно определяет стандарт поведения лица с довольно низкой планкой [9]. В судебной практике достаточно редко встречаются решения об удовлетворении иска о привлечении только за нарушение разумности в поведении.

Также сами по себе негативные последствия, наступившие для корпорации, не свидетельствуют о недобросовестности или неразумности в действиях единоличного исполнительного органа, так как возможность их возникновения обусловлена сущностью предпринимательской деятельности, основанной на риске, что подтверждается и Постановлением № 62.

Целью правосудия в данных спорах является обеспечения защиты прав учредителей или самого юридического лица, а не проверка экономической целесообразности решений единоличного исполнительного органа. В противном случае мы привлекаем судей к дополнительной, несвойственной им работе, а директоров, которые будут всячески избегать рискованных капиталовложений, лишаем возможности свободно принимать экономически выгодные решения, что, в конечном счете, может нанести урон всей предпринимательской среде. Именно поэтому, директор не будет привлечен к ответственности за свои действия, повлекшие убытки, если они не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска.

Пункт 3, Постановления № 62 называет три обстоятельства, при которых возможно привлекать единоличного исполнительного органа к ответственности за неразумность поведения [4]:

1. Принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации.

То есть в данной ситуации единоличный исполнительный орган уже обладал необходимой информацией, важной для принятия решения, но проигнорировал её и совершил действие, повлекшее убытки для корпорации.

2. До принятия решения не предпринял действий, направленных на получение необходимой и достаточной для его при-

нения информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах, в частности, если доказано, что при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации.

В отличие от первой ситуации, в которой единоличный исполнительный орган корпорации «знал», во втором случае он «должен был знать» информацию, необходимую для совершения экономически выгодной для юридического лица сделки. Для привлечения единоличного исполнительного органа к ответственности по данному основанию суды обычно находятся в тяжелом положении, так как зачастую они переоценивают необходимость коммерческой обоснованности конкретной сделки, совершенной в иной, более ранней экономической обстановке.

3. Совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т. п.).

Привлечение единоличного исполнительного органа к ответственности за нарушение обязанности действовать разумно по этому основанию возможно лишь тогда, когда директор по тем или иным основаниям не соблюдал установленную в корпорации процедуры совершения сделки, но при этом в его действиях отсутствовала недобросовестность, то есть конфликт интересов корпорации и личных корыстных целей. В противном случае, если конфликт имеет место быть, то директор будет привлечен уже за нарушение обязанности действовать добросовестно, установленной подпунктом 3 пункта 2 Постановления № 62.

В таких случаях различаются и формы вины нарушителя. При отсутствии конфликта интересов, то есть недобросовестности можно говорить о небрежности единоличного исполнительного органа. Однако в данном случае все равно нарушается обязанность действовать разумно, которая предполагает изучение внутренних документов корпорации и дальнейшее соблюдение установленных для совершения сделок процедур.

В ситуации, в которой единоличный исполнительный орган подменяет интерес юридического лица своим собственным (конфликт интересов), предполагается, что директор намеренно нарушает внутреннюю процедуру совершения сделок, то есть действует умышленно, что является нарушением обязанности действовать добросовестно.

Обязанность единоличного исполнительного органа действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно установлена п. 3 ст. 53 ГК РФ. Причем в большинстве споров речь идет не об общегражданском принципе добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ), а о добросовестности в её узком понимании, которое можно обозначить как запрет конфликта интересов.

Изменения произошли после выхода Постановления № 62, который перечислил ряд случаев, когда недобросовестность единоличного исполнительного органа считается доказанной. К добросовестности в узком понимании (конфликт интересов) добавился ряд неоднозначных ситуаций, в которых от единоличного исполнительного органа требуется соблюдения добросовестности в широком, общегражданском смысле.

Так, подпункт 1 пункта 2 Постановления № 62 указывает на самый часто встречаемый случай недобросовестности, выраженный в конфликте между личными интересами единоличного исполнительного органа и интересами юридического лица.

Наиболее распространённым примером в судебно-арбитражной практике будут случаи установления или повышения единоличным исполнительным органом корпорации самому себе заработной платы или иных вознаграждений, выплачиваемых от имени юридического лица. В данном случае можно говорить о недобросовестности единоличного исполнительного органа, так как он принимает решение, продиктованное личными имущественными интересами, а не интересами юридического лица.

Вторым элементом состава рассматриваемого правонарушения является убытки, показывающие сам факт возникновения негативных имущественных последствий у юридического лица от действий единоличного исполнительного органа. Под убытками в данных спорах понимается общегражданское понятие убыткам (п. 2 ст. 15 ГК РФ), включающее в себя как реальных ущерб, так и упущенную выгоду [1].

Прогрессивные изменения и в этом вопросе внесло Постановление № 62, в котором в абзаце 2 пункта 6 фактически установлен запрет на отказ в удовлетворении иска только по причине невозможности определения с разумной степенью достоверности этих убытков. В таких случаях размер ущерба определяется судом с учетом фактических обстоятельств дела,

опираясь на принципы справедливости и соразмерности ответственности.

После таких изменений арбитражные суды стали активно удовлетворять иски, в которых невозможно было точно определить размер ущерба.

Доказательством положительного эффекта для правоприменительной практики данной правовой позиции ВАС РФ является её появление в п. 5 ст. 393 ГК РФ, введенном законодателем в 2015 году.

Анализируя судебные решения окружных арбитражных судов (кассационных инстанций), можно выделить наиболее часто встречаемые случаи причинения ущерба [7]:

1. Продажа имущества корпорации по заниженной цене, где убытки составят разницу между рыночной ценой имущества и ценой отчуждения;

2. Сдача имущества в аренду по заниженной стоимости, в которой убытки также будут равны разнице цен;

3. Оплата выполненных работ (услуг) с завышением их реальной стоимости, когда разница между выплаченной суммой и действительной стоимостью образуют убытки;

4. Убытки в виде расходов на получение новой лицензии, если будет установлен факт, что ранее директор необоснованно отказался от аналогичной лицензии;

5. Убытки в виде сумм заработных плат и иные выплаты, необоснованно назначенных и выплаченных единоличным исполнительным органом самому себе;

6. Переплата по НДС, если у корпорации не было обязанности по выплате соответствующих сумм.

Причинно-следственная связь является третьим, заключительным элементом данного корпоративного правонарушения. Её установление является необходимым условием для привлечения единоличного исполнительного органа корпорации к ответственности.

Бремя доказывания её наличия, как и предыдущих элементов правонарушения, лежит непосредственно на истце. В свою очередь директор вправе указывать на иную причину возникновения у корпорации ущерба.

Анализируя судебные решения кассационных инстанций арбитражных судов, можно следующий ряд правовых позиций [7]:

1. Сама по себе задолженность на балансе корпорации не

говорит о наличии причинно-следственной связи в подобных ситуациях.

2. Увеличение расходов за определенный период в сравнении с предыдущим периодом, также не может автоматически предполагать наличие причинно-следственной связи;

3. Если из представленных истцом документов невозможно точно определить время утраты имущества и наступления убытков для корпорации, то есть неизвестно произошло ли это в период работы данного единоличного исполнительного органа или нет, следовательно, нельзя в данных ситуациях говорить о наличии причинно-следственной связи.

Из анализа судебных материалов можно сделать следующий вывод: вопрос установления причинно-следственной связи является отдельным полноценным предметом для рассмотрения и доказывания. В большинстве случаев суды удовлетворяют в иске о возмещении убытков при наличии строго прямой причинно-следственной связи между неправомерным действием (бездействием) единоличного исполнительного органа и наступившим размером ущерба для корпорации.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: ответственность единоличного исполнительного органа перед корпорацией действительно занимает ключевое место во всем институте корпоративной ответственности. Состав корпоративного правонарушения, предусмотренный за нарушение единоличным исполнительным органом обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно, имеет три обязательных для установления элементов. Сложность, заключающаяся в установлении наличия нарушения обязанности действовать разумно и добросовестно, Пленум ВАС в Постановлении № 62 постарался искоренить, указав наиболее часто встречаемые в судебно-арбитражной практике случаи нарушения единоличным исполнительным органом вмененных ему обязанностей. Однако и по сей день наиболее противоречивым и неопределённым является вопрос определения стандарта разумности и добросовестности в поведении единоличного исполнительного органа.

Для детального рассмотрения ответственности единоличного исполнительного органа перед корпорацией необходимо подробнее остановится на следующих аспектах: право на иск, подведомственность и исчисление срока исковой давности.

Ранее был отмечен, круг субъектов, которых возможно привлечь к ответственности за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно, обобщенных одним словом – единоличный исполнительный орган.

В науке гражданского права принято выделять два вида исков: прямой, где истец заявляет свои требования и в случае их удовлетворения получает присуждение в свою пользу с ответчика, и косвенный, где лицо, обращающееся в суд, действует в интересах корпорации, а потому и в случае удовлетворения требований возмещение убытков происходит в пользу юридического лица [8].

Иск о привлечение единоличного исполнительного органа к ответственности может быть как прямым, так и косвенным, однако проводя анализ судебной-арбитражной практики, можно сделать вывод, что в преобладающем большинстве случаев иск о привлечение единоличного исполнительного органа к ответственности является косвенным, так как подается именно участником корпорации, а не самим юридическим лицом.

Так как изначально право подачи такого иска принадлежит именно юридическому лицу, то и его удовлетворение о возмещении убытков возможно только в пользу юридического лица [6]. Требование о возмещении единоличным исполнительным органом убытков перед другим участником корпорации подлежит отклонению, если вообще имеет право на свое существование.

Таким образом, иск к директору о возмещении убытков – это иск, который в случае своего удовлетворения предполагает выплату денежных сумм, равных размеру убытков в пользу корпорации.

К искам о взыскании убытков с единоличного исполнительного органа корпорации применяются общие правила об исковой давности. Таким образом, к таким искам установлен трехлетний срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Наибольшую сложность в данных спорах вызывает вопрос о начале течения срока исковой давности. Момент, с которого лицо узнало или должно было узнать о нарушении, будет разным в зависимости оттого, кто является истцом в деле (участник корпорации или само юридическое лицо).

Можно выделить три варианта начала течения срока исковой давности [7]:

1. Если иск подается участником корпорации, то есть является косвенным, то начало течения срока определяется моментом, когда такой участник узнал или должен был узнать о нарушении со стороны единоличного исполнительного органа;

2. Если иск подается участником корпорации, который не являлся участником в момент, когда директор допустил нарушение, то течение исковой давности по его требованию начинается со дня, когда о нарушении со стороны единоличного исполнительного органа узнал или должен был узнать правопродшественник такого участника корпорации, согласно ст. 201 ГК РФ.

3. Если иск подается самим юридическим лицом, то срок исковой давности, согласно абзацу 2 пункта 10 Постановления № 62, исчисляется не с момента нарушения, а с момента, когда юридическое лицо, например, в лице нового единоличного исполнительного органа, получило реальную возможность узнать о нарушении, либо когда о нарушении узнал или должен был узнать контролирующий участник, имевший возможность прекратить полномочия единоличного исполнительного органа, за исключением случая, когда он был аффилирован с указанным единоличным исполнительным органом [4].

Таким образом, в вопросе исковой давности в иске о взыскании убытков с единоличного исполнительного органа корпорации ключевую роль играет момент, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении, которое в свою очередь напрямую зависит оттого, кто является истцом в корпоративном споре.

Подводя итог вышесказанному можно сказать, что ответственность единоличного исполнительного органа за нарушение обязанности действовать разумно и добросовестно стала ключевой в корпоративном праве. Буквально за несколько лет практика взыскания убытков с единоличного исполнительного органа из довольно редкого примера превратился в один из лидирующих и ключевых видов корпоративных споров. После принятия Постановления № 62 выросло общее количество дел о привлечении единоличного исполнительного органа к ответственности. При этом преобладающее большинство исков направлено именно к единоличному исполнительному органу корпорации.

В завершении следует отметить, что в данной статье была рассмотрена лишь часть проблем и вопросов юридической ответственности единоличного исполнительного органа в кор-

поративном праве. Данный институт активно развивается, и многие вопросы были решены вместе с Постановления № 62 Пленума ВАС РФ. Однако юридическая ответственность в корпоративном праве является многогранной и требует постоянного научного анализа, поскольку законодательство в данной области не совершенно и требует дальнейшего развития.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

2. Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

3. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

5. Гутников, О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. Том 14. 2014. № 6.

6. Ерохова, М.А. Процессуальные особенности корпоративных споров в российском праве: коллективные и косвенные иски // Акционерное общество: Вопросы корпоративного управления. 2016. № 11.

7. Корчагин, М.А. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки // Вопросы российской юстиции, 2020. №9

8. Минина, И.А. Частноправовое регулирование корпоративной ответственности // «Адвокат», 2009. №11

9. Степанов, Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. 29 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Д. С. Авсанов

**УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ
К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ**

В статье рассматриваются некоторые особенности уголовных наказаний для несовершеннолетних в странах континентальной правовой системы, в частности возраст уголовной ответственности, а также отдельные виды назначаемых им наказаний.

Ключевые слова: порицание, лишение прав, штраф, ограничение свободы, общественные работы, арест, лишение свободы, заключение.

Правовые системы большинства стран Европы развивались под влиянием римского права, что и предопределило сходство главных черт их государственных правовых систем. Отправной точкой формирования континентальной правовой системы считается Кодекс Наполеона, принятый во Франции в 1810 году. Данный нормативный акт содержал большой объем уголовных наказаний, которые были разбиты на невыносимые и стыдящие (смерть, каторжные работы, депортация, смирительный дом), бесславящие (выставление у зазорного столба, изгнание), исправительные (временное лишение политических, гражданских и семейных прав, штраф) [1]. Кодекс 1810 года устанавливал возраст уголовной ответственности – шестнадцать лет. Лица младше этого возраста могли быть привлечены к уголовной ответственности только тогда, когда трибунал приходил к выводу, что он «действовал со смыслом» [1].

Вторым государством, которое можно именовать родиной континентальной системы права, является Германия. Тут развитие государственного уголовного права началось с принятия Уголовного уложения 1871 г. – первого нормативного акта в уголовно-правовой сфере, действовавшего на местности

Германии. Уголовное уложение содержало несколько иные, в сравнении с французским законодательством, положения об уголовной ответственности несовершеннолетних. Оно устанавливало минимальный возраст вербования к уголовной ответственности – двенадцать лет. В строгом соответствии с 55 Уложения 1871 г., не достигшие обозначенного возраста лица не подлежали уголовной ответственности и им не могло быть назначено уголовное наказание [2].

Позднее уголовное законодательство европейских государств в вопросах установления возраста уголовной ответственности в основном базировалось на имеющемся опыте Франции и Германии. В настоящее время в законодательстве европейских стран возраст уголовной ответственности в основном определен, при в Швейцарии – это 7 лет (ст. 82 УК Швейцарии), в Сан-Марино и Голландии – 12 лет (ст. 10 УК Сан-Марино, ст. 77а УК Голландии), Франции – 13 лет (ст. 122-8 УК Франции), в Болгарии – 14 лет (ч. 2 ст. 31 УК Болгарии), в Дании, Швеции, Норвегии и Польше – 15 лет (ст. 15 УК Дании, ст. 6 главы 1 УК Швеции, ст. 46 УК Норвегии, ст. 10 УК Польши) [3].

Уголовный кодекс Голландии подразделяет несовершеннолетних на две группы. На лиц в возрасте от 12 до 16 лет распространяется действие специальных норм об ответственности несовершеннолетних, в отношении лиц от 16 до 18 лет судья, исследовав обстоятельства дела и данные о личности виновного, вправе принять решение о неприменении специальных норм и назначении наказания на общих основаниях.

Статья 10 Уголовного кодекса Польши также делит несовершеннолетних на пару группы лиц от пятнадцати до семнадцати лет и от семнадцати до восемнадцати лет. При этом, если вторая группа несовершеннолетних несет ответственность наравне со взрослыми, то для лиц от 15 до 17 лет, в соответствии с § 3 ст. 10 Уголовного кодекса Польши, наказание не может превышать две трети от верхнего предела санкции за совершенное преступление.

Отметим, что Уголовный кодекс Австрии не содержит никаких указаний на особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, лишь предусматривает, что в соответствии с п. 1 ч. 1 § 34 Уголовного кодекса Австрии, совершение лицом преступления «в возрасте от 19 лет до 21 года или находясь под влиянием аномального психического состояния, если оно пло-

хо понимает сущность происходящего, или если оно является запущенным с точки зрения его воспитания», считается особым смягчающим обстоятельством [4].

Особенности в рамках института уголовной ответственности в уголовном законодательстве зарубежных стран континентальной системы права установлены и в видах наказаний, которые могут быть применены к указанной категории лиц.

Так, например, штраф применяется к несовершеннолетним во всех этих странах, кроме Болгарии. Подходы к его назначению разные. Так в Норвегии конкретный размер штрафа не установлен, но в абз. 1 § 27 УК Норвегии имеется указание на необходимость учитывать характер преступления и финансовое положение осужденного. В Голландии и Сан-Марино предусмотрен штраф в твердой денежной сумме: в Голландии – в размере – 5000 гульденов (ч. 1 ст. 771 УК Голландии), а в Сан-Марино – в размере 201000-3000000 лир (ст. 84 УК Сан-Марино). Поскольку штраф установлен не в степенях, это позволяет сделать вывод о том, что несовершеннолетним он назначается без учета правила об обязательном понижении степени наказания.

В законодательстве ряда стран содержится такой вид наказания как лишение прав – аналог содержащегося в российском УК лишения права заниматься определенной деятельностью или занимать определенную должность. В него включается различный объем ограничений, но они сводятся – как и в российском праве – к лишению виновного определенных прав. В Болгарии этот вид наказания формулируется как лишение права заниматься определенной деятельностью. Для несовершеннолетних никаких особенных ограничений не предусмотрено, из чего делается вывод, что срок наказания соответствует сроку лишения права заниматься определенной деятельностью, применяемого к совершеннолетнему лицу – до трех лет (ч. 1 ст. 49 УК Республики Болгария). УК Норвегии тоже содержит норму, предусматривающую наказание в виде снятия с официальной должности или утраты права занимать должность или осуществлять деятельность или работу до пяти лет или навсегда.

Среди видов наказаний, которые в науке уголовного права именуются реальными ввиду связанности с пребыванием лица в определенных учреждениях, в разной степени ограничивающих свободу выбора места нахождения, распорядка дня, общения и иных возможностей, присутствуют такие как лишение

свободы, заключение, арест, ограничение свободы. В российском уголовном законодательстве, эти виды наказаний, за исключением заключения, также предусмотрены.

Что касается лишения свободы несовершеннолетних, то оно содержится в уголовных кодексах Сан-Марино, Польши, Австрии, Норвегии, Болгарии.

Австрийское уголовное законодательство устанавливает, что лишение свободы назначается на срок до 20 лет; вместе с тем, лицам, совершившим преступление в возрасте до двадцати лет, указанное наказание не может быть назначено пожизненно, а если соответствующая статья не предусматривает альтернативных санкций, оно заменяется на лишение свободы сроком от 10 до 20 лет (§ 36 УК Австрии).

Согласно ст. 37 УК Польши лишение свободы назначается на срок от 1 месяца до 15 лет. Несовершеннолетним пожизненное лишение свободы не назначается.

В соответствии с п. «а» абз. 1 § 17 УК Норвегии лишение свободы назначается на срок от 14 дней до 15 лет, в отдельных случаях – до 20 лет.

Статья 81 УК Сан-Марино предусматривает, что наказание в виде тюремного заключения (лишения свободы) может быть назначено несовершеннолетнему на срок от 3-х месяцев до 24-х лет.

Отметим, что в УК Голландии предусматривает возможность применения в отношении несовершеннолетних заключения. Согласно ст. 18 УК Голландии заключение назначается на срок от одного дня до одного года, и даже в случае увеличения срока по совокупности преступлений или по другим основаниям срок указанного наказания не может превышать одного года четырех месяцев. В статье же 77i названного закона указано: срок заключения для лиц, не достигших шестнадцати лет, составляет от одного дня до двенадцати месяцев, а для лиц от шестнадцати до восемнадцати лет – от одного дня до двадцати четырех месяцев.

Такой вид наказания как арест предусмотрен УК Норвегии и УК Сан-Марино, при этом нет конкретных сроков, на которые он назначается.

Уголовное наказание в виде ограничения свободы предусмотрено уголовным кодексом только одной страны – Польши. Статьи 34, 35 УК Польши указывают, что ограничение свободы

назначается на срок от одного до двенадцати месяцев. Таким образом, по объему ограничений данное наказание представляет собой нечто среднее между ограничением свободы и исправительными работами по российскому законодательству.

УК Норвегии предусматривает такое наказание, как общественные работы. Этот вид уголовного наказания назначается в размере от тридцати до четырехсот двадцати часов. Общественные работы предусмотрены также УК Голландии, но здесь они имеют другой характер. Вместо основного наказания несовершеннолетнему могут быть назначены альтернативные санкции: общественные работы, работа, способствующая возмещению ущерба, причиненного в результате уголовного правонарушения, а также посещение обучающей программы.

В нескольких странах континентальной Европы существует также такое наказание, как общественное или судебное порицание. Согласно ст. 52 УК Болгарии общественное порицание это публичное порицание виновного, которое объявляется перед соответствующим коллективом, через печать или иным подходящим способом.

Отдельно стоит остановиться на системе уголовных наказаний для несовершеннолетних в Германии. Здесь возраст уголовной ответственности составляет четырнадцать лет. Однако, лицам в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет уголовное наказание не назначается, а применяются меры воспитательного воздействия. В Германии предусмотрена сложная система санкций, применяемых в ювенальном уголовном праве, которая включает в себя: 1) меры; 2) воспитательные меры; 3) принудительные средства и 4) наказание. При этом наказание в отношении несовершеннолетних рассматривается как крайняя мера. В пользу такого вывода свидетельствует § 17 Закона об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних: лишение свободы к ним применяется, «если вследствие вредных склонностей подростка, проявившихся в деянии, меры воспитательного характера, или средства надзора недостаточны для перевоспитания, или лишение свободы необходимо вследствие тяжести вины» [5].

Таким образом, во многих странах континентальной правовой системы установлен неоправданно заниженный возраст уголовной ответственности и прослеживается тенденция к снижению срока и размера наказания для несовершеннолетних.

Среди видов уголовных наказаний для несовершеннолетних стран континентальной правовой системы предусмотрены: общественное порицание, судебное порицание, наказания, связанные с лишением осужденного прав штраф, различные виды конфискации имущества, запрет на нахождение в определенных районах, ограничение свободы, общественные работы, арест и сходные с ним заключение и содержание под стражей, лишение свободы, тюремное заключение.

Несмотря на то, что в каждой отдельно взятой стране спектр существующих наказаний достаточно узок, при совокупном рассмотрении уголовного законодательства стран континентальной правовой системы вырисовывается довольно значительное количество уголовных наказаний. Это оставляет возможность заимствования зарубежного опыта для совершенствования собственного законодательства в контексте системы наказаний для несовершеннолетних.

Примечания:

1. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; под редакцией А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 285 с.

2. Серебренникова, А. В. Уголовное право Германии: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А. В. Серебренникова. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 124 с.

3. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; под редакцией А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 285 с.

4. Уголовный кодекс Австрии. Юрид. центр Пресс Науч. ред. Б. В. Волженкин; Пер. с англ. И. В. Мироновой. 2001 г.

5. Серебренникова, А. В. Уголовное право Германии: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А. В. Серебренникова. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 124 с.

О СООТНОШЕНИИ ВИНЫ И ПРОЧИХ СМЕЖНЫХ С НЕЙ КАТЕГОРИЙ

В статье рассматривается соотношение понятий «вина» и «виновность»; характеризуются признаки, которые наиболее часто встречаются в определениях правонарушений – противоправность, виновность, общественная опасность. Авторами анализируется соотношение вины и субъективной стороны преступления, как самостоятельных, но тесно связанных между собой, явлений: вина, мотивы, цель и эмоции, значимость мотивов и цели для субъективной стороны правонарушения.

Ключевые слова: виновность, вина, противоправность, общественная опасность, субъективная сторона преступления, признаки правонарушений.

Для целей определения вины в праве существует ряд понятий, содержание которых наиболее близко по смыслу к категории вины. Во-первых, это термин «виновность». Очень часто в научной литературе термины «вина» и «виновность» отождествляются между собой. Попробуем определить, как соотносятся между собой данные юридические понятия, активно применяемые в теории права, а также отраслевыми науками. Первый подход к соотношению понятий вины и виновности заключается в отождествлении данных терминов. Некоторые ученые в своих исследованиях, посвященных институту вины, вообще не рассматривают отдельно от вины термин «виновность». Их взгляды на тождественность вины и виновности подтверждаются тем, что слово «виновность», как правило, стоит в скобках, после слова «вина».

Однако большинство авторов не считают вину и виновность тождественными категориями, вкладывая в них различный по содержанию смысл, – при этом термин «виновность» значительно шире по содержанию, и соотносится с «виной» как общее с частным, – включают в содержание термина помимо вины: «объективные обстоятельства»; «оценку противоправности и общественной опасности действия (бездействия)» [4]; а также «признание этого отношения достаточным для назначения наказания».

Можно говорить о том, что фактически в рамках данного

подхода наличие виновности означает наличие состава правонарушения, тогда как вина – признак субъективной стороны. В рамках следующего подхода ученые признают виновность как принцип юридической ответственности, согласно которому для привлечения к ответственности обязательно требуется установить вину субъекта.

Встречаются точки зрения, как правило, в уголовном праве, что виновность: характеризует состояние доказанности вины субъекта; определяет качественное динамическое состояние вины определенного субъекта к определенному деянию [2]; является признаком объективной стороны правонарушения, который характеризует психическое отношение к содеянному и подлежит доказыванию.

В юридической науке вопрос соотношения понятий «вина» и «виновность» по-прежнему носит дискуссионный характер, до сих пор не выработано единого мнения по этой проблеме, что, на наш взгляд затрудняет возможности категориального аппарата в теории права по выработке дефиниций. Обобщая рассмотренные точки зрения, выскажем собственное мнение по данному вопросу.

Во-первых, считаем, что термин «виновность»: а) не тождествен «вине»; б) использование его в праве обусловлено необходимостью доказывания вины; в) его не следует включать в объективную сторону правонарушения, так как в той или иной мере подлежит доказыванию; она связана с психическим состоянием и отношением к содеянному субъекта. Во-вторых, отметим, что для признания виновности субъекта необходимы: факт совершения деяния, отвечающее юридическим критериям правонарушения; наличие субъекта, отвечающего юридическим критериям правонарушителя; должна быть определена форма вины; дана отрицательная оценка деянию юрисдикционным органом; вынесено и вступило в силу решение о привлечении к ответственности.

С учетом вышесказанного, можно определить, что виновность представляет собой доказанную вину физического или юридического лица в форме умысла или неосторожности, получившую отрицательную оценку со стороны государства. Отметим, что актуальность определения виновности и отграничения ее от вины связана также еще и с появлением в России института присяжных, назначение которого как раз и заключается в

определении виновности подсудимого. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 339) определяет круг вопросов, которые обязаны разрешить присяжные: «...1) доказано ли, что деяние имело место; 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния».

В этом случае оправдательный вердикт присяжных о невиновности подсудимого означает ли отсутствие состава преступления и вины? Видимо, нет, иначе бы было невозможно отменить подобное решение. Однако на практике подобные оправдательные решения отменяли часто при пересмотре [5].

Применительно к институту присяжных в науке разработан подход к определению виновности как наказания за нарушение нравственных норм. То есть вердикт суда присяжных основан на представлениях присяжных о добре и зле, они не обладают специальными правовыми познаниями и оценивают вину субъекта с точки зрения социальной вредности содеянного. Отличие подхода к вине и виновности здесь заключается в признании природы вины не только правовой, но и социальной, и присяжные оценивают вину субъекта не с правовой точки зрения. Для построения общетеоретической модели категории вины необходимо также проанализировать, как соотносится понятие «вины» с терминами «правонарушение», «состав правонарушения», «субъективная сторона правонарушения», определить, чем отличается вина от принципа вины.

В теории права существует огромное количество схожих между собой определений правонарушений, большинство из которых исходит из универсальных признаков. Поэтому предлагаем исходить из признаков, которые наиболее часто встречаются в определениях правонарушений, а именно: противоправность, виновность, общественная опасность, а также обязательное осуждение со стороны государства в виде привлечения к ответственности. Все правонарушения обладают противоправностью, но наличие общественной опасности правонарушения традиционно признается только за преступлениями. Считаем, что общественной опасностью (пусть в меньшей степени, иногда даже значительно меньшей) обладают все правонарушения, независимо от их отраслевой природы. Вина в правонарушении реализована через понятие виновности, о котором только что писали, поэтому можно говорить о том, что правонарушение и вина неразрывно связаны, что подтвержда-

ется в конструкции состава правонарушения, включающего в себя традиционно четыре элемента – объект, субъект, объективную и субъективную стороны.

Данная конструкция признается большинством ученых, как в теории права, так в различных отраслях (конституционном, административном, финансовом, налоговом, гражданском, трудовом, семейном и др. праве) И все, без исключения, конструкции состава правонарушения предполагают наличие вины как обязательного признака субъективной стороны. Позиции ученых придерживается и Конституционный Суд РФ, который отметил, что «...наличие состава правонарушения является, необходимым основанием для всех видов юридической ответственности...» [1].

Признавая вину как обязательный признак субъективной стороны правонарушения, ученые спорят о соотношении вины и субъективной стороны. Отдельные авторы, толкуя расширительно понятие самой вины (включая в нее мотив, цель), отождествляют вину с субъективной стороной правонарушения. Иные ученые вообще соотносят понятие вины с самим правонарушением, включая в вину не только субъективную стороны, но и элементы объективной стороны состава правонарушения.

Мы придерживаемся позиции, согласно которой субъективная сторона любого правонарушения включает в себя как самостоятельные, но тесно связанные между собой, явления: вину, мотивы, цель и эмоции. Таким образом, будучи основным и наиболее значимым элементом субъективной стороны, вина отграничена от мотивов, цели и эмоций. Последние влияют на содержание и степень вины, однако не входят в ее понятие. Мотив и цель психологически тесно увязаны друг с другом.

Ученые-психологи под мотивом подразумевали исходную побудительную причину для активизации человеческой деятельности, однако, у них возникали при этом затруднения по поводу выявления факторов, способных выступить в качестве таких побудительных причин. Например, часть ученых считает достаточным и необходимым наличие одного фактора – потребностей, переживаемых субъектом в виде желания или влечения.

Другие расширяют этот перечень, включая сюда и иные факторы, например, чувства, эмоции, интересы, приводя в качестве примера несовершеннолетних, которые зачастую могут совершить преступление «из интереса» (например, угнать

мотоцикл, чтобы посмотреть на него поближе, «пощупать»). Категория цели в психологии достаточно активно и полно исследовалась, и в настоящее время ее принято определять как желаемое будущее, к которому стремится индивид путем осуществления определенной деятельности. Как видим, здесь можно выделить два значимых момента – образ желательного будущего и активное стремление к нему в виде деятельности. Одного желания, совершить противоправное действие и получить желаемый результат, явно недостаточно, поэтому обязательно «активное» стремление, то есть волевое усилие, иначе мотив и цель останутся в виде нереализованного желания в сознании субъекта.

Отметим, что в процессе совершения противоправного деяния мотив и цель существуют в динамике – могут отклоняться от первоначально возникших. Например, задумав всего лишь совершить ограбление, преступник, увидев, что жертва молода и красива, изнасиловал ее. Таким образом, в наличии куча мотивов и различных целей, однако, реализованы они могут не в полном объеме, и не все они будут учитываться при определении субъективной стороны правонарушения.

Есть мнение некоторых авторов, согласно которому и в неосторожно совершенных правонарушениях можно вычленить определенные мотивы и цель, реализуемые в виде поведения, несовместимого с надлежащим исполнением обязанностей (отсутствует должная внимательность, осторожность и т. п.) и не распространяющие свое действие на последствие деяния, то есть эти последствия выступают лишь побочным «продуктом» от основной цели субъекта («вторичное последствие» для индивидуума), характеризующей отрицательным отношением к правилам поведения [3].

Подобная трактовка входит в противоречие с законодательно определенными формами вины и их содержанием. Кроме того, зачастую мотивы и цели выходят за пределы содержания субъективной стороны в неосторожных правонарушениях. Более того, они могут носить положительный характер. Так, например, человек перебежал дорогу в неполюженном месте, потому что торопился на деловую встречу. Здесь присутствует с социальной точки зрения положительные мотив и цель, которые никак не могут повлиять на субъективную сторону правонарушения. А возможное наступление вредных последствий де-

яния самому субъекту абсолютно ненужно, тем более, что при наступлении этих последствий цели он достигнуть не сможет. В.А. Нерсесян в отношении неосторожных преступлений высказался однозначно: «...ссылка на мотив и цель преступления недопустима...».

Действительно, для решения вопроса о наличии либо отсутствии вины мотивы и цели значения не имеют, важнее определить степень осознания субъектом противоправности своего деяния и наличие свободного волеизъявления при совершении этого деяния. Примечательно, что в определённые периоды времени в нашей стране законодатель часто придавал идеологическую окраску мотивам, закрепляя их в качестве квалифицирующего признака. Например, так называемая спекуляция, являющаяся в настоящее время легальной предпринимательской деятельностью, в которой ключевым признаком выступали цели наживы (а в настоящее время законная цель предпринимательской деятельности – получение прибыли). Или достаточно вспомнить более ранний период, где наличие антисоветских целей усугубляли наказание за преступление в разы. В современный период времени нормативно закреплены, как правило, мотивы преступлений, например, «низменные побуждения», «корысть», «личный интерес», «месть» и т. д.

Однако в правоприменительной практике выявляются проблемы, связанные с расплывчатостью определения их содержания, четкого толкования подобных мотивов до сих пор нет. И нельзя забывать о том, что зачастую в правонарушениях побудительные причины (мотивы) могут отличаться сложностью и многообразием, поэтому подобные юридические формулировки не раскрывают все мотивы, присутствующие у субъекта на момент совершения деяния.

Все вышесказанное подводит нас к следующим выводам.

1) Мотив и цель на самостоятельной основе, наряду с виной, входят в структуру субъективной стороны правонарушения.

2) Мотив и цель, в отличие от вины, в правонарушении присутствуют не всегда (или хотя бы их наличие не имеет значения для выявления субъективной стороны).

3) Мотивы и цели могут носить положительный с точки зрения социума «окрас», однако, юридического значения это иметь не будет.

Следует отметить значимость мотивов и цели для субъек-

тивной стороны правонарушения: косвенно, наличие мотива и цели подтверждает наличие вины субъекта в правонарушении. Более того, их значение, как самостоятельных элементов, особенно важно для квалификации уголовных преступлений, где зачастую преступный характер деяния определяется именно в зависимости от наличия мотивов и цели; также они могут иметь значение при выявлении отягчающих и смягчающих обстоятельств в преступлении. Напомним, что помимо мотивов и цели, в структуру субъективной стороны правонарушения включают еще и эмоции. Отметим, что и эмоции ряд ученых предлагают относить к содержанию вины, хотя, на наш взгляд, для этого нет никаких оснований. В психологии эмоции и чувства, также, как и вина в виде осознания и волевого усилия, представляют собой форму отражения реальной действительности. Однако, в отличие от вины, здесь отражение происходит в переживаниях.

Восхищение, отвращение, равнодушие – подобные эмоции доступны не только людям, но и животным, однако, в отличие от последних, люди формируют свои эмоции под влиянием социума, личного опыта, своего сознания. С учетом индивидуальности опыта, сознания, а также потребностей каждого человека, можно говорить о том, что эмоции и чувства от восприятия одной и той же ситуации у разных людей (да и у одного и того же человека в разные периоды времени!) могут кардинально отличаться. При этом следует учитывать, что влияние эмоций на поведение и восприятие человека весьма значительно. Так, например, вполне здоровый человек, пребывая в определенном эмоциональном состоянии, может показать заниженные интеллектуальные возможности (снижение собранности, контроля), или, наоборот, сознание и воля человека под влиянием эмоций резко активизируются. Сила эмоций такова, что они могут выступать самостоятельной побудительной причиной совершения правонарушений. Наиболее яркие эмоциональные реакции вводят человека в состояние аффекта, имеющее юридическое значение для определения степени вины. Подробно для целей юридической науки исследованиями воздействия эмоций на сознательно-волевые процессы человека занимаются юридическая психология и криминология.

Важно отметить, что любые проявления эмоций аффективного типа при расследовании правонарушений требуют перво-

начально психолого-психиатрической оценки, и только потом могут быть учтены в юридической квалификации деяния. При определении формы вины выявления эмоций, как правило, не требуется, они имеют самостоятельное значение лишь в квалификации некоторых преступлений [3].

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, что вина и субъективная сторона правонарушения соотносятся как частное и общее. Вина, наряду с самостоятельными другими элементами (мотивы, цели, эмоции), входит в структуру субъективной стороны. Все вышеназванные элементы имеют самостоятельное значение, но, вина, в отличие от прочих, присутствует в субъективной стороне правонарушения всегда. Продолжая рассматривать юридические понятия, тем или иным образом переплетенные друг с другом, немного скажем и о соотношении вины и принципа вины. Их нельзя отождествлять между собой, хотя они и тесно взаимосвязаны. Согласно принципу вины к юридической ответственности могут привлекаться только те субъекты, чья вина установлена однозначно.

Подведя итоги соотношения вины и прочих смежных с ней категорий, отметим, что в праве существует значительное количество различных понятий, касающихся института вины. Все они призваны раскрывать те или иные аспекты различных юридических понятий, процессов, поэтому их можно определить как смежные.

Вина, виновность, принцип вины, субъективная сторона, мотивы, эмоции и цели – все это смежные, связанные между собой категории, существующие в рамках одного целевого назначения – привлечения к юридической ответственности в соответствии с конституционными принципами.

Примечания:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт – Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества

с ограниченной ответственностью [Электронный ресурс] // <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-sudarf-ot-27042001-n/> (дата обращения 20.10.2019 г.)

2. Гавриленков, С. А. Юридическое содержание вины и виновности в уголовном законе РФ // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 39-46.

3. Еникеев, М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии. М.: Норма, 2005. 639 с.

4. Мурадов, Э. С., Яни П. С. Вина, виновность, общественная опасность // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2007. № 1. С. 13-18.

5. Рябцева, Е. В. Суд присяжных в России: дискуссионные вопросы // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 57-60.

М. В. Барданова, С. Е. Бязров

ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ, СОПРЯЖЕННЫМ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В статье на основе отдельных судебных решений по делам, связанным с причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление, исследуются некоторые вопросы квалификации правомерного (неправомерного) причинения вреда гражданином при указанных обстоятельствах.

Ключевые слова: *неправомерное причинения вреда при задержании лица; правоохранительные органы; лицо, совершившее преступление, в пределах и основаниях применения уровней силового воздействия в ситуации задержания лица, совершившего преступление.*

Право на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление законом предоставлено всем гражданам безотносительно гражданские это лица или сотрудники правоохранительных органов. К сотрудникам правоохранительных органов в этой группе правоотношений предъявляется более строгая правовая регламентация их действий в ситуациях задержания преступника. 22 мая 2019 года Верховный Суд Российской Федерации обобщил практику применения судами положений главы 8 и статей 108 и 114 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] с 2015 по 2018 год. По данным Судебно-

го департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2015 году за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, по части 2 статьи 108 УК РФ в 2015 году было осуждено 5 лиц, в 2016 году – 2 лица, в 2017 году – 1 лицо (все – по основной квалификации), в 2018 году – 1 лицо (по дополнительной квалификации). В 2015 году за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, по части 2 статьи 114 УК РФ в 2015 году было осуждено 8 лиц, в 2016 году – 10 лиц, в 2017 году – 1 лицо, в 2018 году – 6 лиц (все – по основной квалификации)» [1].

Необходимо отметить, что единообразие и обоснованность применения вышеуказанных уголовно-правовых институтов стало возможным благодаря разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». Кроме того, регулирование отношений, связанных с причинением вреда жизни и здоровью получило разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

В пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» были рассмотрены вопросы применения положений Уголовного кодекса РФ о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление. В нем указывалось, что «положения уголовного закона, регламентирующие правомерное причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (статья 38 УК РФ), а также части 2 статьи 108 и части 2 статьи 114 УК РФ об ответственности за превышение допустимых при этом мер в судебной практике применяются редко» [1].

В данном постановлении указывалось на необходимость при расследовании такого рода происшествий обращать внимание на:

1) выяснение наличия самого обстоятельства задержания, а также факта превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

2) «установление и исследование факта того, что сотрудники правоохранительных органов или иные лица действовали в состоянии задержания лица, совершившего преступление, а причинение при этом вреда задерживаемому лицу имело вынужденный характер, обусловливаемый обстоятельствами его задержания» [1].

Так, по приговору Зеленоградского районного суда г. Москвы от 30 марта 2015 года был осужден гражданин Н. по пункту «а» части 3 статьи 286 УК РФ. Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что Н., занимая должность инспектора ДПС, находясь при исполнении своих должностных обязанностей, 14 февраля 2014 года примерно в 23 часа 53 минуты по указанию дежурного ОБ ДПС ГИБДД, в связи с поступившей от последнего информацией о вскрытии банкоматов, прибыл совместно с сотрудником ДПС П. в помещение дополнительного офиса ОАО «Сбербанк России», где находились С., Э. и Л. Данные лица были ими задержаны и по указанию Н. легли на пол. Затем в данное помещение прибыли сотрудники ДПС К-н и К-в, которые стали удерживать Л. и Э., а Н. подошел к С. с целью удержания рук последнего за спиной и в нарушение положений статьи 19 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», действуя умышленно, явно выходя за пределы своих полномочий, без надлежащих на то оснований применил насилие, выразившееся в нанесении ранее задержанному им и находившемуся на полу в положении лежа, не оказывающему сопротивления гражданину С. двух ударов ладонью в область затылочной части головы, от которых тот ударился лицом о пол. В результате С. были причинены физическая боль и телесные повреждения в виде закрытого перелома костей носа со смещением, повлекшие легкий вред здоровью.

Осужденный Н., не отрицая факта применения физической силы к потерпевшему С., утверждал, что, лежа на полу, задержанный С. стал подниматься на локти, поднимать голову и смотреть по сторонам, из чего он сделал вывод о том, что при определенных навыках С., руки которого на тот момент не были в наручниках, мог выхватить пистолет у него или у лежащего рядом Э. и применить оружие, при этом перед проведением за-

держания через стеклянные двери, ведущие в отделение банка, он увидел трех мужчин, стоящих у банкоматов и производящих какие-то действия. Один из мужчин сидел на корточках около банкомата, на поясе у него находилась кобура, из которой виднелась рукоятка пистолета. Рядом с ним стоял С., совершая действия с банкоматом и держа в руках большую пачку денежных купюр. Полагая, что жизни сотрудников полиции угрожает опасность, им была применена физическая сила к потерпевшему, после чего на задержанного были надеты наручники.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, рассмотрев дело по данной жалобе, исходя из доказательств, которые были исследованы в судебном заседании суда первой инстанции и видеозаписи, изученной в судебном заседании суда апелляционной инстанции, установила, что Н. проследовал в отделение «Сбербанка», основываясь на сообщении о совершаемом в нем преступлении. Прибыв по указанному адресу в темное время суток, Н. и П. обнаружили троих лиц, в отношении которых исходя из полученного сообщения, а также их поведения и внешнего вида у Н. имелись реальные основания считать, что ими совершается преступление. *Н. увидел, что у С. и Э. при себе имеются предметы, похожие на пистолеты, и определить, являются ли данные предметы огнестрельным или иным оружием, на тот момент Н. не мог, однако у него имелись реальные основания сделать вывод об опасности, которую могут представлять задержанные* (курсив наш), в том числе и С. Прибывшие изначально два сотрудника полиции не имели при себе достаточного количества спецсредств – наручников для применения ко всем троим задержанным. Поэтому действия Н., потребовавшего, чтобы данные лица легли на пол, и принявшего меры по удержанию С. до прибытия помощи со стороны иных экипажей сотрудников полиции, были правомерными.

При нанесении указанных ударов по затылку задержанного С., пытавшегося встать, Н. действовал с учетом создавшейся обстановки, которая давала основания полагать, что совершенно преступление и промедление в применении к С. силы, с учетом поведения последнего, создает непосредственную угрозу жизни и здоровью сотрудника полиции, о чем свидетельствовали место, время, количество задерживающих и задерживаемых лиц, вооруженность последних.

Анализируя показания всех допрошенных по делу лиц в совокупности с представленными письменными материалами по уголовному делу и со сведениями, зафиксированными на видеозаписи, приобщенной к материалам дела, **нельзя сделать вывод о том**, что Н. в рассматриваемой ситуации с учетом обстановки задержания совершил активные **действия, явно выходящие за пределы его полномочий**, и осознавал это.

Не установлено, что при применении силы в отношении С. умысел Н. был направлен на превышение должностных полномочий, на причинение потерпевшему физической боли либо вреда здоровью, поскольку Н. стремился своими действиями задержать С. и не допустить совершения им каких-либо противоправных деяний, в том числе в отношении прибывших сотрудников полиции. Н. считал С. лицом, совершающим преступление в составе группы вооруженных лиц.

Вывод суда первой инстанции об умышленном нанесении Н. двух ударов С. без наличия надлежащих оснований и за пределами полномочий был признан не соответствующим фактическим обстоятельствам дела. Также было указано, что суд надлежащим образом не исследовал и не дал оценки видеозаписи происшедших событий, которая является допустимым, относимым и достоверным доказательством по делу.

С учетом изложенных обстоятельств судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда пришла к выводу об отсутствии в действиях Н. состава преступления, предусмотренного пунктом «а» части 3 статьи 286 УК РФ, отменила обвинительный приговор [2] и прекратила уголовное дело на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ» [3].

По нашему мнению в данном случае судебные органы дали неправильную оценку допустимости причинения вреда в ситуации задержания преступника. Вместе с тем, указанный пример наглядно демонстрирует не только типичные ошибки в судебном рассмотрении данной категории дел, но и сложности, возникающие при квалификации. Для устранения обозначенных проблем, требуются детальные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по данной категории дел.

Не меньше сложностей возникает и в случаях причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление не сотрудником правоохранительных органов, но рядовым гражданином.

Так, «Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации установила: приговором Советского районного суда Кировской области от 11 апреля 2012 года Патрушев А. А. осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ к 8 годам лишению свободы в исправительной колонии строгого режима.

Определением кассационной и постановлением надзорной инстанции жалобы остались без удовлетворения, а приговор без изменения.

Патрушев А. А. был осужден за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью Н. опасного для жизни, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

Судебная коллегия установила: в надзорной жалобе адвокат Овчинникова Т. А. считает, что телесные повреждения, повлекшие смерть, были причинены Н. в целях задержания, поскольку тот незаконно проник в жилище Патрушева, но после вызова сотрудников полиции пытался убежать. Считает, что действия Патрушева А. А. должны были быть переквалифицированы на ч. 2 ст. 108 УК РФ как убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Проверив материалы уголовного дела, Судебная коллегия находит, что судебные решения подлежат изменению по следующим основаниям.

В силу требований ст. 38 УК РФ не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

Как следует из материалов дела 17 декабря 2011 года в период с 16 до 18 часов Патрушев совместно с Н. находились по

месту жительства, когда к ним в жилище путем взлома оконных рам незаконно проникли Д. и Н. По указанию Патрушева Н. вызвала сотрудников полиции, на предложение Патрушева покинуть дом, Д. и Н. начали провоцировать конфликт, Д. пытался нанести удар Патрушеву, последний вновь позвонил в полицию, выясняя о времени их выезда, на что получил предложение удерживать этих лиц, затем звонил еще дважды, сообщив, что бьет проникших в квартиру битой, и просил сотрудников полиции поторопиться.

Свидетель Л. подтвердил, что, являясь оперативным дежурным, принимал телефонные звонки от Н. и Патрушева и давал указание задержать этих людей до приезда полиции. При повторном звонке Патрушев сообщал, что бьет этих людей битой, на что он сказал ему, чтобы Патрушев оценивал свои действия, после чего Патрушев звонил еще раз, интересуясь, когда придут сотрудники полиции.

При оценке степени влияния таких обстоятельств на квалификацию действий осужденного Патрушева, суд пришел к выводу, что указание сотрудника полиции Л. о задержании проникших в квартиру лиц до приезда сотрудников полиции не является основанием для уменьшения объема ответственности Патрушева, поскольку сотрудники полиции на месте не находились и Патрушев должен был оценить такое указание самостоятельно, с точки зрения складывающейся ситуации. Кроме того, суд сослался на отсутствие нападения, неоднократное нанесение Патрушевым ударов, физическое превосходство Патрушева над Н. в момент причинения ему повреждений, безоружность потерпевшего и на отсутствие каких-либо телесных повреждений у самого осужденного.

Таким образом, мотивируя свои выводы, суд указал на обстоятельства, исключаяющие признаки необходимой обороны, но не дал оценку тому, что в соответствии с законодательным установлением задержание лица, совершившего преступление, может производиться и при отсутствии непосредственной опасности совершения задерживаемым лицом общественно опасного посягательства, когда задержание такого лица осуществляется с целью доставить его в органы власти и тем самым пресечь возможность совершения им новых преступлений.

Приведенные в приговоре доказательства свидетельствуют о том, что осужденный Патрушев А. А. применил насилие к

Н. с целью его задержания до приезда сотрудников полиции. Однако обстоятельства такого задержания указывают на несоответствие предпринятых Патрушевым мер, необходимых для задержания Н., характеру и степени общественной опасности совершенного Н. преступления, при которых Патрушев без необходимости причинил Н. явно чрезмерный, не вызванный обстановкой вред.

При таких данных Судебная коллегия считает необходимым переквалифицировать действия осужденного Патрушева с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 2 ст. 114 УК РФ, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление [3].

В рассмотренном примере следует обратить внимание не только *на вопросы ошибочной квалификации содеянного* судом первой и последующих инстанций, но и *на неправильную квалификацию действий подзащитного его адвокатом.*

В другом случае кассационное определение Верховного Суда РФ от 31.01.2012 № 80-О12–1 дело о покушении на убийство направлено на новое судебное рассмотрение, так как выводы суда, изложенные в приговоре, основаны на доказательствах, допустимость которых в полной мере не проверена, многие обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела, остались невыясненными.

Определением Верховного Суда РФ от 20.08.1996 кассационное определение о переквалификации преступления с ч. 2 ст. 108 УК РСФСР на ст. 106 УК РСФСР отменено как вынесенное без учета характера действий виновного. Так в Определении сказано, что «Сургутским городским судом Ханты-Мансийского автономного округа Б. осужден по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР.

Он признан виновным в том, что 7 марта 1995 г. около 23 час. после совместного распития спиртных напитков на квартире Ц. в состоянии алкогольного опьянения из личной неприязни умышленно нанес лежащему на диване М. несколько ударов кулаком в голову, причинив тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего.

Судебная коллегия по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа приговор изменила: действия Б. переквалифицировала на ст. 106 УК РСФСР.

Президиум суда Ханты-Мансийского автономного округа определение судебной коллегии оставил без изменения.

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об отмене кассационного определения и постановления президиума суда Ханты-Мансийского автономного округа и о направлении дела на новое кассационное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 20 августа 1996 г. протест удовлетворила, указав следующее.

Судебная коллегия по уголовным делам суда автономного округа, расценив действия Б. как совершенное по неосторожности убийство и переqualифицируя их с ч. 2 ст. 108 на ст. 106 УК РСФСР, сослалась на то, что он не имел умысла на причинение тяжких телесных повреждений М., нанося удары, не использовал никаких предметов, при этом, хотя и не предвидел, но должен был и мог предвидеть наступление тяжких последствий – смерть потерпевшего.

Однако судебная коллегия суда автономного округа не дала всесторонней и полной оценки доказательствам, на которых основывал свой вывод суд первой инстанции об умысле Б. на причинение тяжких телесных повреждений М., а президиум суда автономного округа не придал этому значения.

В материалах дела имеются показания свидетелей П., П., К., А. о том, что до того, как к М. подошел Б., у М. никаких телесных повреждений не было.

Свидетели П. и К. видели, как Б. несколько раз ударил кулаком в голову лежащего на диване М., при этом, как пояснила К., наносил удары в левую височную часть. М. сразу потерял сознание. П., будучи медицинским работником, определил, что М. получил черепно-мозговую травму.

Свидетель П. показала, что стоявший рядом с ней Б. после случившегося произнес: «Жаль, что я его вообще не прибил».

Судебно-медицинским исследованием установлено, что смерть М. наступила от закрытой черепно-мозговой травмы в виде ушиба головного мозга, субарахноидальных кровоизлияний на передней внутренней поверхности левой лобной доли, на наружных поверхностях левой височной и теменной доли, кровоизлияния в мягких тканях левой височной области. Данные телесные повреждения относятся к категории тяжких и могли быть причинены ударами кулака.

Кассационная инстанция *не дала надлежащей оценки тому обстоятельству, что Б. целенаправленно наносил удары кулаком в висок лежащему М.»* [4].

При таких обстоятельствах следует признать, что вывод кассационной и надзорной инстанций суда автономного округа о совершении Б. преступления по неосторожности не обоснован.

Кроме рассмотренных дел можно найти еще несколько, получивших общественный резонанс дел, связанных с ситуациями обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Таким образом, можно заключить, что несмотря на то, что статистика судебной и правоприменительной практики не слишком обширна, но имеющиеся случаи и факты, получившие широкий общественный резонанс в средствах массовой информации, указывают на следующие, детерминирующие принятие решений по уголовным делам, сопряженным с причинением вреда лицу, совершившему преступление при его задержании: нарушения в оценке допустимости причинения вреда в ситуации задержания преступника, ошибочная квалификации содеянного судами первой и последующих инстанций, неправильная квалификация действий подзащитных их адвокатами.

Примечания:

1. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2019). [Электронный ресурс]. // <https://sudact.ru/law/obzor-praktiki-primeneniia-sudami-polozhenii-glavy-8> (дата обращения 23.12.2019 г.)

2. Апелляционное определение от 12 мая 2016 года по делу № 10-6422/2016 [Электронный ресурс]. // <https://sudact.ru/law/obzor-praktiki-primeneniia-sudami-polozhenii-glavy-8> (дата обращения 23.12.2019 г.)

3. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2019). [Электронный ресурс]. // <https://sudact.ru/law/obzor-praktiki-primeneniia-sudami-polozhenii-glavy-8> (дата обращения 23.12.2019 г.)

4. Извлечение из Определения Верховного Суда РФ от 20.08.1996 г. [Электронный ресурс]. // http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_1162.htm (дата обращения 23.12.2019 г.)

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА НА СОДЕРЖАНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

В статье рассматривается проблема реформирования российского уголовного законодательства на основании выполнения РФ своих обязательств по международным договорам; приводится мнение авторов по вопросу, связанному с тем, как именно меняется законодательство и какое влияние оказывают эти процессы на правовую культуру и конструкцию уголовного закона в России на примере анти-террористических правовых актов.

Ключевые слова: международное право, уголовное право, международный договор, правовая культура, глобализация, международный терроризм, борьба с терроризмом, финансирование терроризма.

Развитие внутригосударственного права невозможно без учета общепризнанных норм международного права. Так, на протяжении нескольких веков российское уголовное законодательство претерпевает изменения, имплементируя те или иные нормы, установленные, чаще всего, в международных договорах, участником которых и является Россия. Какого же влияние, а в определенных случаях даже давление мирового сообщества на отечественное уголовное законодательство?

В своем выступлении на международной конференции по вопросам совершенствования национальных механизмов эффективной имплементации Европейской конвенции о правах человека Зорькин В. Д. – Председатель Конституционного суда РФ, сделал акцент на одной из главных проблем, которую необходимо было решить Конституционному суду при осуществлении своей деятельности – «гармонизации российской правовой системы с общеевропейским правовым пространством одновременно с защитой собственной конституционной идентичности» [1].

Необходимо понимать, что членство страны в определенных международных организациях, объединениях, а соответственно в международных договорах налагает обязательства на государство-участника по интеграции в законодательство определенных правовых норм, изменяющих структуру и содержание законов.

Зачастую, изменения в Уголовный кодекс РФ вносятся законодателем без учета научного исследования, в результате которого было бы доказано, что соответствующая норма УК РФ не достигает целей уголовного права, т. е. является неэффективной. Но другой вопрос состоит в том, как эти изменения повлияют на исторически сложившуюся и веками формирующуюся правовую традицию государства, что и является предметом спора ученых.

В пример можно привести введение моратория на смертную казнь в ответ на требования ПАСЕ по соблюдению Россией своих обязательств после ратификации ею Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что представляло собой вынужденную меру, а не необходимое и согласованное с научными исследованиями решение.

Процесс глобализации, который, по мнению некоторых исследователей, «способствует сближению правовых систем», имеет как положительные, так и негативные стороны.

Такие ученые, как Игнатенко Г. В. и Лукашук И. И. считают, что имплементация благотворно сказывается на повышении уровня защиты прав и свобод человека и гражданина [2], расширении сферы взаимовыгодного и всестороннего сотрудничества государств, укреплении международного мира и безопасности, с чьими выводами нельзя не согласиться [3].

Существуют также и другие точки зрения. Например, Лунев В. В. воспринимает глобализацию, как негативное явление, которое способствует увеличению уровня преступности, создает условия для беспрепятственного возникновения новых способов совершения общественно опасных деяний, что во многом усложняет деятельность правоохранительной системы, а также криминалистов и криминологов [4].

Ученые Цепелев В. Ф., Богуш Г. И. настаивают на том, что уголовная политика государства должна следовать идеям сохранения государственного суверенитета [5] и национальной правовой традиции при дополнении законодательства нормами международного права. Только при таком раскладе будет возможно исполнение обязательств страны [6].

Бибик О. Н. считает, что «при криминализации деяний международное право должно иметь приоритет перед национальным уголовным законодательством только тогда, когда речь идет о защите общечеловеческих ценностей. Во всех иных

случаях криминализация деяний, которая предусматривается международно-правовыми нормами, должна проводиться с учетом особенностей культуры государства (принцип культурного суверенитета), что предполагает приоритет национально-го законодательства»[7].

Одной из глобальных проблем в вопросе транснациональной преступности является международный терроризм. Разработка единого понятия международного терроризма, а также полного перечня соответствующих общественно опасных деяний представляет собой проблему, так как у каждой страны наблюдается своя специфика [8].

Россия принимает активное участие в международной деятельности по противодействию терроризму, в результате чего было ратифицировано множество конвенций, основными из которых являются: Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27 января 1977 г.) (ETS N 90); Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15.06.2001); Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (Минск, 4 июня 1999 г.); Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (принята 21.12.1965 Резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН); Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).

В целях борьбы с международным терроризмом мировое сообщество предприняло шаги ликвидации источника этого все более распространяющегося явления – финансированию терроризма.

Одним из последних документов, ратифицированных РФ, является Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма, которая регулирует вопросы конфискационных мер, банковских запросов, их форм и языка, а также непосредственно осуществления конфискации. По мнению исследователей, ратификация не повлияет на процедуру конфискации, а также бремя доказывания виновности, в соответствии с п. 2 ст. 49 Конституции РФ и п. 2 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ, касаясь данного вида преступлений, останется на стороне обвинения. В соответствии с этим можно сделать вывод, что в данном вопросе Россия сохраняет

за собой государственный суверенитет и преобладание национального законодательства над международным.

В связи с событиями 11 сентября 2001 года в мировом обществе возникла необходимость создания Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, которая бы содержала точное определение таких понятий как «международный терроризм» и «терроризм». В некоторых странах законодательство включает ответственность юридических лиц и многонациональных групп, преступная деятельность которых выходит за пределы одного государства. Ученые Дзидзоев В. Д. и Левченко Н. Н. считают, что в таком случае «необходимо пересмотреть статус и состав участников современных международных отношений, а также определить, кто будет отвечать за нарушения этой нормы»[9]. В таком случае есть одно «но» – уголовная ответственность юридических лиц в РФ не предусмотрена и в ближайшее время данный аспект изменению не подлежит, так как уголовное право России в принципе считается исследователями как довольно консервативная отрасль права.

К слову о Всеобъемлющей конвенции, на данный момент она так и не была утверждена. Несмотря на всю правильность и логичность данной инициативы, в условиях современного мира, политического курса ряда ведущих стран, ее реализация пока что остается невозможной по ряду причин:

- 1) Недостаточность исследования особенностей правовой системы того или иного государства, в котором бы применялась Конвенция;

- 2) Недостаточное определение и недостаточная детализация основных понятий, связанных с терроризмом;

Как и в международном праве, российскому уголовному праву не хватает единой концепции борьбы с терроризмом, несмотря на довольно обширный пласт нормативных документов, регулирующих данный вопрос, не говоря уже о том, что ни в Уголовном кодексе, ни в других федеральных законах нет единого и точного определения «терроризма».

Исследователями международного уголовного права высказывалась точка зрения о том, чтобы выделить меры по противодействию терроризму в отдельную отрасль. Если же говорить о России, наука уголовного права склоняется к тому, что необходим единый документ, который бы консолидировал все правовые акты о борьбе с терроризмом, чем бы придал этой проблеме еще большее значение в российском уголовном законодатель-

стве. На наш взгляд, именно это и способствовало необходимому объединению национального законодательства с международным в борьбе против такого явления как терроризм.

И если развитие внутреннего законодательства невозможно без согласования с международным правом, то последнее в свою очередь не должно развиваться и функционировать без учета правовой культуры и традиции придерживающихся его (международного права) стран.

Примечания:

1. Зорькин В. Д. Проблемы имплементации конвенции о правах человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. №5. С. 813.

2. Игнатенко Г. В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Правоведение. 2001. №1. С. 100.

3. Лукашук И. И. Конституция России им международное право // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 36).

4. Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. Москва. 2007. с. 157.

5. Цепелев В. Ф. Международное сотрудничество государств в сфере борьбы с преступностью // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. – М.: Институту права и публичной политики, 2009. – С. 446-458.

6. Богуш Г. И. Транснациональное уголовное право // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сб. материалов 6-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2009. С. 478-483

7. Бибик О. Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2015. – 38 с.

8. Ендольцева А. В. Уголовная ответственность за акт международного терроризма в контексте международной политики российской федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2017 № 4. С. 144.

9. Дзидзоев В. Д., Левченко Н. Н. Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ. Владикавказ. 2008. С. 212.

СУЩНОСТЬ И ПРИЗНАКИ ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Статья посвящена проблемам противодействия коррупции. Автором проводится анализ коррупции как социального и политико-правового явления, рассматриваются подходы к пониманию понятия коррупции – в узком и в широком смыслах.

Ключевые слова: коррупция, противоправное взаимодействие, общественная опасность, национальная безопасность.

В современных условиях государственная политика в области противодействия коррупции является одним из главных средств обеспечения национальной безопасности, преодоления негативных тенденций в функционировании государственного аппарата, защиты прав и свобод граждан и модернизации системы государственного управления. Между тем коррупция в современном обществе представляет собой сложное социальное явление, в котором сочетаются множество взаимосвязанных элементов общественной жизни: изменение системы социальных ценностей в процессе трансформации государственного строя; незавершенность и ошибки в реформировании системы органов государственной власти; противоправное взаимодействие государственных служащих и представителей бизнес-структур и т. д.

В науке существует множество определений коррупции как социального и политико-правового явления. Ученые предлагают рассматривать коррупцию как общественно опасное деяние в сфере политики или государственного управления, выраженное в умышленном использовании представителями власти служебного статуса для получения имущественных и неимущественных благ, а также преимуществ. При этом в определении отмечается, что в России коррупция является не уголовно-правовой категорией, а собирательной, которая включает в себя различные виды правонарушений.

Можно выделить два подхода к пониманию понятия коррупции – в узком и в широком смыслах. В первом случае основным критерием является совокупность закрепленных в нормативных актах составов правонарушений, предусмотренных во внутреннем, национальном законодательстве. К сторонникам понимания коррупции в узком смысле слова можно отнести

Н. А. Лопашенко, которая отождествляет коррупцию именно с подкупом и предлагает разграничить коррупционные преступления с должностными, так как коррупционные характеризуются большей общественной опасностью и сопряжены с совершением противоправной сделки.

Сторонники широкого подхода рассматривают коррупцию как явление, проникшее в аппарат государственной власти, затрудняющее и разлагающее механизм функционирования различных публичных институтов, в условиях осознанного использования сотрудниками государственной и муниципальной службы своего должностного положения в корыстных целях для получения личных или групповых предпочтений и выгод. Так, А. А. Ашин и М. А. Некрасова определяют коррупцию как несоблюдение служащим принципа бескорыстия и неподкупности, в частности, неправомерном приобретении должностным лицом привилегий имущественного или неимущественного характера [1].

Сторонником широкого понимания коррупции является профессор СПбГУ, доктор юридических наук Б. В. Волженкин, который систематизировал различные определения коррупции и считает, что наиболее правильным является понимание коррупции в широком смысле, которое включает в себя не только подкуп и взяточничество. В рамках данного понимания коррупция обладает многоаспектным, многоструктурным содержанием, состоящим из набора неоднородных видов общественно опасных деяний. Следует согласиться, что «широкое» толкование коррупции более рационально и в большей степени отражает сущность коррупции.

Нельзя не отметить, что даже на уровне международного сообщества общепризнанное определение коррупции так и не выработано. В главном антикоррупционном документе – Конвенции ООН против коррупции понятия коррупции не содержится, а приводится лишь перечень деяний, отнесенных к числу коррупционных [2].

Россия в 2006 году решила присоединиться к Конвенции ООН против коррупции 2003 года, тем самым укрепить международное сотрудничество в противодействии коррупции. При рассмотрении проекта Конвенции ООН одним из дискуссионных вопросов было понятие коррупции, так как невозможно на международном уровне сформулировать понятие, учитываю-

щее национальную коррупционную специфику государств-участников. Поэтому в документе перечислены многие деяния коррупционной направленности, которые должны быть криминализованы национальным законодательством государства, которое ратифицировало положения документа [3]. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая в 1999 году Советом Европы, ратифицированная Россией в 2006 году, также не содержит понятия коррупции, но во II главе перечислены формы проявления коррупции [4].

Российский законодатель в определении коррупции, сформулировал в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О противодействии коррупции» следующее понятие: «Коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

В данном определении понятия коррупции присутствует лишь материальная цель, выгода. Следовательно, небезосновательной является точка зрения, указывающая на тот факт, что коррупционные отношения зачастую направлены на получение не только и не столько выгод имущественного характера, как на получение преимуществ нематериального характера.

Еще один существенный недостаток данного определения проявляется в том, что формулировка определения ограничивается лишь перечислением уголовно-правовыми проявлениями коррупции, не включая деяния, за совершение которых предусмотрена административная, дисциплинарная, иные виды ответственности. В частности, возникает двойственное явление, при котором действующим законодательством коррупционные проявления рассматриваются как преступления, административные правонарушения, а также как безнравственные поступки.

Употребление в дефиниции коррупции термина «должностное положение» ограничивает сферу коррупционной составляющей (применительно к посягательствам против государ-

ственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления), не уделяя внимания таким объектам уголовно-правовой охраны, которые связаны с обеспечением интересов службы в коммерческих и иных организациях. Таким образом, в определениях коррупции делается акцент на противоправном поведении государственных служащих и разложении управленческого аппарата.

Подход к законодательному определению коррупции в различных странах не одинаков. В подавляющем большинстве государств понятие «коррупция» раскрывается через составы отдельных правонарушений. Такой метод применил и российский законодатель. Аналогичный подход использован также во французском законодательстве, где понятие «коррупция» охватывает совокупность примерно 20 составов уголовных преступлений.

Научное сообщество, анализируя международное и российское законодательство, пришло к выводу, что коррупцию все же следует понимать шире, чем предложил федеральный законодатель. По мнению И. Д. Фиалковской «понятие коррупции, сформулированное в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ, характеризуется ограниченностью по объему и возможности наступления правовых последствий в случае их воплощения в уголовное законодательство в виде конкретных уголовно-правовых норм, что отличает данное определение от аналогичных, сформулированных в международных актах и многими специалистами в области юриспруденции» [5]. Подобной позиции придерживается и С. А. Авакьян, который утверждает, что сформулированное законодателем определение содержит избыточные признаки, заужающие его объем. Также С. А. Авакьян отмечает, что в законе среди установленных законодателем коррупционных преступлений отсутствуют другие составы, которые содержательно также являются коррупционными деяниями. На наш взгляд, подобный пробел негативно влияет на выработку антикоррупционной политики государства и реальное правоприменение [6].

Формы проявления коррупции совпадают с составами соответствующих противоправных деяний, закрепленных действующим законодательством РФ. Формами коррупции выступают взяточничество (дача-получение взятки), злоупотребление либо превышение служебных полномочий, служебный

подлог, коммерческий подкуп, правонарушения, совершаемые государственными и муниципальными служащими, и иные деяния. Здесь также важно отметить фаворитизм, непотизм (кумовство), лоббизм, протекционизм (подбор кадров по знакомству), незаконное присвоение общественных ресурсов в личных целях и распределение общественных ресурсов и фондов, вымогательство, противоправную приватизацию, поддержку и финансирование политических структур (партий и др.), предоставление льготных кредитов, заказов, пресловутый «блат», чтобы получить доступ к общественным ресурсам – к услугам, товарам, источникам доходов, другим привилегиям, использование личных контактов, предоставление родственникам, друзьям, знакомым различных благ и др.

Представителями научного сообщества разработаны различные классификации коррупции. По уровням распространения выделяются «основная» («верхушечная», или «крупная») и бытовая («низовая») коррупция. В основе данной классификации лежит область, подверженная коррупции: деятельность органов власти, повседневное поведение отдельных физических лиц, коррупция в рамках отдельной организации.

Основная коррупция, по мнению ученых, происходит в публичной сфере, в том числе на высшем уровне управления бизнесом, т. е. там, где формулируется политика и принимаются ответственные решения. Основная коррупция может происходить в сфере движения крупных сумм денежных средств, оказывая влияние на международные отношения. Бытовая коррупция не менее опасна, так как заключается в «криминализации сознания населения, является своеобразной школой коррупциогенности, представляющей опасность для общества, включая лиц, которые, пройдя эту школу, со временем могут занять ключевые позиции в государстве». В рамках данной классификации целесообразно отметить «деловую» коррупцию. Она «распространена не меньше, чем коррупция в государственном секторе; зачастую такая коррупция затрагивает не только лиц, выполняющих управленческие функции в организациях, но и обычных наемных сотрудников, непосредственно влияющих на подготовку и принятие управленческих решений» [7].

В основе классификации коррупции по видам государственного (муниципального) управления, сферам общественной жизни лежат следующие подверженные данному противо-

правному явлению сферы: государственные, муниципальные закупки, социальная сфера, экономические и финансовые взаимоотношения и расчеты, лицензирование, правосудие и др.

По периодичности (степени регулярности) коррупция подразделяется на разовую (эпизоотическую), систематическую (институциональную) и клептократию (коррупция как неотъемлемый компонент властных отношений).

По характеру проявления коррупция может выражаться как злоупотребление должностным положением, получение или дача взятки, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения [8].

По субъекту злоупотребления служебным положением выделяются государственная (коррупция госчиновников), коммерческая (менеджеры фирм) и политическая (политические деятели).

Существуют и иные критерии классификации, в том числе основанные на специфике политических режимов. Согласно данной классификации коррупция возникает в антидемократических государствах вследствие перераспределения собственности и иных материальных благ в системе властвования единоличного или группы лиц, а в демократических государствах – в процессе перераспределения собственности и материальных благ в системе демократии. В первом случае коррупция – это вид изъятия собственности у противостоящего объекта (власть имущих), во втором случае – у населения [9].

При изучении феномена коррупции некоторые исследователи отмечают ее рост, который связывают со спецификой переживаемого Россией переходного периода – становления рыночных отношений, вызвавших изменение устоев общественной жизни и социальных ценностей, передел собственности, модернизацию законодательства и принципов власти. При этом специалисты говорят о ее качественном изменении в последнем десятилетии за счет последовательного расширения зон влияния коррупции [10].

Примечания:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ. 2006. № 26.

2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27.01.1999) // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.

3. Ашин А. А., Некрасова М. А. Понятие и сущность коррупции // Ученые записки. 2019. № 1.

4. Противодействие коррупции: учеб. пособие / С. Н. Ревина, П. А. Паулов, Д. В. Борякин, А. В. Сидорова. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2019.

5. Соловьев А. Н. Коррупция как объект научного познания: понятие и сущность // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3.

6. Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом: учебное пособие / Отв. ред. д. ю. н., проф. С. А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016.

7. Правовые средства противодействия коррупции: научно-практическое пособие отв. ред. Н. А. Власенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012.

8. Фиалковская И. Д. Коррупция: понятие, признаки, виды // Вестник Нижегородского университета. 2018. № 1.

С. Д. Каркусова, Н. Х. Бузарова, А. А. Цакоев

**ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН**

Одним из общепризнанных международных принципов назначения уголовного наказания выступает принцип справедливости, означающий, помимо восстановления социальной справедливости в отношении интересов потерпевшего, а также общества и государства, соответствие наказания степени и характеру общественной опасности преступного поведения. Данная статья посвящена исследованию особенностей правового регулирования в латиноамериканском законодательстве такой формы совершения противоправного деяния, как прикосновенность к преступлению.

Ключевые слова: уголовное законодательство, укрывательство, уголовные кодексы латиноамериканских стран, прикосновенность к преступлению.

Действия, образующие прикосновенность к преступлению, в отличие от соучастия, имеют место после совершения преступления и не находятся с ним в причинной связи, не являются содействием в его осуществлении [1].

Уголовные законодательства большинства латиноамериканских стран относят к прикосновенности лишь укрывательство, ответственность за которое по уголовному законодательству латиноамериканских стран решается неодинаково. В уголовном кодексе отдельных стран любое укрывательство, независимо от того, было оно обещано заранее или нет, рассматривается как соучастие. Так, уголовный кодекс Чили рассматривает как соучастие укрывательство и иное содействие исполнителю преступления после его завершения, даже если они не были заранее обещаны. Единственное условие признания этих действий соучастием – осведомленность лица о совершенном преступлении (ст. 17 УК Чили) [2]. Аналогично решается этот вопрос в УК Эквадора [3].

В отличие от УК Чили и Эквадора, уголовные кодексы большинства латиноамериканских государств рассматривают укрывательство как разновидность соучастия лишь в том случае, если оно было заранее обещано. Так, УК Аргентины в качестве соучастников признает укрывателей, которые до совершения преступления обещали помощь исполнителю. Подобное решение вопроса представляется вполне оправданным, ибо в этом случае действия укрывателя находятся в причинной и виновной связи с действиями исполнителя преступления [4].

Позиция, которую занимают в решении этого вопроса, уголовные кодексы Чили и Эквадора представляется спорной. Справедливо указывают многие авторы, что укрывательство не является формой участия в совершении преступления, а скорее является преступлением особого рода, поскольку действия укрывателя имеют место после совершения преступления «Поэтому его деяние не совпадает ни прямым, ни второстепенным образом с совершением самого преступления, а имеет место после совершения преступления» [5]. В этом случае речь идет о преступлениях, затрагивающих интересы правосудия, поскольку

ку укрыватель совершает деяние, затрудняющее расследование совершенного преступления, то есть, фактически посягает на нормальную деятельность соответствующих правоохранительных органов. Поэтому ответственность за такие деяния должна быть предусмотрена в особенной части уголовных кодексов, что по существу и делается в уголовном законодательстве большинства стран.

Однако УК Эквадора в ст. 41 – в общей части Кодекса – давая определение видов укрывательства, в тоже время в Особенной части выделяет в качестве специальных преступлений некоторые формы поведения, очень схожие с укрывательством. Например, в статье 296 предусматривается ответственность за изменение доказательств, в статье 439 – за укрывательство личности виновного, в статье 569 – за сокрытие украденного имущества. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо решать, должно ли то или иное деяние рассматриваться как укрывательство или как одно из специальных преступлений.

Для наличия укрывательства, как весьма своеобразной формы соучастия, необходимы следующие признаки, которые в основном отражены в ст. 44 УК Эквадора:

- укрывательство – это действия, которые совершаются после совершения преступления. Это требование придает укрывательству его основную характеристику и хронологически отличает от сообщничества. Если была предварительная договоренность об укрывательстве, это поведение должно было быть расценено как соучастие;

- укрыватель не должен быть исполнителем или сообщником, так как если кто-то, обладающий одним из этих качеств, осуществит также акт укрывательства, то в этом случае он подлежит ответственности как соучастник;

- укрыватель должен знать о противоправности своего поведения, не обязательно, чтобы он был знаком с деталями совершенного преступления, необходимо только, чтобы он знал достоверно, что его действие помогает исполнителю или сообщнику преступления, или как утверждается в УК, чтобы знал о «преступном поведении правонарушителя» и, зная об этом поведении, чтобы имел намерение помогать, благодаря чему выполняется субъективное требование, необходимое в любом соучастии – совершение деяния с прямым умыслом;

- действия укрывателя являются, по сути, покровитель-

ством, поскольку помогают преступнику, позволяя ему воспользоваться результатами преступления или помогают ему избежать наказания, правосудия.

Уголовные кодексы многих латиноамериканских стран различают два вида укрывательства: укрывательство лиц и укрывательство вещей. В первом случае речь идет о предоставлении убежища участникам преступления, во втором – о сокрытии, покупке, продаже предметов, добытых в результате преступления или использованных в качестве орудия преступления (УК Бразилии, ст. 348) [6].

Уголовный кодекс Эквадора не содержит общего определения укрывательства, а дает перечень отдельных действий, в которых может выражаться укрывательство. УК Эквадора выделяет следующие виды укрывательства:

– личное, оно заключается в предоставлении жилья, укрытия или места для сборов преступников, при условии, что это делается после совершения преступления. Если предоставление осуществляется до совершения, то такие действия должны рассматриваться как пособничество и виновное лицо подлежит ответственности как соучастник, а не как укрыватель. То есть, этот вид укрывательства предполагает последующие после совершения преступления действия по персональной защите преступника, предоставляя ему укрытие или жилье. Но самое оспоримое место в этом случае – это требование УК Эквадора, чтобы была «привычность в покровительстве», т. е. эти действия должны повторяться во времени для того, чтобы они могли быть инкриминированы. Представляется, что такое требование является неоправданным, так как оно ограничивает ответственность за этот вид укрывательства.

– реальное покровительство, которое относится к тем случаям покровительства, когда лицо прячет, приводит в негодность или уничтожает орудия, отпечатки, следы, и вообще вещественные доказательства преступления.

– «помощь в использовании» – заключается в предоставлении преступнику возможности пользования результатами совершенного преступления. Чаще всего подобные варианты поведения применяются к преступлениям против собственности: покупка или заключение сделки укрывателем украденных вещей. Но это может выразиться и в совершении других действий, например, отмыwanie доходов от наркоторговли, позво-

ляющее наркодельцам незаконно пользоваться полученными деньгами, употребляя их на законные мероприятия.

– «искажение правды» – этот вид заключается в сокрытии или искажении правды, когда лицо вызвано, в силу его профессии, должности или занятия для проведения проверки отпечатков или следов преступления или для выявления других обстоятельств. Иначе говоря, когда лицо назначается экспертом в уголовном процессе, хотя в УК не используется этот термин. Вместе с тем, представляется спорным, что если профессиональный эксперт, например врач, вызванный для проведения вскрытия трупа, искажает правду в своем отчете, то он должен нести ответственность за укрывательство. Логичнее было бы, в зависимости от тяжести поступка, чтобы эксперт отвечал за собственное преступление и чтобы к нему применили значительно большую санкцию, чем та, которая предусматривается за укрывательство.

Среди особенностей уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению следует выделить установленную в некоторых уголовных кодексах латиноамериканских стран норму, согласно которой уголовной ответственности за укрывательство не подлежат близкие родственники виновного по прямой линии, а также супруг (муж, жена) [7].

Уголовное законодательство латиноамериканских стран в определении ответственности за укрывательство имеет свои особенности. Эти особенности наиболее четко выражены в УК Эквадора: укрывательство рассматривается как менее тяжкое преступление, чем исполнительство и соучастие в совершении преступления. Статья 48 УК Эквадора определяет наказание за укрывательство в размере четвертой части от предусмотренного наказания для непосредственных исполнителей преступления, но не превышающую двух лет.

Еще одна особенность в определении ответственности за укрывательство в эквадорском законодательстве – это установление двух видов ненаказуемых случаев:

– укрывательство в отношении супругов и ближайших родственников, под которым понимаются любые действия, направленные на оказание помощи в преступных действиях супругу или супруге, родственнику по восходящей или нисходящей линии, брату (ст. 45);

– аналогичные действия в отношении близкого друга и

«благодетеля». Это освобождение более ограничено, чем предыдущее, так как относится только к укрывательству, связанному с личным покровительством и только в случае совершения преступления против человека (ст. 49).

Типичной ситуацией для уголовного законодательства большинства латиноамериканских стран являются положения мексиканского уголовного кодекса, согласно которым содействие, оказанное преступнику после совершения им преступления, наказывается только в случаях прямо предусмотренных законом (ст. 15 п. 19 УК Мексики).

Так, в Уголовном кодексе Мексики предусмотрены такие составы преступления, как не воспрепятствование совершению преступления, неоказание помощи властям в расследовании преступления или в преследовании преступников и т. п. (ст. 400). Однако и в этом кодексе, а также в уголовных кодексах многих других латиноамериканских государств, отсутствуют нормы, устанавливающие ответственность за недонесение о преступлениях.

Однако, в некоторых уголовных кодексах, помимо укрывательства, выделяются также такие виды прикосновенности, как недоносительство и попустительство. В Уголовном кодексе Бразилии также отсутствуют нормы, устанавливающие ответственность за недонесение о преступлении. Однако по Декрету-закону об уголовных нарушениях 1941 г. такое деяние влечет за собой уголовную ответственность.

Примечания:

1. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. 408 с.

2. Патеева Г.Х. Формализация назначения наказания в уголовном праве зарубежных стран // СПС «КонсультантПлюс».

3. Голованова, Н.А. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / Н.А. Голованова, В.Н. Еремин, М.А. Игнатова под редакцией И.Д. Козочкин. Москва. Волтерс Клувер, 2010. 1056 с.

4. Патеева Г.Х. Формализация назначения наказания в уголовном праве зарубежных стран // СПС «КонсультантПлюс».

5. Голованова, Н.А. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / Н.А. Голованова, В.Н. Ере-

мин, М. А. Игнатова под редакцией И. Д. Козочкин. Москва. Волтерс Клувер, 2010. 1056 с.

6. Там же.

7. Гумеров Т. А. Прекращение уголовного преследования по законодательству России и зарубежных стран. Новый взгляд на старую проблему // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 6. С. 3-5.

В. И. Медоев., Н. Х. Бузарова, А. А. Цакоев

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассмотрены некоторые особенности международных преступлений как правонарушений, посягающих на основы международного сообщества и вызывающие опасные для человеческой цивилизации нарушения принципов и норм международного права.

***Ключевые слова:** международное уголовное право, преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности, геноцид, Международный уголовный суд.*

Международные преступления, по своему характеру представляют собой наиболее тяжкие преступления, совершаемые в области международных отношений и посягающие на отношения между государствами в условиях мирного сосуществования. Ущерб от совершения международных преступлений, нанесенный международному правопорядку, несоизмерим с ущербом от обычных правонарушений и имеет принципиально иной характер, будучи связанным с сознательным и вызывающим нежеланием подчиняться предписаниям международного права, что делает правомерным применение в случае их совершения более тяжелых форм ответственности. Думается, что общим для всех международных преступлений является то, что они посягают на международные интересы, которые выражаются в заключенных между государствами двусторонних и многосторонних договорах по борьбе с ними и имеют международный характер.

Определенные группы преступных деяний, представляющих большую опасность для международного сообщества, подпадают под действие Статута Международного уголовного суда,

в котором, между тем, не дано определения международного преступления. В статье 5 Статута говорится, что юрисдикция Суда ограничивается самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества, а именно геноцидом, преступлениями против человечности, военных преступлений и агрессии.

В соответствии с Уставом Нюрнбергского Международного Военного Трибунала (ст. 6) преступления против человечества разделены на три группы:

1) преступления против мира, включающие планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных на осуществление любого из указанных действий;

2) военные преступления, включающие нарушение законов или обычаев войны, в том числе убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море, убийство заложников, ограбление общественной или частной собственности, бессмысленное разрушение городов и деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

3) преступления против человечности, включающие убийства, истребление, порабощение, ссылку и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет [1].

Как отмечается в литературе, указанная классификация международных преступлений имеет большое значение, поскольку считается самым первым документом международного уголовного права, направленным на защиту мира и безопасности народов [2].

В российском уголовном праве не содержится серьезных споров по вопросу о понятии международного преступления, позиция ученых в основном однозначна. Вместе с тем А. Н. Трайнин, рассматривая международные преступления, определил их «как посягательства на основы существования и

прогрессивного развития народов» [3]. П. С. Ромашкин обратил внимание на то обстоятельство, что еще в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, составленном Комиссией международного права ООН в 1954 г., эти преступления названы международно-правовыми преступлениями, что он считал неудачным и с точки зрения существа, и с точки зрения точности юридического определения. «Нельзя не отметить, – считает П. С. Ромашкин, и то, что этот проект неудовлетворителен в главном – в определении понятия тягчайших преступлений против мира и безопасности народов» [4].

Выступая с обвинительной речью на Нюрнбергском процессе, Главный обвинитель от СССР А. Руденко высказал положение, ставшее принципом ответственности за тягчайшие международные преступления: «Во имя священной памяти миллионов невинных жертв фашистского террора, во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем, мы предлагаем подсудимым полный и справедливый счет. Это – счет всего человечества, счет воли и совести свободолюбивых народов» [5].

Современное учение о международных преступлениях характеризуется тем, что ряд ученых выделяют отдельную группу преступлений, которые они предлагают называть либо преступными нарушениями международного правопорядка, либо преступлениями международного характера [6]. В частности М. И. Блум в своей работе: «Действие уголовного закона в пространстве и международно-правовая борьба с преступностью» указывает, что международные преступления и преступления, посягающие на международный правопорядок, резко различаются по своей направленности и опасности для судьбы мира и человечества. По степени своей опасности они не подлежат ни сопоставлению, ни сравнению» [7]. По данному вопросу есть и другое мнение. Так, И. И. Карпец отмечает, что любые преступления, а особенно международного характера, подлежат и сопоставлению, и сравнению с другими преступлениями, иначе нельзя выяснить степень их опасности, выработать формы и методы борьбы с ними, установить, к какой группе преступлений их отнести. Кроме того, международные преступления, как и преступления международного характера, не неизменны, могут появляться новые либо уже известные могут менять степень своей опасности [8].

Следует обратить внимание на то, что кроме термина «международное преступление» в теории международного права широкое распространение получили термины «преступление против международного права», «преступление международного характера», «преступления по общему международному праву», «преступления согласно международному праву». В частности термин «преступления против международного права» был применен в приговоре Нюрнбергского трибунала, где говорится, что преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями [9].

В доктрине международного права термин «международные преступления» довольно часто употребляется для обозначения как действий индивидов, так и государств. В частности Р.А. Мюллерсон считает, что необходимо различать преступления государств, с одной стороны, и преступления физических лиц – с другой. Он считает, что это качественно разные, разноуровневые (хотя и в случае совершения международных преступлений взаимосвязанные) явления. Здесь различны не только субъекты преступления и объекты посягательства, но и способы, и формы ответственности [9].

С. В. Черниченко отмечает, что в соответствии с точкой зрения более радикальной части сторонников дуалистической теории соотношения международного и внутригосударственного права, преступления против международного права – это действия индивидов, которые государства обязались по отношению друг к другу считать преступными, подвергать виновных в их совершении лиц наказанию и сотрудничать друг с другом в борьбе с такими действиями (путем обмена информацией, выдачи преступников и даже создания международных уголовных судов) [9].

С. В. Черниченко приходит к выводу, что под международными преступлениями понимаются только действия государств, представляющие собой серьезные нарушения международного права, направленные против международного сообщества. Преступления против международного права следует рассматривать как действия индивидов, представляющие опасность в международном масштабе, которые признаются государствами преступными и требующими объединения усилий для борьбы с ними. Они включают в себя преступления против мира и безопасности человечества. В то же время С. В. Черниченко

считает, что перечень преступлений против международного права, как и перечень международных преступлений, может быть только приблизительным, поскольку это эволюционирующее явление [9].

С. В. Черниченко полагает, что преступления против международного права необязательно связаны с международным преступлением. В ряде случаев они совершаются частными лицами, даже если они входят в число преступлений, предусмотренных в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, в Статуте Международного уголовного суда или в уставах Международных трибуналов по Югославии и Руанде, они не всегда связаны с международными преступлениями. Геноцид может осуществляться и каким-либо частным лицом, действующим по собственной инициативе. Наиболее опасными, считает С. В. Черниченко, являются преступления против международного права, связанные с международными преступлениями или по своему фактическому содержанию с ними совпадающие. При этом необходимо различать действия индивидов как частных лиц и действия индивидов, совершаемых от имени государства. Государство не абстрактное понятие, а, прежде всего, организация людей, поэтому его действия всегда будут действиями определенных лиц. В этом смысле можно говорить о том, считает он, что нормы международного права, адресованные государству, в конечном счете, адресуются индивидам, действующим от его имени [9].

Думается, что вряд ли совпадают содержание действий государства, которые образуют международное преступление, и содержание действий индивидов, выступающих от имени государства, из которых слагается данное международное преступление. Какое бы высокое положение не занимало должностное лицо, использовавшее государство в качестве орудия совершения международного преступления, совершенные им лично с этой целью действия не могут охватить все действия государства, образующие это международное преступление. Например, агрессия, совершенная государством, то есть международное преступление, включает в себя соответствующие действия главы государства, начальника генерального штаба и т. д., каждое из которых, с одной стороны рассматривается как действие индивида, но при этом может быть отнесено к преступлениям против международного права.

На основании изложенного можно сделать вывод, что международные преступления – это разновидность международного правонарушения, посягающее на основы международного сообщества, наносящее ему тяжкий ущерб и влекущее опасные для человеческой цивилизации нарушения принципов и норм международного права основополагающего значения для обеспечения мира, защиты человека и жизненно важных интересов международного сообщества в целом.

Примечания:

1. Полторак А. И., Савинский Л. И. Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976. С. 335-337.

2. Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 9.

3. Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969. С. 271-423.

4. Ромашкин П. С. Преступление против мира и человечества. М. 1967. С. 289-292.

5. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. Т. 1 / Отв. ред., автор предисл. А. М. Рекунков. М.: Юрид. лит., 1987. Т. 1. С. 504-506.

6. Гавердовский А. С. Проблемы предупреждения преступности в современном международном праве//Материалы теоретической конвенции. М. 1998 г.; Галенская Л. Н. О понятии международного уголовного права.// Советский ежегодник международного права. 1969. М., 1970. С. 78-84 и др.

7. Блум М. И. Действие уголовного закона в пространстве и международно-правовая борьба с преступлениями: Учеб. пос. 2014. – С. 254.

8. Карпец И. И. Международная преступность. М., 1998. С. 43.

9. Черниченко С. В. Международное уголовное право. М., 1999.

Б. Д. Мильдзихов, Н. Х. Бузарова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье освещаются вопросы, связанные с соблюдением принципа законности в ходе судопроизводства по уголовным делам. Так, авторы делают вывод о необходимости более четкого законодательного толкования терминов и понятий, оказывающих непосредственное влияние на законность производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, принцип законности, судопроизводство, процессуальные нормы, участники уголовного процесса.

Статья 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Законность при производстве по уголовному делу» определяет, что суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу (ч. 1).

Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом (ч. 2).

Нарушение норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств (ч. 3).

Завершает содержание рассматриваемой статьи УПК РФ часть четвертая, которая гласит: «Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными».

Анализ ст. 7 УПК РФ в приведенной редакции позволяет заключить, что законодатель, раскрывая содержание принципа законности в ходе возбуждения уголовного дела, его предварительного расследования и судебного разбирательства, акцент делает в основном лишь на необходимости соблюдения соответствия применяемых при производстве по уголовному делу норм федеральных (в том числе конституционных) законов предписаниям УПК РФ, т. е. декламирует исключительно общее (схематичное) представление о рассматриваемой правовой идее.

Однако в содержание принципа законности должно включаться и осуществление соответствующей уголовно-процессуальной деятельности компетентными должностными лицами, что предполагает четкое определение их статуса, равно как и правового положения всех других участников уголовного процесса, в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

В теории российского уголовно-процессуального права понятие целей и задач в УПК РФ замещено новым термином «назначение уголовного судопроизводства». В уже упоминавшейся ст. 6 УПК РФ особо подчеркивается, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2).

Полное, всестороннее и объективное предварительное расследование, судебное разбирательство по уголовному делу предполагает быстрое установление виновных, привлечение их в качестве обвиняемых, избрание в отношении их обоснованной меры пресечения и направление уголовного дела в суд с тем, чтобы в ходе судебного следствия (и по окончании стадии судебного разбирательства) доказательства, проверенные и оцененные судом (судьей), могли быть положены в основу законного и справедливого приговора.

Однако в практике (в том числе законодательной) представляет известную сложность вопрос о создании процессуальной формы, оптимально совмещающей в себе должное соблюдение гарантий законности и быстроты судопроизводства [1].

В науке уголовно-процессуального права встречаются мнения некоторых авторов, указывающих на необходимость дифференциации уголовно-процессуальной формы (или уголовно-процессуальных форм). При этом, понятие формы в теории уголовно-процессуального права носит обобщенный характер. Уголовно-процессуальное право устанавливает процедуру (порядок, форму) производства по уголовным делам: последовательность стадий и условий перехода дела из одной стадии в другую, условия, характеризующие производство в конкретной стадии, основания, условия и порядок производства следственных и судебных действий, содержание и форму решений,

которые могут быть вынесены. Этот порядок производства по делу в целом или отдельных процессуальных действий принято называть процессуальной формой [2]. Иными словами, процессуальная форма – это совокупность обязательных к соблюдению правил, предписаний, процедур, заранее предусмотренных законом.

В связи с указанным, более правильной, является позиция, согласно которой следует говорить о дифференцированном подходе к законодательному закреплению и толкованию уголовно-процессуальной формы, в свою очередь, предполагающей разумное разнообразие способов организации как досудебного, так и судебного производства [3].

Точное усвоение всех признаков того или иного явления, изучаемого уголовно-процессуальным правом, предполагает уяснение того, что для реального совершенствования УПК РФ и повышения уровня следственной и судебной деятельности необходимы дальнейшее развитие и разработка идей по узловым вопросам уголовного процесса, в том числе не получившим должного законодательного закрепления.

Данный тезис в значительной степени относим к институту участников уголовного процесса, поскольку законодательная регламентация их правового положения, определяющая меру дозволенного и должного поведения, к сожалению, еще далека от совершенства. А это, по большому счету, является первоосновой для формирования в следственно-судебной практике традиций так называемого ненормативного поведения не только устоявшихся оппонентов следователя (дознавателя) – подозреваемых (обвиняемых) и их защитников, но и любых других участников судопроизводства [4].

Действительно, как законодательная, так и правоприменительная практика грешит излишне вольным толкованием всевозможных терминов и понятий, оказывающих самое непосредственное влияние на законность производства по уголовному делу. Как отмечают исследователи, к числу такого рода участников уголовного процесса можно отнести хотя бы потерпевшего, поскольку совершенно не ясно, когда рассматриваемый субъект уголовно-процессуальных правоотношений появляется в уголовном процессе: до допроса или после (в соответствующем качестве). Следственная практика придерживается сложившегося порядка, согласно которому лицо, пострадав-

шее от преступления, изначально допрашивается в качестве потерпевшего, и лишь потом выносятся необходимые постановления с разъяснением ему его прав [5]. Тем не менее, по логике закона должно быть наоборот: сначала пострадавшему следует разъяснить его права и обязанности (потерпевшего), а уже потом допрашивать в надлежащем качестве [5].

Аналогично обстоят дела и с обвиняемым. Как участник судопроизводства он появляется в процессе по уголовным делам, подследственным органам предварительного следствия, с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Получается так, что впоследствии обвинение следователем предъявляется обвиняемому, т. е. лицу, уже признанному таковым.

Согласно распространенной и распространяемой форме процессуальных документов (образцов), относящихся к институту привлечения лица в качестве обвиняемого (ст. ст. 171-175 УПК РФ), да и при производстве по уголовным делам вплоть до настоящего времени права обвиняемому предписывается разъяснять после, а не до фактического предъявления обвинения. О выполнении данной процедуры до вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого речь даже не возникает.

Анализ ст. 47 УПК РФ показывает, что она содержит исчерпывающий перечень прав обвиняемого, но ничего не говорит о его обязанностях. Профессор В. П. Божьев полагает, что наряду с процессуальными правами УПК РФ возлагает на обвиняемого и процессуальные обязанности: являться по вызову лиц, ответственных за ведение уголовного дела; исполнять свои обязанности в связи с избранием в отношении его мер пресечения; выполнять требования следователя при участии в производстве следственных действий; соблюдать порядок их проведения; представлять по требованию следователя образцы для сравнительного исследования; соблюдать порядок в судебных заседаниях; осуществлять защиту своих интересов средствами и способами, установленными УПК РФ; не препятствовать производству по уголовному делу [6].

Однако неясно, из содержания какого законодательного или хотя бы подзаконного нормативного правового акта это следует? Почему должностные лица органов уголовной юстиции принуждаются домысливать подобные вещи? Отвечает ли

подобная практика принципу законности? По мнению авторов настоящей статьи, вряд ли.

Отсюда вытекает, что законодательное наполнение формулы принципа законности должно быть более емким и содержательным.

Примечание:

1. Марчук А. Д. Проблемы дифференциации уголовно-процессуальной формы // Уголовно-процессуальная деятельность. Теория. Методология. Практика: Сборник научных статей / Под ред. А. Ф. Лубина. Н. Новгород: НА МВД России, 2001. С. 66, 67.

2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская. М.: Юристъ, 2003. С. 5.

3. Мириев Б. А. Принцип законности в системе принципов уголовного процесса // Российский следователь. 2010. №22. С. 6-9.

4. Рагимов М. Г. Понятие участников уголовного процесса и их классификация: Учебное пособие. Владимир: Транзит-Икс, 2009. С. 29.

5. Мириев Б. А. Принцип законности в системе принципов уголовного процесса // Российский следователь. 2010. №22. С. 6-9.

6. Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 138.

Т. И. Сайлаонов, М. Ю. Рассказов

О МЕРАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Статья посвящена проблемам совершенствования уголовно-правовой квалификации взяточничества при получении взятки посредством электронных денег, в частности, криптовалюты, а также незаконных услуг, которыми взяточполучатель пользуется в обмен на выгоду.

Ключевые слова: *взяточничество, имущественные блага, криптовалюта, сексуальные услуги.*

Согласно официальной статистике, за январь 2020 г. уменьшилось на 4,1% количество преступлений коррупционной направленности. Их удельный вес в массе всех выявленных деяний за отчетный период составил 2%. В целом по стране снизилось на 0,9% число деяний, предусмотренных статьей 290 УК РФ (получение взятки). За истекший период число преступлений, предусмотренных статьей 291 УК РФ (дача взятки), на территории Российской Федерации снизилось на 3,5% [9]. Однако, по нашему мнению, это повод для серьёзного беспокойства, так как данная статистика свидетельствует о том, что взяточничество уходит в теневой сектор, что существенно затрудняет вопросы уголовно-правовой квалификации данного преступления. Меры совершенствования уголовно-правовой квалификации взяточничества должно быть обращены на дачу и получение взятки посредством электронных денет, в частности, криптовалюты, а также на сексуальные услуги, которыми взяточполучатель пользуется в обмен на выгоду ввиду того, что на сегодняшний день рационально квалифицировать данные предметы взяточничества, к сожалению, не удаётся.

Важно сформулировать ряд решений, направленных на правильное и эффективное применение уголовного закона в актуальных вопросах квалификации преступлений, совершаемых в сфере взяточничества

Под квалификацией преступления подразумевается соотнесение фактических признаков совершенного деяния с признаками составов преступлений, содержащихся непосредственно в уголовном законе. То есть осуществляется конкретный юридический анализ совершенного преступного деяния. Именно поэтому проблема правильной квалификации деяния касается как признаков самого состава преступления, так и как фактических признаков деяния. Важно понимать, что борьба со взяточничеством неразрывно связана с разработкой нормативно-правовых документов, которые способствуют мерам противодействия ей. Именно от актуальности и рациональности законодательных основ уголовно-правового противодействия коррупции зависит защищённость фундаментальных основ государства: нравственных, экономических, социальных и политических.

В понятие взяточничества входят следующие составы преступлений, направленные против государственной власти, ин-

тересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) [1].

По нашему мнению, ведущая роль при решении проблем уголовно-правовой квалификации взяточничества, должна принадлежать фактору законного либо незаконного поведения взяткополучателя после получения вознаграждения. Примечательно, что исторически уголовная ответственность за взяточничество дифференцировалась главным образом в зависимости от того, были действия чиновника за взятку законными (устаревший термин «мздоимство») либо незаконными («лихоимство»). Мы считаем, что повышенная уголовная ответственность за взяточничество за незаконные действия (бездействие) обусловлена совершенно иным объектом преступления, нежели взяточничество за законное поведение должностного лица. В связи с этим мы предлагаем выделить данный состав преступления в отдельной статье Особенной части уголовного закона.

Далее перейдём к проблемам уголовно-правовой квалификации взяточничества, которые связаны с определением его предмета и рассмотрим два актуальных вопроса: цифровые деньги и сексуальные услуги в качестве такого предмета.

Действующая статья Уголовного кодекса (далее – УК) 291 относит к предмету взятки определённые материальные блага (ценные бумаги, деньги), которые должностное лицо получает через посредника или лично, а также движимые и недвижимые разновидности имущественных благ [1]. 10 февраля 2000 года Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» существенно расширило понятие предмета взяточничества и отнёс сюда же выгоды, которые обычно оказываются на платной основе (ремонт автомобиля и техники, санаторно-курортное оздоровление и отдых, туристические услуги, обучение в школах, университетах и т. д.), а также снижение цены на покупку недвижимости, аренду, кредитование на льготных оснований и т. д. Ключевой момент заключается в том, что перечисленные выше и подобные им выгоды должны получить соответствующую финансовую оценку при вынесении приговора.

Мы согласны что сложность квалификации взяточничества, которую отмечает Е. В. Яковенко в своём диссертационном труде, связанную с предметом преступления: сложно разграничить средство совершения преступления и его предмет, если исходя из законодательства выходит, что предмет превращается в инструмент. Предмет дачи взятки не сама взятка, а личная выгода и блага, которые взятокодатель получает взамен. Если отталкиваться от того, что предусмотренный ст. 291 УК РФ состав преступления лишь формальный, то выходит, что последствия для квалификации преступления не имеют никакого значения [12].

Если проанализировать судебную практику, то получается, что именно денежные средства – наиболее распространённый предмет взятки. Однако, мы уверены, что есть пока ещё латентная сторона вопроса взяточничества, которая нуждается в скорейшем рассмотрении. Большая часть наркотрафика уже сейчас функционирует посредством электронных денег; так же само обстоят дела и с коррупционными действиями. Криптовалюта позволяет конфиденциально и сиюминутно обменять личную выгоду на материальное благо.

Природа криптовалюты ошибочно трактуется как эфемерная, однако, это совершенно реальное и очень перспективное средство для оплаты различных уголовно-наказуемых деяний. Помимо этого, «лично или «через посредника» с каждым годом взятки даёт всё меньшее количество людей. Тяжело представить себе посредника с чемоданом денег, которого можно задержать на месте преступления, если есть возможность из дома посредством электронного платежа в один клик перевести нужную сумму. Однако, уголовно-правовая квалификация опосредованного взяточничества на сегодняшний день не развита. Именно поэтому, мы предлагаем отдельным пунктом добавить «опосредованную передачу взятки с помощью цифровых технологий» и развивать законодательную базу именно в данном направлении.

Однако, если переводы на банковские карты и электронные кошельки возможно отследить, то криптовалюта заводит правоохранительные органы в тупик и это следует признать. По нашему мнению, в вопросах квалификации коррупционных преступлений, предметом которых является криптовалюта, стоит обратиться к опыту Китая, в котором, несмотря на запрет Народного банка Китая осуществлять торговлю криптовалютами

и первичное размещение монет, арбитражный суд постановил, что независимо от правового статуса биткоина в Китае криптовалюта должна защищаться контрактным правом: «биткоин обладает признаками собственности, он может представлять экономическую ценность и преимущества».

Таким образом, установив материальную ценность криптовалют, можно рассуждать об их коррупционной актуальности как предмета преступления. С уголовно-правовой точки зрения, в случае установления факта незаконного получения имущественных ценностей государственным служащим за совершение определенных действий, если предметом взятки будет являться криптовалюта, безусловно, основания для привлечения лица к уголовной ответственности может признать каждый логически мыслящий человек.

Мы считаем началом правильного пути два события, которые стали отправной точкой рационального развития законодательства в данном направлении:

1. 24 декабря 2019 года в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [8] была внесена поправка, которая наконец упоминает в контексте предмета взятки и цифровые права: «...в тех случаях, когда предметом взятки являются имущественные права, у должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств, получать доходы от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав и др.» [10].

2. В проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровой финансовый актив теперь определяется как имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств. Право собственности на данное имущество удостоверяется путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций [3]. С 1 октября 2019 года цифровые права официально отнесены к объектам гражданских прав. Соответствующие изменения внесены в ст. 128 Гражданского кодекса РФ ФЗ № 34-ФЗ от 18 марта 2019 года.

Очевидно, что криптовалюта после конвертации в денежные средства позволяет получить явные имущественные права, в связи с чем передача криптовалюты в качестве предмета взятки даёт возможность квалифицировать подобные действия как ключевой элемент выполнения объективной стороны дачи или получения взятки.

Однако, трудностей на пути принятия мер уголовно-правовой квалификации подобных действий очень много. Так, Н. А. Лопашенко полагает, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении имел в виду только те действия, которые носят или могут носить легальный характер, могут быть признаны услугами с точки зрения гражданского законодательства, поскольку именно с позиции гражданского законодательства в уголовном праве определяются понятия денег, ценностей и иного имущества [6].

П. С. Яни, также пишет, что «вопрос об отнесении к предмету взятки вещей и услуг, стоимость которых нельзя установить, поскольку они ограничены в обороте и их оборот противозаконен, пока не может быть решен положительно, указав на необходимость применения для оценки предмета взятки тех же инструментов, что и для оценки похищенного имущества» [11].

Вместе с тем наиболее аргументированной нам видится мнение А. В. Наумова: «обращение в данном случае к нормам гражданского права неубедительно ввиду того, что в гражданском праве речь идет о принципиально иных вещах. Гражданский кодекс Российской Федерации определяет вещи, в том числе деньги и ценные бумаги, как объекты гражданских прав и не более. Правомерность или неправомерность природы соответствующих вещей не влияют на признание их вещами. Любая услуга имущественного характера должна отвечать лишь одному условию – быть оплачиваемой» [7].

В этой связи свойство предмета взятки в виде криптовалюты быть оплаченным, или по-другому иметь стоимостное выражение, делает его, на наш взгляд, полноценным предметом преступления.

Определившись с выводом о том, что криптовалюта может являться предметом коррупционного преступления, необходимо разобраться с правильной квалификацией такого деяния. Так, например, по мнению ряда учёных, взятку в биткоинах необходимо квалифицировать исключительно как покушение на

преступное деяние или подготовку к нему. Однако, наука уголовного права покушение или подготовку относит к неоконченным преступлениям.

Несмотря на то, что уголовное законодательство не содержит четкого определения неоконченного преступления (что является ещё одним существенным пробелом), исходя из понятия оконченного преступления и его признаков, можно сделать вывод, что неоконченным преступление признается в случае, если задуманные лицом действия (бездействие) не доведены до конца либо не достигнут преступный результат по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Таким образом, представляется очевидным, что передача криптовалюты в качестве предмета взятки не подпадает под указанные признаки неоконченных преступлений, наоборот, данные обстоятельства будут свидетельствовать о том, что виновное лицо выполнило в полном объеме объективную сторону преступления, доведя до конца свой умысел, равно как и лицо, получившее криптовалюту.

Как покушение данное преступление можно было бы квалифицировать в случае, если в момент передачи (или перевода) криптовалюты действия виновных были бы пресечены сотрудниками правоохранительных органов. Однако, следует признать, что это невозможно по состоянию на сегодняшний день, так как все приготовления к конвертации денег в биткоины можно осуществлять дома совершенно анонимно.

Соответственно как приготовление к даче взятки в криптовалюте можно было бы квалифицировать действия виновного по созданию условий для совершения преступления, к которым действия по передаче криптовалюты не относятся, так как выходят за рамки приготовления к преступлению. На основании вышеприведенных аргументов, подобное деяние необходимо квалифицировать в качестве оконченного состава преступления.

Далее перейдём к проблемам уголовно-правовой квалификации сексуальных услуг, как незаконного предмета взяточничества

По мнению Н.Г. Иванова секс не может быть предметом взятки, поскольку проституция в России незаконна [5]. Однако, по-нашему мнению, сексуальные услуги в качестве «взятки» распространены не менее широко, чем денежное вознаграждение. С данной позицией согласны многие правоведы.

Так, Егорова Н. А. пишет: «Оказание сексуальных услуг можно признать предметом взятки, поскольку в настоящее время признаются теневая экономика и рынок нелегальных услуг» [4].

Услуги сексуального характера не относятся к законным, видам деятельности, которые лицензируются и подлежат налогообложению. Таким образом, объективные критерии определения стоимости предмета взятки при указанных обстоятельствах подобных вещей и услуг будут отсутствовать. Конечно, стоимость некоторых вещей и услуг, невозможно оценить в силу отсутствия объективных критериев оценки. Например, оказывая личные неимущественные услуги, в том числе сексуальные, действия взяткодателя не имеют буквальный стоимостный характер, поэтому таким действиям невозможно дать денежную оценку в приговоре суда.

Однако, существуют и иные случаи, подмеченные Басовой Т. Г. «...когда должностному лицу предоставляют мужчину или женщину, чьи услуги сексуального характера оплачены, о чем субъект осведомлен и услуга принята. В данном случае сексуальная услуга имеет конкретную денежную оценку и подлежит оплате, при отсутствии которой услуга не будет предоставлена. Это придает ей имущественный характер» [2].

Естественно, что взяткодателям в данном случае являются не лица, занимающиеся проституцией и оказывают услуги, а тот, кто оплатил эти услуги. Вполне допустимо, что должностное лицо приемлет подобный вид отдыха, а тот, кто хочет получить выгоду, «покупает» за деньги и предоставляет взяткополучателю. Это вполне определенные блага, которые получает должностное лицо, управленец, чтобы выполнить определенные действия. Когда законодательство наконец признает, что оплачиваемые услуги проститутки могут быть предметом взятки, он станет на настоящий путь борьбы с коррупцией, так как затем необходимо будет урегулировать наркотики в качестве предмета взяточничества и услуги киллера, что будет являться уголовно-правовым противостояние данной сферы преступлений уже совершенно иного уровня. Конечно, существует множество «неудобных» проблем, которые не дают развиваться закону в правильном направлении. Так, некоторые учёные считают, что признавать и легитимировать существование в обществе расценок на преступные, незаконные услуги – это не слишком нравственно. Однако, по нашему мнению, не призна-

вать безнравственные действия в качестве предметного поля взятки не означает их ликвидировать, это лишь игнорирование проблемы, которая процветает в теневой стороне не выявленных коррупционных действий.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд теоретических выводов, направленных на правильное и эффективное применение уголовного закона в вопросах квалификации преступлений, совершаемых в сфере взяточничества

1. Под квалификацией преступления подразумевается соотнесение фактических признаков совершенного деяния с признаками составов преступлений, содержащихся непосредственно в уголовном законе, то есть осуществляется конкретный юридический анализ совершенного преступного деяния. На сегодняшний день, меры совершенствования уголовно-правовой квалификации взяточничества должно быть обращены на дачу и получение взятки посредством электронных денет, в частности, криптовалюты, а также на сексуальные услуги, которыми взяткополучатель пользуется в обмен на выгоду ввиду того, что на сегодняшний день рационально квалифицировать данные предметы взяточничества, к сожалению, не удаётся.

2. В состав преступления взяточничества входят: получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), однако, уголовно-правовая квалификация опосредованного взяточничества на сегодняшний день не развита. Именно поэтому, мы предлагаем отдельным пунктом добавить «опосредованную передачу взятки с помощью цифровых технологий» и развивать законодательную базу именно в данном направлении.

2. Мы считаем, что повышенная уголовная ответственность за взяточничество за незаконные действия (бездействие) обусловлена совершенно иным объектом преступления, нежели взяточничество за законное поведение должностного лица.

3. Криптовалюта после конвертации в денежные средства позволяет получить явные имущественные права, в связи с чем передача криптовалюты в качестве предмета взятки даёт возможность квалифицировать подобные действия как ключевой элемент выполнения объективной стороны дачи или получения взятки.

4. Нам представляется очевидным, что передача криптова-

люты в качестве предмета взятки не подпадает под указываемые некоторыми авторами признаков неоконченных преступлений, а наоборот, данные обстоятельства свидетельствуют о том, что виновное лицо выполнило в полном объеме объективную сторону преступления, доведя до конца свой умысел, равно как и лицо, получившее криптовалюту.

5. Когда законодательство признает, что оплачиваемые услуги проститутки могут быть предметом взятки, оно станет на верный путь борьбы с коррупцией, так как в последствии необходимо урегулировать наркотики в качестве предмета взяточничества и услуги киллера, что будет являться уголовно-правовым противостояние данной сферы преступлений уже совершенно иного уровня. Некоторые учёные считают, что признавать и легитимировать существование в обществе расценок на преступные, незаконные услуги – это безнравственно. Однако, по нашему мнению, не признавать безнравственные действия в качестве предметного поля взятки не означает их ликвидировать, это лишь игнорирование проблемы, которая процветает в теневой стороне не выявленных коррупционных действий.

Примечания:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6411e005f539b666d6f360f202cb7b1c23fe27c3/ (дата обращения: 28.04.2020).

2. Басова Т.Б. Некоторые дискуссионные вопросы квалификации предмета взятки //Десять лет действия Уголовного кодекса Российской Федерации: опыт применения и перспективы совершенствования. 2007. С. 6-8.

3. Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровой финансовый актив определяется как имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств. Право собственности на данное имущество удостоверяется путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. См.: О цифровых финансовых активах: законопро-

ект № 419059-7 [Электронный ресурс]. // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 28.04.2020).

4. Егорова Н.А., Егоров А.Г., Гордейчик С.А. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства //Законность. 2017. №1. С. 51-56.

5. Иванов Н.Г. К дискуссии о разъяснениях Пленума Верховного Суда о квалификации взяточничества //Уголовное право. 2013. №5. С. 71-73.

6. Лопашенко Н.А. и др. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) //М.: Юрлитинформ. 2019. С. 320.

7. Наумов А.В. Теория уголовного права не должна сводиться к анализу и критике уголовного законодательства //Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. №1. С. 121-140.

8. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 03.12.2013 г.) [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 28.04.2020).

9. Материалы официального сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации: главное управление правовой статистики и информационных технологий». [Электронный ресурс]. // https://genproc.gov.ru/upload/iblock/e99/sbornik_1_2020.pdf (дата обращения 28.04.2020)

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 №59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». [Электронный ресурс]. / СПС «КонсультантПлюс». // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 28.04.2020).

11. Яни П.С. О кибернетизации процесса квалификации преступлений //Законность. 2019. №12. С. 42-45.

12. Яковенко Е.В. Уголовно-правовая борьба со взяточничеством: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 9, 20.

О МЕРАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЯЕМЫХ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

В статье рассмотрены основные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним; приведены примеры судебной практики применения таких мер; обосновывается предложение устранить противоречия уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части применения норм по прекращению уголовного дела с назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетний, правонарушение, уголовные дела, расследование преступлений, судебный штраф.

Не вызывает сомнений, что преступность несовершеннолетних оказывает серьезное влияние на позитивный процесс социализации несовершеннолетних и создает предпосылки для сохранения и развития не только общей преступности, но и преступности рецидивной, поскольку хорошо известно, что большинство взрослых преступников-рецидивистов свое первое преступление совершили в несовершеннолетнем возрасте.

Сложившаяся практика соответствует сегодняшнему тренду уголовной политики в стране, направленной на сокращение применения реального лишения свободы и расширение практики назначения наказаний, не связанных с реальным лишением свободы.

Вместе с тем в судебной статистике отсутствуют данные о назначении несовершеннолетним, совершившим преступления, наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в качестве основного наказания. В этой связи можно предположить, что данный вид наказания к несовершеннолетним не применяется.

В действующей статистической отчетности также отсутствуют сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления, к которым суды в соответствии со ст. 90 УК РФ применяли принудительные меры воспитательного воздействия.

Анализ практики назначения уголовных наказаний несовершеннолетним в России свидетельствует о стабильно высоком числе лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лише-

нием свободы, по сравнению с числом несовершеннолетних, осужденных к реальному отбыванию наказания в виде лишения свободы.

Во многом такое положение обусловлено не только тенденцией к гуманизации назначенных несовершеннолетним преступникам наказаний, но и политикой государства, направленной на либерализацию наказаний в отношении несовершеннолетних. Для эффективной реализации такой политики необходимо иметь и соответствующие условия – экономические, социальные, правовые.

Созданы ли такие условия, учитываются ли они при назначении наказаний несовершеннолетним, совершившим преступление? Представляется, что одним из основных показателей эффективности назначенного наказания является факт совершения (несовершения) осужденным несовершеннолетним нового преступления в период отбывания наказания. Штраф как вид наказания, назначаемый несовершеннолетним, заключается в реализации денежного взыскания в доход государства.

Наказание в виде обязательных работ, назначенное несовершеннолетним, как известно, обладает следующей спецификой.

Во-первых, срок этого наказания для несовершеннолетних сокращен (от 40 до 160 ч).

Во-вторых, труд несовершеннолетних должен быть посильным. Определение посильности труда несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве не содержится.

В-третьих, поскольку большинство несовершеннолетних, осужденных к обязательным работам, – это учащиеся образовательных учреждений, общественно полезные работы должны выполняться несовершеннолетними в свободное от учебы, а не основной работы время (ч. 3 ст. 88 УК РФ). Однако определение времени, свободного от учебы, отсутствует. На практике оно исчисляется с момента окончания учебных занятий в образовательном учреждении, а не с момента истечения времени, которое еще требуется несовершеннолетним для самостоятельной работы в соответствии с основными образовательными программами образовательного учреждения. На наш взгляд, подобная практика уголовно-исполнительных инспекций нару-

шает право несовершеннолетних на образование и формирует у них потерю интереса к учебе.

В-четвертых, законодатель дифференцирует дневную продолжительность выполнения обязательных работ в зависимости от возраста несовершеннолетних (не более 2 ч в день – до 15-летнего возраста, не более 3 ч – для возрастной группы от 15 до 16 лет).

Кроме того, практикующаяся гласность выполнения несовершеннолетними общественно полезных работ может оказывать на них стигматизирующее воздействие [5].

В действующем уголовном законодательстве предусмотрена только одна особенность уголовного наказания в виде исправительных работ, назначенных несовершеннолетним, а именно: назначаются они на срок до одного года. При этом карательные элементы данного наказания – срок исправительных работ и размер удержаний из заработной платы – не дифференцируются в зависимости от возраста несовершеннолетних. Пределы удержаний из заработной платы несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам, которые не отличаются от удержаний, предусмотренных для взрослых осужденных к исправительным работам, на наш взгляд, носят дискриминационный характер.

Нет каких-либо возрастных ограничений и при назначении исправительных работ несовершеннолетним, хотя трудовым законодательством определяются особенности заключения трудового договора с несовершеннолетними в зависимости от их возраста. Действующее уголовное законодательство игнорирует принцип приоритетности образования (ч. 1 ст. 3 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»), требование обязательности среднего общего образования к конкретному обучающемуся до достижения им возраста 18 лет, положения ч. 6 ст. 66 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» о том, что привлечение несовершеннолетних, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, к труду возможно только с их согласия на трудоустройство.

Как известно, в срок наказания не засчитывается время, когда осужденный не работал, в том числе и по уважительным причинам. Применение этого правила к несовершеннолетним, как представляется, может нарушить их право на образование, поскольку уважительные причины пропуска работы могли быть

связаны с необходимостью посещения образовательного учреждения.

Применение условного осуждения к несовершеннолетним имеет свои особенности.

Во-первых, условное осуждение может быть применено к несовершеннолетним только при назначении им исправительных работ и лишения свободы на срок до восьми лет.

Во-вторых, при условном осуждении несовершеннолетних суд может, кроме обязанностей, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ, обязать осужденного пройти курс социально-педагогической реабилитации (психолого-педагогической коррекции) в образовательных учреждениях, оказывающих педагогическую и психологическую помощь несовершеннолетним, имеющим отклонения в развитии. В то же время в уголовном законодательстве отсутствует дифференциация обязанностей, которые могут возлагаться на взрослых и несовершеннолетних условно осужденных.

В-третьих, специфика реализации условного осуждения применительно к несовершеннолетним порождена требованиями Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ, который устанавливает основы правового регулирования в Российской Федерации отношений, возникающих в связи с деятельностью органов и учреждений системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних и правонарушений с их стороны.

Согласно ст. 21 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», индивидуальную профилактическую работу с условно осужденными проводят подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

На наш взгляд, положение, при котором на один орган (подразделение по делам несовершеннолетних) возлагаются обязанности по осуществлению процесса исправления, а на другой (уголовно-исполнительную инспекцию) – только контроля за поведением осужденных, крайне неудачно и часто приводит к безответственному отношению к процессу исправления несовершеннолетних осужденных как со стороны уголовно-исполнительных инспекций, так и со стороны подразделений по делам несовершеннолетних. На практике деятельность субъек-

тов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних чаще всего сводится к взаимному информированию.

Изменения обусловлены общими тенденциям гуманизации уголовного закона. Данный институт призван стимулировать лиц, преступивших уголовный закон, возместить потерпевшим причиненный преступлением вред.

На необходимость применения указанной нормы в следственной работе неоднократно указывалось как центральным аппаратом Следственного комитета России, так и руководством следственных управлений по субъектам. В связи с отсутствием достаточной судебной практики по рассмотрению уголовных дел указанной категории, на первоначальных этапах следственные органы сталкиваются с некоторыми проблемами, возникающими в процессе их расследования.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует четкая регламентация действий, поэтому большинство проблемных вопросов решаются в рамках межведомственного взаимодействия между судебными и следственными органами. В статье на примере судебно-следственной практики рассмотрены возникающие проблемы и пути их решения. Как правило, уголовные дела, которые прекращались в суде с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа- небольшой и средней тяжести, но имелись и другие категории дел, по которым фигуранты ходатайствовали о применении к данной меры (ст. 139, 318 и 319, 109, 143, 142.1, 145.1, 238, 285, 286, 293, 328 УК РФ и т. д.).

В ходе расследования указанных преступлений у подозреваемых (обвиняемых) выясняется материальное положение, а к материалам уголовных дел приобщаются сведения о полном возмещении вреда, причиненного преступлением, согласие виновного лица на применение к нему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, данные о размере заработной платы подозреваемого (обвиняемого) и членов его семьи, наличие у данных лиц иных источников дохода, а также разъяснение виновному лицу последствий неуплаты указанного штрафа. По результатам рассмотрения подобных уголовных дел судами принимаются процессуальные решения в порядке ст. 446.2 УПК РФ с назначением виновным лицам штрафа в размерах от 5 до 150 тысяч рублей.

Например, Нововятским районным судом удовлетворено ходатайство следователя Нововятского МСО о прекращении уголовного дела по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ в отношении директора ООО «П-к» Б. по факту невыплаты им свыше двух месяцев заработной платы 18 работникам предприятия, на общую сумму более 2,4 миллиона рублей, из корыстной и иной личной заинтересованности. Соответствующим постановлением Б. назначен судебный штраф в размере 10 тысяч рублей.

или решением Советского районного суда на основании ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ прекращено уголовное дело в отношении Ч., подозреваемого по ч. 1 ст. 134 УК РФ по факту совершения полового сношения с 15-летней Щ-ой. Ч. назначен судебный штраф в размере 15 тысяч рублей.

Следует отметить, что в ряде случаев судебные органы не разделяли позицию следствия и возвращали уголовные дела в связи с отказом в удовлетворении соответствующих ходатайств по причине отсутствия в уголовном деле полного возмещения подозреваемым (обвиняемым) ущерба или иным образом заглаживания причиненного преступлением вреда. В ст. 446.2 УПК РФ (п. 2 ч. 5) установлен исчерпывающий перечень оснований отказа в освобождении от ответственности с назначением судебного штрафа, чтобы не возникало прецедентов, когда лицо возместило ущерб или загладил вред, а его надежды на освобождение от уголовного преследования оказались не оправданными [4].

Примером служит решение суда [2] о возвращении в следственный орган уголовного дела в отношении Ч. по ч. 2 ст. 143 УК РФ, по факту получения производственной травмы гражданином К. со смертельным исходом. Несмотря на то, что на стадии предварительного следствия между подозреваемым и представителем потерпевшего было заключено мировое соглашение о ежемесячной выплате Ч. малолетнему ребенку К. денежного пособия до достижения 18-летнего возраста, суд посчитал, что невозможно принять процессуальное решение в порядке п. 1 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ в связи с тем, что отсутствуют критерии для определения в данном случае точного размера причиненного преступлением вреда. По результатам дополнительного расследования уголовное дело повторно направлено с обвинительным заключением прокурору. Приговором суда Ч. признан виновным в совершении вышеуказанного преступле-

ния и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 1 год 6 месяцев условно.

В другом случае суд отказал в удовлетворении соответствующего ходатайства следователя и вернул уголовное дело в отношении гражданина Ч. по ч. 1 ст. 238 УК РФ по факту причинения телесных повреждений несовершеннолетнему А. в результате падения льда с козырька балкона квартиры. При рассмотрении ходатайства суд установил, что денежные средства для заглаживания вреда, причиненного преступлением, передавались не надлежащим лицом, а именно: были переданы потерпевшему руководителем обслуживающей организации – ООО «МММ», а не самим ее работником Ч. Формально, в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ возмещение потерпевшему ущерба должно осуществляться обвиняемым лично, а не третьим лицом в его интересах. Вместе с тем, согласно ч. 3 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (ст. 75-76.2 УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами.

По данному уголовному делу, в ходе дополнительного расследования обвиняемая самостоятельно и в полном объеме загладила причиненный потерпевшему вред в денежной форме. Уголовное дело повторно направлено следственным подразделением в тот же суд, где впоследствии прекращено с назначением Ч-вой судебного штрафа в размере 25 тысяч рублей [1].

Уголовный закон определяет возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при соблюдении предусмотренных ст. 76.2 УК РФ условий и в тех случаях, когда причинение ущерба или иного вреда в качестве обязательного признака объективной стороны преступления в конкретной статье УК РФ не предусмотрены.

Таким образом, ст. 76.2 УК РФ устанавливает возможность заглаживания такого вреда и свидетельствует о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, которые определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния судом. В каждом случае суд устанавливает достаточность действий предпринятых

лицом, совершившим преступление, в целях уменьшения общественной опасности содеянного как позволяющее освободить лицо от уголовной ответственности [3].

В связи с изложенным полагаем необходимым устранить противоречия уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части применения норм по прекращению уголовного дела с назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Внести изменения в ст. 25.1 УПК РФ изменения и дополнить ч. 2 этой статьи следующим: «вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб в любой форме, устранив моральный, материальный и нравственные страдания потерпевшего, или иным образом загладило причиненный преступлением вред».

Примечания:

1. Архив решений Ленинского районного суда г. Кирова [Электронный ресурс]. // <http://oblsud.kir.sudrf.ru> (дата обращения: 01.02.2020).

2. Архив решений Первомайского районного суда г. Кирова [Электронный ресурс]. // <http://oblsud.kir.sudrf.ru> (дата обращения: 01.02.2020).

3. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) [Электронный ресурс]. // <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28088/> (дата обращения: 01.02.2020).

4. Рябинин А. Г., Пятакова Н. С. Вопросы реализации меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: проблемы и пути их решения // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11 (7). С. 104-109.

5. Сутурин М. А. Обязательные работы в отношении несовершеннолетних: Автореф. дисс....канд. юрид. наук. Томск, 2011. 22 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

В статье рассматриваются определенные перспективы и проблемы развития системы обстоятельств, исключающих преступность деяния в уголовном праве.

Ключевые слова: система обстоятельств, преступные деяния, уголовный кодекс, уголовное право России.

Социально-экономическая и политическая обстановка в России конца XX в. ознаменовала новые подходы к концептуальным основам уголовного законодательства. Провозглашение России правовым государством требовали переоценки ценностей, признания приоритетности защиты безопасности личности, охраны прав и свобод граждан, утверждения новых экономических и социальных отношений. Это ставило новые задачи перед уголовным правом. Концепция судебной реформы в Российской Федерации оценивала законодательство предшествующих лет как откровенно политизированное, в то время как «целью уголовной юстиции является защита общества от преступлений путем реализации уголовного закона, защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции» [1].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. видел свои задачи, прежде всего в охране общественного строя СССР, его политической и экономической систем, социалистической собственности и после этого – в защите личности, прав и свобод граждан и правопорядка от преступных посягательств (ст. 1).

Уголовный кодекс РФ 1996 года четко отразил поворот от предпочтительной защиты государственных интересов и тоталитарной организации общественного строя к задачам охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и безопасности (ст. 2 УК РФ). Это нашло отражение, прежде всего в его концептуальных основах.

Первостепенную важность приобретает сфера общественных отношений, связанных с защитой безопасности человека, его прав и свобод. Качественно новый характер приобретает уголовное законодательство с выделением в УК РФ принципов, положенных в его основу, и в первую очередь принципов спра-

ведливости и гуманизма. Достаточно сложно, но необходимо найти баланс между гуманным подходом в отношении законопослушных граждан (потерпевших) и соблюдением прав лиц, виновных в преступлении. Отсутствие такого баланса отмечается как один из существенных недостатков действующего Уголовного кодекса РФ.

Уголовный кодекс Российской Федерации в обстановке, скачка преступности и падения качества работы правоохранительных органов проявился довольно противоречивым актом. В нем, с одной стороны, отразились отдельные либеральные ценности, определяющие его содержание, с другой – в связи с растущей преступностью возникала необходимость укрепления карательной составляющей. Поэтому наперекор начальной идеи, вышел довольно репрессивный и жесткий по содержанию уголовный закон, скорее всего реалии тех 90-х годов этого и требовали. По истечению времени необходимость в этом отпала, уголовное законодательство стало в какой-то мере несбалансированным с реалиями и содействовало излишней репрессии. Это требовало модернизации уголовных норм, целью которой стало достижение положения, при котором законодательство будет формироваться согласно действительным потребностям и возможностями страны, обеспечивая равновесие интересов личности, общества и государства.

Основные направления развития уголовного права в XXI в., обоснованные доктриной уголовного права, на наш взгляд, будут определять такие факторы:

- 1) процессы глобализации, влекущей интернационализацию преступности, сближение национальных правовых систем;
- 2) стремительный научно-технический прогресс, приводящий к появлению новых угроз, видов и форм общественно-опасного поведения;
- 3) требование последовательного развития и реализации принципов, провозглашенных в УК РФ [2].

Все это означает последовательный переход к обеспечению общественной безопасности для большинства населения.

Изначально в принципах уголовного права, впервые сформулированных в Уголовном кодексе РФ, заложены концептуальные основы уголовного законодательства. Принцип гуманизма (ст. 7 УК РФ) является, по сути, основным стержнем модернизации современного уголовного права. Изменения кос-

нулись структуры, видов, назначения наказаний, освобождения от уголовной ответственности и наказания. В Общей части УК РФ произведены дополнения понятием «невиновное причинение вреда» (ст. 28 УК РФ). Введена глава, предусматривающая особенности ответственности и наказания несовершеннолетних, построенная с учетом международных стандартов защиты прав несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности [3].

Следует также отметить, что современный Уголовный кодекс РФ впервые в истории национального законодательства закрепил, обособив их самостоятельной главой, совершенно новую, более расширенную систему обстоятельств правомерного причинения вреда.

Уголовно-правовой доктрине под обстоятельствами, исключающими преступность деяния, как было отмечено выше, принято понимать осознанные и волевые действия субъекта, сопряженные с причинением какого-либо вреда правоохраняемым объектам, в силу их социальной полезности признаваемые уголовными нормами правомерными и исключающими уголовную ответственность лица за причиняемый вред.

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, призван стимулировать социально полезные действия граждан, направленные на устранение возникающих для правоохраняемых интересов угроз.

Помимо предусмотренных УК РСФСР обстоятельств – необходимой обороны и крайней необходимости, законодатель дополнил их число: причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38), физическим или психическим принуждением (ст. 40), обоснованным риском (ст. 41), исполнением приказа или распоряжения (ст. 42).

Думаем, такое решение подтверждает ориентацию уголовной политики страны на большую индивидуализацию и дифференциацию в подходе к человеку, чьи интересы которого охраняются государством. Многовариантность оценивания деяний, причиняющих правоохраняемым объектам вред, способствует также более результативному соблюдению положений как отечественного, так и международного законодательства, регламентирующих право лица на справедливое разбирательство в суде. В частности, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [4] признает, что в случае спора каждый «...

обладает правом на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок судом беспристрастным и независимым». Аналогична позиция Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону» (ст. 6) [5].

Таким образом, анализ института обстоятельств, исключающих преступность деяния, с точки зрения его значения в реализации современной политики в сфере уголовного права, сконцентрированной, в том числе на соблюдении положений международного права, а не только уголовно-правового регулирования, довольно значим. Исследуемый институт содействует «приданию большей значимости уголовно-правовой охране прав и свобод человека и гражданина и является важным шагом в уголовно-правовой политике Российского государства» [6].

В течение многих лет рассматриваемый институт остается одним из наиболее дискуссионных в российском уголовном праве. Не затихают научные споры по поводу юридической природы как в целом обстоятельств, исключающих преступность деяния, так и отдельных их видов. Серьезные проблемы нередко возникают при использовании норм об обстоятельствах, исключающих преступность, предусмотренных действующим УК РФ. В литературе в числе наиболее активно обсуждаемых все же остается вопрос о целесообразности расширения легального перечня исключающих преступность деяния обстоятельств. На этом последнем вопросе и сосредоточим внимание в данной главе.

Отдельные исследователи убеждены, что расширение перечня необходимо, в связи с недопустимостью нынешней ситуации, при которой применение положений главы 8 УК РФ «сопровождается законодательно не регламентированными требованиями, знакомыми только специалистам в сфере уголовного права и судебной практике». Так, придерживаясь того же мнения А. В. Шеслер и Д. А. Зыков говорят, что расширение перечня исключающих преступность деяния обстоятельств, закономерно вытекает из эволюции уголовного закона, причинно которой стало «изменение приоритетов уголовно-правовой охраны, связанное с тем, что главными объектами явились права и свободы человека и гражданина». Исследователи замечают, что расширение норм, закрепляющих перечень анализируемых

обстоятельств, является правильным направлением гуманизации законодательства, проявляющимся не в декриминализации деяний, не в диспозитивном подходе (в снижении нижнего предела санкций в уголовном праве), а в более чутком, индивидуализированном подходе при оценивании отдельного деяния, причиняющего вред правоохраняемым интересам. Они отстаивают точку зрения, что нормативное увеличение количества данных обстоятельств будет содействовать кратному увеличению вариантов оценки государством поведения причиняющего вред правоохраняемым интересам, а также более последовательному разграничению преступлений и деяний, преступность которых исключается.

Наряду с этим некоторые правоведы придерживаются противной точки зрения, доказывая, что отдельные обстоятельства, имеющие более длительную историю, послужили основанием для иных. К примеру, из необходимой обороны произошло задержание преступника, основой для физического и психического принуждения послужило состояние крайней необходимости. Оттого, они убеждены, что нормативное расширение перечня обстоятельств правомерного причинения вреда вовсе не целесообразно, в связи с возможностью возникновения смысловых повторов.

Критерием для ответа на поставленный вопрос, мы считаем, должны быть потребности уголовно-правовой защиты прав граждан, обеспечения правоохраняемых интересов общества и государства.

Отечественной уголовно-правовой доктрине, зарубежному уголовному праву известен ряд обстоятельств правомерного причинения вреда, на сегодняшний день не получившие отражения в действующем российском законодательстве.

Реалии противодействия наркобизнесу, организованным формам преступности, терроризму вызывают необходимость нормативной легализации такого обстоятельства, как «мнимое соучастие». Суть его заключается в наделении внедренных правоохранительными органами в различного рода преступные структуры лиц правом вынужденно «соучаствовать» в их противоправной деятельности в интересах ее выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия. Практика убедительно показывает, что вскрывать в упреждающем режиме готовящиеся преступные замыслы, пути, способы и средства их реализации

могут только лица, располагающие доверием главарей и участников преступных организаций. Указанные задачи решаются правоохранными органами в рамках оперативно-розыскного мероприятия «Оперативное внедрение», действенность которого без «мнимого соучастия» существенно снижается. Кстати говоря, подобный «мнимому соучастию» институт предусмотрен законодательством ряда штатов США, ведущих стран Европы и бывших республик СССР.

Настоятельная потребность эффективного противодействия преступности, прежде всего коррупции, обусловила настойчивые предложения узаконить в российском законодательстве, по примеру США и других западных стран, «правомерную провокацию», осуществляемую сотрудниками оперативно-розыскных органов в целях выявления и пресечения преступной деятельности. Предлагая возвести ее в ранг обстоятельств, исключающих преступность деяния, С. Радачинский обосновывает это следующим образом. «Провокация, – пишет он, – которая может иметь место при проведении оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления преступной деятельности и причастных к ней лиц для предотвращения более тяжких преступлений, является действием общественно полезным. Хотя она и причиняет вред охраняемому объекту, но это происходит в целях защиты более важного объекта и, как нам представляется, данный вред должен быть меньшим по сравнению с предотвращенным вредом» [7].

За легитимацию провокации как оперативно-розыскного средства выступает Н. Егорова: «Угроза общественной безопасности, создаваемая взяточничеством, а также невозможность его выявления и пресечения другими способами являются оправданием оперативного эксперимента, в ходе которого лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность, выполняет функцию подстрекателя».

Однако противоположного мнения придерживаются В. В. Комиссаров и П. С. Яни: «Провокационно-подстрекательскую деятельность сотрудников правоохранных органов следует рассматривать в качестве нового, пока не отраженного в главе 8 УК РФ обстоятельства, исключающего преступность деяния, совершенного лицом, в отношении которого эта деятельность осуществлялась» [8].

Т. Орешкина высказывается о дополнении законодательно-

го перечня исследуемых обстоятельств, таким новым, как «непреодолимая сила».

В рамках отдельной главы невозможно дать развернутую оценку предлагаемым новациям, касающимся введения новых видов обстоятельств, исключающих преступность деяния. Здесь важно другое: ученые-юристы их законодательный перечень не рассматривают как нечто неизменное, полагают возможным пополнять его в интересах обеспечения прав граждан, защиты правоохраняемых интересов общества и государства. Безусловно, эти законодательным решениям необходима всесторонняя, скрупулезная, научная проработка. Если же решения о нормативном введении новых видов обстоятельств, исключающих преступность деяния, будут приняты, то разумно отдать им должные статьи главы 8 УК РФ.

Есть еще одна специфическая группа обстоятельств, исключающих преступность деяния: они регламентированы не уголовным, а иными отраслевыми законами. Это «согласие потерпевшего на причинение вреда», «исполнение закона», «использование собственного права», «осуществление общественно полезных профессиональных функций» и др. Более того, некоторые из них фактически участвуют в регулировании общественных отношений в ряде сфер (правоохрана, борьба с терроризмом, медицина, спорт). Примерами могут служить такие, например, ситуации: хирург вырезает у больного часть желудка; пожарные при тушении жилого дома разрушают прилегающие постройки; собственник уничтожает свое имущество; хоккеист наносит конкуренту травму в период матча. В подобных и иных случаях причинение правоохраняемым объектам вреда не приводит к уголовной ответственности, совершение этих действий позволено нормами соответствующими законов. Причем в большинстве случаев правомерность совершаемых действий презюмируется внепроцессуально.

В законе не регламентировано в качестве самостоятельной ситуация причинение вреда во время спортивных мероприятий, что, как представляется, не исключает возможности трактовки деяний, причиняющих такой вред, с позиции обоснованного риска. При этом необходимо установить основание и признаки, его правомерности: невозможность достижения общественно полезной цели без риска, принятие рискующим достаточных мер для предотвращения вреда, недопустимость

угрозы жизни людей, общественного бедствия, экологической катастрофы [9].

Споры о признании исполнения закона обстоятельством, исключающим преступность деяния, идут не первый год. Очевидность ее признания стала особо видна после вступления в силу Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [10]. В соответствии со ст. 22 данного закона, лишение жизни совершающего террористический акт лица, а также причинение вреда его здоровью или имуществу либо иным правоохраняемым интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо реализации иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством РФ, признаются правомерными. Свидетельство в приведенной норме правомерности причинения вреда правоохраняемым интересам личности, общества или государства действиями, прописанное или разрешенное законодательством РФ, приводит нас к выводу, что в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, названо исполнение закона, специально не предусмотренное УК РФ.

В этой связи осмелимся высказаться о необходимости дополнения главе 8 УК РФ нормой о правомерности причинения вреда при реализации действий по борьбе с терроризмом или при совершении действий по пресечению террористического акта. Однако аналогичные ситуации правомерного причинения вреда при исполнении закона, данными примерами не ограничиваются, хотелось бы увидеть в главе не конкретный случай, логичнее было бы закрепление положения широкого профиля, предусматривающего что-то, типа: не является преступлением причинение вреда при исполнении закона для достижения общественно полезной цели, при отсутствии иных средств и способов для исполнения закона.

Законодательно не решен и вопрос о значении волеизъявления лица, соглашающегося на причинение иными лицами вреда его правам и интересам. В то же время несомненно, что согласие лица в данное время исключает преступность различных деяний. Например, отсутствуют признаки незаконного лишения свободы, при лишении ее по его же просьбе.

Особую актуальность проблема согласия лица приобретает в связи с развитием медицины в области трансплантологии,

что предполагает и случаи, когда один человек добровольно жертвует какой-либо свой парный орган или ткани тяжелобольному человеку для спасения его жизни или здоровья. Можно согласиться с мнением о том, что эта ситуация с указанием на определенные требования регламентирована Законом РФ от 22 декабря 1992 г. N 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека», поэтому при соблюдении всех положений данного Закона действия по изъятию у живого донора органов (тканей) и их пересадке другому человеку являются правомерными и в настоящее время.

Однако закрепление общей нормы о согласии лица на причинение ему вреда в уголовном законе на наш взгляд, весьма необходимо. Без такой нормы остаются не урегулированными уголовным законом границы возможного вреда, условия для признания согласия человека на причинение ему вреда правомерным. В литературе справедливо отмечалось, что согласие лица на причинение вреда его правоохраняемым интересам не может быть абсолютным. Бесспорно, это должны быть его личные права, распоряжаться которыми он может свободно: честь, достоинство, свобода, собственность.

Споры связаны с тем, фиксировать ли норму о согласии лица на причинение ему вреда в уголовном законе [11]. Ю.В. Баулин считал рациональным ее включение, помещая ее вслед за крайней необходимостью, Э.Л. Сидоренко настаивала на дополнении главы 8 УК РФ статьей 42.1 «Согласие на причинение вреда», помещая ее за исполнением приказа [12]. Возражения против придания этому «обстоятельству общего характера» также высказаны.

Однако чрезмерной универсальности при дополнении гл. 8 УК РФ нормой о согласии можно избежать путем указания определенных градаций и четких условий правомерности. При этом со стороны дееспособного человека распоряжение физической, половой свободой, честью, имущественными правами не должно быть чем-либо ограничено. Однако согласие лица на причинение вреда его здоровью должно быть жестко оговоренным, а относительно жизни человека, то даже его добровольное согласие не должно придавать правомерности причинение ему смерти кем-либо. Кроме того, на наш взгляд, согласие должно обладать признаками добровольности и осознанности, предшествовать по времени причинению вреда и прочее. То есть

поле деятельности для законотворцев представляется довольно обширным.

Однако данные направления не являются единственно актуальными. Разумеется, указанные «общие» обстоятельства, исключающие преступность деяния, предусмотренных главой 8 УК РФ, и, устраняющие в их рамках преступность любого общественно опасного деяния, являются приоритетными и незабываемыми, но есть еще специальные обстоятельства такого рода, которые также имеют возможность исключать преступность деяний, но только запрещаемых статьями, указанными в УК РФ, сформулированные, например, в примечаниях к статьям 151, 337, 338 Особенной части УК РФ.

Главное отличительное свойство этих обстоятельств, исключающих преступность деяния, по нашему мнению, заключается в не преступности производимых в их рамках действий, и обусловливается их заранее явной правомерностью. Собственно по причине их очевидности нет нужды и в процессуальном определении правомерности совершаемых формально вредных действий. При наличии у «потерпевших» от совершенных в границах этих обстоятельств, действий возникают сомнения по поводу правомерности причиненного им вреда, то соответствующая уголовно-процессуальная проверка проводится, по ее результатам принимается решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в уголовном преследовании.

Теоретической базой данных суждений является позиция, озвученная некогда ученым Ю. В. Баулиным, полагающим, что в УК РФ закрепление только «общего определения» исключающих преступность деяния обстоятельств и их приблизительный перечень, это предоставит возможным считать таковыми иные аналогичные обстоятельства, прямо не регламентированные уголовным законом.

Оппоненты Ю. В. Баулина, например, А. Г. Кибальник, настаивает на несоответствии этой позиция принципу законности и запрету на применение положений уголовного законодательства по аналогии [13]. Того же мнения А. А. Мордовина. «Основываясь на принципе законности, – считает она, – обстоятельства, исключающие преступность деяния, следует регламентировать только в уголовном законе. Такой вывод не означает, что теория уголовного права не может разрабатывать иные виды исследуемых обстоятельств. Однако они должны признаваться

такowymi только после появления формального признака – закрепления в УК РФ».

Как нам представляется, отсутствие в нормах уголовного права каких-либо указаний об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, предусмотренных иными федеральными законами, делает их не совсем законными. Вместе с тем легитимировать их путем включения в главу 8 УК РФ, не совсем рационально, поскольку тогда появится обременительная и порой неоправданная необходимость процессуальной исследования каждой, связанной с данными обстоятельствами, пускай даже самой очевидной правомерной ситуации.

Разрешить сложившуюся противоречивую ситуацию, нам думается, можно следующим образом. Уголовный кодекс РФ в главе 8 дополнить статьей 36.1 «Понятие и виды обстоятельств, исключающих преступность деяния» хотя бы следующего содержания:

«Статья 36.1. Понятие и виды обстоятельств, исключающих преступность деяния:

1. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, – это формально содержащие признаки преступления общественно полезные и целесообразные деяния, направленные на устранение угроз правоохраняемым благам и интересам и в силу этого признаваемые специальными указаниями уголовного закона не преступными.

2. Перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусматривается в статьях главы 8 Общей части, а также в примечаниях к статьям 151, 337, 338 Особенной части настоящего Кодекса.

3. Исполнение закона, согласие потерпевшего на причинение вреда, использование собственного права, причинение вреда в связи со спортивными мероприятиями признаются обстоятельствами, исключающими преступность деяния, на основе соответствующих федеральных законов».

Таким образом, предусмотренный действующим уголовным законодательством перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, не является в полной мере удовлетворяющим потребностям уголовно-правовой защиты прав граждан, обеспечения правоохраняемых интересов общества и государства, а поэтому нуждается в корректировке, которая на наш взгляд не заставит себя ждать в ближайшее время. Вместе с

расширение перечня ни в коей мере не означает снижения эффективности государственного противодействия преступности, которая остается одной из наиболее реальных угроз национальной безопасности.

В условиях радикальных преобразований в стране появилась необходимость модернизации уголовного законодательства в целях определения концептуального подхода к дифференциации уголовной ответственности, которая обеспечит некий баланс между двумя тенденциями – строгостью уголовной ответственности за совершение тяжких преступлений и исключение ее, в том числе в связи с усовершенствованным обстоятельством, исключающим преступность деяния, ее мягкостью в случае совершения преступлений небольшой или средней тяжести с опорой на состояние правоприменительной практики и теоретических концепций, выработанных наукой уголовного права.

Примечания:

1. Зыков Д.А., Шеслер А.В. Основные тенденции современной уголовно-правовой политики // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. 2012. N 3. С. 85.

2. Радачинский С. Провокация как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2009. N 2. С. 65.

3. Комиссаров В.В., Яни П.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. N 9. С. 8.

4. Рарог А.И. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2008. С. 4.

5. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 марта 2006 г. N 11 ст. 1146.

6. Дорогин Д.А. Противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека: уголовно-правовое исследование. М., 2016. С. 178.

7. Сидоренко Э.Л. Диспозитивность как режим уголов-

но-правового регулирования: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 16.

8. Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: Монография. М.: Илекса, 2009. С. 7.

9. Гравина А.А. Тенденция развития уголовного законодательства на современном этапе. // Журнал российского права. 2016. ноябрь. №11. // СПС «Гарант» (дата обращения: 11.04.2017).

10. Волженкин Б.В. Российское уголовное право: традиции, современность, будущее. СПб., 2005. С. 20; См. также: Гуманизация современного уголовного законодательства: Монография / под ред. В.П. Кашепова. М., 2015. С. 19.

11. Конвенция о правах ребенка 1989 г. (заключена в Нью-Йорке, 20 ноября 1989 г.), ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13 июня 1990 г. N 1559-1. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 7 ноября 1990 г. N 45 ст. 955.

12. Конвенция о защите права человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ратифицирована Федеральным законом от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ (в ред. от 24.06.2013) // СПС «Гарант» (дата обращения: 11.04.2017).

13. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. (ратифицирована Федеральным законом от 4 ноября 1995 г. N 163-ФЗ «О ратификации Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека») // СПС «Гарант» (дата обращения: 11.04.2017).

Х. А. Цопбоев, Н. Х Бузарова, А. А. Цакоев

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

В статье рассматриваются понятие и различные основания классификации преступлений по английскому и французскому уголовному законодательству. Отмечается отсутствие законодательно закрепленного понятия преступление и в той, и в другой правовых системах, дается характеристика наиболее устоявшихся видов преступлений по степени тяжести совершенного и по формам вин.

Ключевые слова: преступление, английское уголовное законодательство, французское уголовное законодательство, классификация преступных деяний.

Английское уголовное право не знает законодательного установления преступления. По мнению английских юристов, невозможно выработать такое понятие, которое удовлетворяло бы всех и охватывало бы все действия и бездействие, носящие уголовный характер. Более того, у законодателя, как считают такие авторитеты области уголовного права, как Кард, Кросс и Джонс, вообще нет необходимости в легальной формулировке преступления. Однако поиск в самой природе преступления таких особенностей, которые могли бы лечь в основу его дефиниции, не прекращается. Достаточно часто при попытках дать определение преступного деяния правоведы ссылаются на мнение, высказанное лордом Эткиным в 1931 г., о том, что «качество, присущее уголовному деянию, не может быть понято интуитивно или раскрыто с помощью каких-либо стандартов за исключением одного, который требует, чтобы деяние было запрещено под страхом наказания» [1].

Несмотря, однако, на такого рода высказывания в английской юридической литературе сформировалось определенное мнение о том, что же представляет собой преступление. Многие юристы по-прежнему считают одним из наиболее удачных определений преступления то, которое было дано Стифеном, когда он перерабатывал «Комментарии к законам Англии» Блекстона. Данное определение гласит: «Преступлением является всякое нарушение права, рассматриваемое с точки зрения вредной направленности (*evil tendency*) такого нарушения против общества в целом». Составители энциклопедического словаря английского права также используют это определение Стифена, добавляя, что преступлением также «является действие или невыполнение обязанности, причиняющие вред обществу и запрещенные законом под страхом наказания, налагаемого государством» [1].

Другая, более развернутая формулировка преступления предусматривает, что «преступлением или уголовным правонарушением является вред, запрещенный правом, независимо от того, является ли он также деликтом, нарушением договора или нарушением доверия, главным последствием которого будет

то, что преступник, если найден и подлежит уголовной ответственности, преследуется в уголовном порядке от имени государства и, если будет признан виновным, наказывается» [2].

Если обратиться к работам английских специалистов в области уголовного права, то следует признать, что все они предлагают примерно одинаковую классификацию преступлений.

В самом общем виде можно говорить о следующих типах классификации:

- 1) по источникам возникновения уголовной ответственности;
- 2) в зависимости от значимости объекта посягательства;
- 3) по степени опасности преступления, которая охватывает в свою очередь две классификации – с материально-правовой и процессуальной точек зрения.

В соответствии с источниками уголовной ответственности все уголовные деяния делятся на преступления по общему праву и статутные. В настоящее время ответственность за множество преступлений установлена в статутах, однако некоторые очень серьезные преступления, такие как тяжкое и простое убийство, по-прежнему являются преступлениями по общему праву. Следует отметить, что доля статутных преступлений все более увеличивается, поскольку многие преступления по общему праву отменяются как устаревшие или заменяются статутными с учетом требований времени. Изнасилование, например, перешло в категорию статутных преступлений только после принятия Закона о половых преступлениях (дополнения) 1976 г. До этого времени оно также являлось преступлением общего права, хотя статутная ответственность за иные половые преступления была введена еще в 1956 г. [3].

Представление о классификации преступлений в Англии в зависимости от значимости объекта посягательства в определенной степени можно почерпнуть не из законодательных источников (из-за отсутствия Уголовного кодекса), а из различных учебников и практических руководств, составленных ведущими специалистами в области уголовного права. Часто преступления объединены в несколько групп: преступления против личности, половые преступления, преступления против собственности, политические преступления, преступления против общественного порядка, преступления против правосудия, преступления против публичной морали, автотранспорт-

ные преступления. Некоторые авторы дополнительно выделяют компьютерные преступления, преступления, связанные с повреждением имущества, подделку.

Классификация по степени опасности преступления обычно предполагает две классификации – с материально-правовой и процессуальной точки зрения. До издания Закона об уголовном праве 1967 г. в Англии существовало деление преступлений в зависимости от степени их опасности на особо опасные преступления – измену (treason) и фелонии (felonies) и менее опасные преступления – мисдиминоры (misdemeanors) [1]. Общее право среди преступлений, подлежащих преследованию по обвинительному акту, выделяло фелонии как наиболее тяжкие преступления, обязательным последствием которых являлась конфискация имущества. Само слово «фелония» уже содержало указание на конфискацию, поскольку этот термин происходит от слов «fee» – феодальное владение и «lop» – цена, т. е. «фелония» означала всегда преступление, наказание за совершение которого всегда предполагало лишение преступника его собственности.

Принято считать, что измена являлась разновидностью фелонии, так как Закон об измене 1351 г. установил ответственность за измену или иную фелонию, однако с учетом значительных процессуальных различий, присущих судебному разбирательству дел об измене, «фелония» и «измена» традиционно рассматривались отдельно друг от друга [1].

В соответствии с давно сложившимися нормами общего права измена подразделялась на государственную измену (high treason) и малую измену (petty treason). К первой группе относились такие преступления, как убийство короля, королевы и членов его семьи, оказание помощи его врагам, подделка королевской печати, фальшивомонетничество, убийство канцлера или судей, а ко второй – убийство женой мужа или слугой хозяина. В настоящее время под понятие измены (treason) подпадают лишь те действия, которые относились к государственной измене.

К фелониям относились тяжкое и простое убийство, похищение имущества, двоебрачие, изнасилование. Следует отметить, что первоначально любая фелония каралась смертной казнью и конфискацией имущества и лишь позднее стали использоваться иные виды наказания [4].

К менее опасным преступлениям – мисдиминорам – общее право относило лжесвидетельство, сговор, обман, мошенничество, бунт, нападение. Совершение мисдиминора не влекло за собой обязательной конфискации имущества и никогда не каралось смертной казнью. В отличие от обвинявшихся в фелонии, лицо, обвинявшееся в совершении мисдиминора, имело право вызвать в суд свидетелей защиты и воспользоваться услугами защитника (эти различия были устранены в законодательном порядке в начале XVIII века). Деление преступлений на фелонии и мисдиминоры Законом 1967 г. было отменено, и в настоящее время по материальному признаку они подразделяются на измену и другие преступные деяния [4].

По способу судопроизводства преступления, с учетом их общественной опасности, делятся на деяния, преследуемые по обвинительному акту, суммарные и так называемые «гибридные», выбор процедуры судебного разбирательства которых зависит от обвиняемого.

По обвинительному акту преследуются преступления, подлежащие рассмотрению судом, состоящим из судьи и присяжных заседателей. Как правило, судебному разбирательству предшествует слушание дела в магистратском суде, для выяснения, достаточно ли доказательств для предания обвиняемого суду. Если доказательств достаточно, дело передается на рассмотрение суда Короны.

Суммарные преступления – это такие преступления, которые рассматриваются магистратским судом без участия присяжных. Магистратский суд рассматривает дело по существу от начала до конца, без предварительного разбирательства.

«Смешанными», или, как их еще называют, «гибридными», являются преступления, которые могут быть рассмотрены по выбору в одном из вышеназванных порядков. Составы этих преступлений также как и составы суммарных преступлений, устанавливаются статутами, причем в законе специально оговаривается, что они могут рассматриваться как суммарно, так и по обвинительному акту. Лицо, обвиняемое в одном из преступлений этого класса, вначале предстает перед магистратским судом, где посредством специальной процедуры определяется метод судебного разбирательства дела.

Закон 1967 г. также ввел дополнительное процессуальное основание, позволяющее классифицировать преступле-

ния на арестные и не арестные. Арестным преступлением является определенное уголовное деяние, которое влечет за собой возможность применения ареста без приказа судьи. Это может быть либо преступление, подлежащее наказанию, строго определенному в законе (смертная казнь или пожизненное тюремное заключение за совершение тяжкого убийства), либо преступление, за которое лицо, прежде не судимое, может быть приговорено к тюремному заключению на срок не менее 5 лет (простое убийство, кража, различные преступления, связанные с использованием опасного для жизни оружия и т. д.) [4].

Арест может быть произведен как констеблем, так и частным лицом. Констебль без приказа судьи имеет право произвести арест лица, в отношении которого у него есть разумные основания подозревать, что оно виновно в совершении или собирается совершить арестное преступление. Кроме того, констебль не только имеет право арестовать лицо, но и может с целью ареста подозреваемого войти в любое место, используя силу, и провести там обыск, если у него есть для этого разумные основания. В отличие от констебля частное лицо может произвести арест только в том случае, если оно знает (а не только подозревает) о совершении преступления.

Все остальные преступления относятся к числу не арестных преступлений. В ряде случаев закон все-таки допускает возможность ареста без приказа судьи, но при соблюдении определенных условий и в отношении преступлений, не отнесенных законом к категории арестных. К ним относится нарушение общественного порядка, сопряженное с дракой или пьянством, а также автотранспортные нарушения. Это возможно, однако, только тогда, когда полицейский не может установить точное имя или адрес подозреваемого, либо не верит в их правильность; если он убежден, что подозреваемый скроется с места до получения повестки в суд; либо если полицейский считает, что арест необходим для защиты интересов других лиц, например детей, или имущества других лиц.

Во Французском Уголовном Кодексе также как и в Английском не приводится четкого определения понятия преступление, и указываются лишь некоторые ключевые признаки преступности деяния и критерии преступления, такие как степень тяжести, виновность, возрастной ценз и т. д.

Формулировка термина преступление дается уголовно-правовой доктриной Франции. Так, во времена классического уголовного права преступление, рассматривалось как юридическая абстракция – явление не связанное с личностью человека. Лишь под влиянием позитивистской правовой школы интерпретация понятия преступление обрела свою связь с человеческой психикой и социальными факторами [2].

В современной Французской уголовно-правовой доктрине существует целый ряд объяснений преступного деяния, большинство которых носит формальный характер. Так, например, известный Французский юрист Ж. Прадель описывает преступление как «... всякое действие или бездействие, запрещенное обществом под угрозой уголовной санкции». В этой связи интерес вызывает дефиниция, выдвинутая Ж. Левассер, А. Шаван и Ж. Монтеррей в учебнике «Уголовное право и уголовный процесс»: «...преступление – это действие или бездействие, предусмотренное и наказуемое Уголовным Законом, вменяемое в вину его исполнителю и не оправданное осуществлением какого-либо права». Тут же указывается четыре признака преступления: материальный признак, признак уголовной противоправности, моральный признак и признак неоправданности. Другие источники французской доктрины выражают различное мнение по поводу определения и признаков преступления, что говорит о том, что французская уголовно-правовая доктрина все еще не пришла к единому знаменателю по этому поводу [2].

Во Французском уголовном праве существует несколько различных классификаций преступных деяний, включающих в себя по характеру (общеуголовные, политические и военные), по продолжительности (мгновенные и длящиеся), по степени процессуальной сложности (простые и сложные), и т. д. Наиболее существенным с теоретической и практической точки зрения из всего спектра классификаций является деление преступлений на три категории – преступления, проступки и нарушения. Критерием классификации, приведенной еще в Уголовном Кодексе Франции 1810 г. была природа наказания, предусмотренного за совершение того или иного преступного деяния. Новый уголовный кодекс заменил такой критерий на новый. Теперь в виде данного критерия выступает тяжесть деяния.

Классификация преступных деяний на преступления, проступки и нарушения имеет большое практическое значение. В

зависимости от характера деяния назначается соответствующая уголовно-правовая санкция. Так, например, преступления во Франции влекут за собой уголовные наказания (лишение свободы): за проступки – наказания исправительного характера, а за нарушения – «наказания, назначаемые за нарушения» (полицейские наказания), то есть штраф и т. д. С категорией преступления связана и форма вины. Большое значение для норм Особенной Части Уголовного Кодекса Франции имеет категория преступного деяния, поскольку учитывается законодателем при конструировании отдельных видов преступных деяний [1].

Уголовный Кодекс Франции также отразил классификацию преступлений на политические, военные и общеуголовные. Согласно этой классификации, политическими являются преступления, либо направленные против организации или функционирования институтов государственной власти и политической системы (объективный критерий), либо любые преступления, совершенные по политическим мотивам (субъективный критерий). Политические преступления по Французскому уголовному праву подразделяются на сугубо политические (преступления против конституции (подтасовка избирательных документов и др.), государственная измена, шпионаж, заговор и др.) и частично политические (политически-мотивированные преступные деяния, материально носящие общеуголовный характер). Согласно Французскому уголовному праву преступления носящие политический характер, но направленные не столько против государства, сколько против общества и его членов (терроризм, угон транспортных средств, захват заложников), не являются политическими. На лица, совершившие это преступление, распространяется международно-правовой принцип экстрадиции, закрепленный во Французском уголовно-правовом законодательстве [1].

Другой категорией преступных деяний являются военные преступления, ответственность за которые предусмотрена Кодексом Военной Юстиции. К таким преступлениям относятся дезертирство и отклонение от военной службы, неявка в срок из отпуска, оставление поста, воинское неповиновение по неполитическим мотивам и т. д. К данному типу преступлениям применяются не дисциплинарные, а, как правило, уголовно-правовые санкции. В связи с военными преступлениями следует также отметить следующие подвиды:

– смешанные преступления – преступления, совершенные военным лицом против гражданского (например, кража имущества хозяина дома, где расквартированы войска).

– правонарушения, совершаемые гражданскими лицами при некоторых условиях (например, мародерство на месте боевых действий).

К третьей категории преступных деяний относятся общеуголовные преступления, к которым относятся все остальные правонарушения, не отнесенные законодательством к разряду политических или военных.

Таким образом, во Франции сложилась достаточно дифференцированная классификация преступлений, с помощью которой нетрудно определить правовой режим и процедуры, подлежащие применению по отношению к определенному преступному деянию.

Примечания:

1. Козочкин, И. Д. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие. [Электронный ресурс] // <https://sci.house/zarubejnoe-pravo-scibook/ponyatie-prestupleniya-klassifikatsiya.html> (дата обращения 14.14.2020)

2. Аистова Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран. Учебное пособие. С-Пб. 2013. [Электронный ресурс] // http://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2013_01_02.pdf (дата обращения 14.14.2020)

3. Малешина А. В. особенности уголовно-правовых систем стран общего права. [Электронный ресурс]. / Актуальные проблемы российского права, №32008. // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovno-pravovyh-sistem-stran-obshchego-prava> (дата обращения 14.14.2020)

4. Безбородов Д. А. Особенности законодательной регламентации совместного преступного деяния по уголовному праву Великобритании и США. [Электронный ресурс] / Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, №1 (25) 2005. // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zakonodatelnoy-reglamentatsii-sovmestnogo-prestupnogo-deyaniya-po-ugolovnomu-pravu-velikobritanii-i-ssha/viewer> (дата обращения 14.14.2020)

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ
№ 60**

Издается с 1998 г.

Научный редактор *Н.Ю. Туаева*
Корректор *И.Г. Дзуцева*
Технический редактор *Е.Н. Маслов*
Оформление обложки *Е.Н. Макарова*
Компьютерная верстка *А.В. Черная*

Научный отдел
Владикавказского института управления
362025, Республика Северная Осетия – Алания,
г. Владикавказ, ул. Бородинская, 14
тел.(8672)540499, факс (8672)541580
E-mail: viu-online@mail.ru

Подписано в печать 30.04.2021.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офс. Печать цифровая.
Гарнитура Pragmatica. Усл. печ. лист. 13,65.
Тираж 200 экз. Заказ №36.

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3